

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

8-й год издания

№ 7

Июль 1938 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА СОВЕТСКОГО НАРОДА

Избирательная кампания по выборам Верховных Советов союзных и автономных республик нашей великой социалистической родины завершилась крупнейшей победой социализма, победой сталинского блока коммунистов и беспартийных, величайшим триумфом социалистической демократии.

В РСФСР — первой среди равных, ведущей республике Союза — приняло участие в голосовании 99,3% общего числа избирателей, в УССР — 99,62%, в БССР — 99,65%. Голосовали за кандидатов блока коммунистов и беспартийных: в РСФСР — 99,3% избирателей, в УССР — 99,55%, в БССР — 99,19%.

В Москве участвовало в голосовании 99,99% всего числа избирателей, в Ленинграде — 99,82%. В Москве кандидаты блока коммунистов и беспартийных собрали 99,6% общего количества поданных голосов, в Ленинграде — 99,26%.

В Узбекской ССР участвовало в голосовании 97,93% общего количества избирателей, в Киргизской ССР — 98,23%, в Казахской ССР — 99,2%, в Азербайджанской ССР — 99,36%, в Грузинской ССР — 99,2%, в Таджикской ССР — 99,5%, в Туркменской ССР — 99,55%, в Армянской ССР — 99,06%. За кандидатов блока коммунистов и беспартийных подали свои голоса: в Киргизской ССР — 99,1%, в Казахской ССР — 99,5%, в Узбекской ССР — 99,57%, в Азербайджанской ССР — 99,59%, в Грузинской ССР — 99,6%, в Таджикской ССР — 99,64%, в Туркменской ССР — 99,8%, в Армянской ССР — 99,6%.

От края и до края нашей необъятной страны счастливые, свободные народы с песнями и ликованием демонстрировали перед всем миром свое моральное и политическое единство, великое, неразрывное, нигде, ни в какой другой стране не мыслимое единство правительства и народа.

Поголовная явка к избирательным урнам, единодушное голосование за кандидатов сталинского блока, великое единство советского народа — все это говорит о безмерной сплоченности всей нашей 170-миллионной страны вокруг героического знамени Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, о беззаветной верности делу социализма, о несокрушимой воле народов Советского Союза победоносно бороться за дальнейшие успехи социалистической промышленности и колхозного строя, социалистической культуры и обороноспособности социалистической родины.

В каждом избирательном округе народ голосовал за своего кандидата сталинского блока коммунистов и беспартийных. Но тем самым народ голосовал за великого Сталина, за его верных соратников: товарищей Молотова, Кагановича, Ворошилова, Калининна, Андреева, Микояна, Ежова, Жданова, — за славный передовой отряд советского народа — за партию Ленина—Сталина, за свое подлинное народное советское правительство.

* * *

Товарищ Сталин, выступая на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы 11 декабря 1937 года, поздравил избирателей с наступающим всенародным праздником, с днем выборов в Верховный Совет Советского

Союза. Товарищ Сталин раз'яснил тогда, почему наши выборы являются действительно всенародным праздником рабочих, крестьян и интеллигенции Советского Союза. Он указал, что нигде и никогда в мире еще не бывало таких, как в Советском Союзе, действительно свободных и действительно демократических выборов. Товарищ Сталин напомнил, что даже в тех немногих, так называемых демократических капиталистических странах, где происходят всеобщие выборы, последние протекают «в обстановке классовых столкновений, в обстановке классовой вражды, в обстановке давления на избирателей со стороны капиталистов, помещиков, банкиров и прочих акул капитализма». Такие выборы, даже если они формально являются всеобщими, равными, прямыми и тайными, в действительности никогда не бывают ни вполне свободными, ни вполне демократическими выборами.

Обстановка, в которой проходили выборы у нас, совершенно иная. На свободное из'явление народной воли в нашей стране никто не оказывал давления, ибо капиталисты и помещики у нас ликвидированы. У нас выборы проходили в невиданной еще обстановке сотрудничества рабочих, крестьян и интеллигенции, всех народов нашей великой страны, их взаимной дружбы и доверия, в обстановке тесного единения коммунистов и беспартийных — их нерушимого сталинского блока.

Полгода, истекшие с тех пор как сталинский блок коммунистов и беспартийных одержал такую блестящую победу на выборах в Верховный Совет СССР, дали новые победы социализма.

«Выборы в Верховный Совет означают, — говорил тов. Молотов, — что наша Сталинская Конституция приведена в действие, что она превратилась в могучее орудие нового сплочения народа вокруг советской власти, вокруг большевистской партии, вокруг товарища Сталина, что строители социализма в нашей стране идут к новым великим победам».

Из числа лучших стахановцев, талантливейших героев труда наших фабрик и заводов, колхозных и совхозных полей и советских учреждений на руководящую партийную, государственную и хозяйственную работу выдвинуты народом новые кадры партийных и непартийных большевиков, беззаветно преданных великому знамени Ленина — Сталина, пламенных патриотов нашей великой советской родины.

Мудрой политикой партии и правительства, гением нашего великого вождя, отца и учителя товарища Сталина Советской стране обеспечен дальнейший расцвет свободной, социалистической жизни, еще более укреплены могущество и авторитет Советского Союза. Одержана решающая победа, равная выигрышу крупнейшего сражения у врага: разгромлены и уничтожены в основном осиные гнезда фашистских шпионов, троцкистско-бухаринских реставраторов капитализма, диверсантов и убийц. Планы злейших врагов советского народа разрушены, предательская ставка их бита.

Как никогда силен Советский Союз, народы которого, осуществляя великую Сталинскую Конституцию, всенародно и торжественно на основе социалистической демократии выбирали свои верховные органы власти.

Советская, социалистическая демократия, глубоко внедряясь в народные толщи, подымает все новые пласты советских людей, выросших за годы сталинских пятилеток, воспитанных замечательной сталинской эпохой, воплощающих в себе цвет многонационального советского народа. В качестве депутатов в Верховные Советы союзных и автономных республик перед советским народом предстали новые замечательные люди. Среди них знаменитые мастера социалистической индустрии и колхозных полей, знатные стахановцы, замечательные знатоки своего дела, Герои Советского Союза, горячие патриоты, мужественные и отважные защитники социалистической родины, лучшие представители советской интеллигенции, деятели переломной науки, литературы, искусства.

Кандидаты сталинского блока коммунистов и беспартийных, депутаты Верховных Советов союзных и автономных республик — это цвет многонационального советского народа. В народных избранниках отражены все лучшие качества советского народа, вся его героическая жизнь. Среди них юноши и старики, мужчины и женщины, русские и грузины, украинцы и татары, таджики и якуты, белоруссы и армяне, азербайджанцы и евреи — все они люди свободного труда, граждане великого Советского Союза, представители многочисленных национальностей великой сталинской дружной семьи народов СССР.

Те коммунисты и беспартийные, кого народ в едином сталинском блоке избрал своими депутатами в Верховные Советы,— мужественные, передовые люди, беззаветно преданные своей советской родине, своей партии Ленина—Сталина, своему советскому правительству. За ними идут новые и новые шеренги таких же героических, талантливых советских людей, честно, по-большевистски выполняющих на своем посту свой долг до конца, способных и готовых стать политическими деятелями ленинско-сталинского типа.

Они вместе со всем советским народом свято хранят в своей памяти и в своем сердце замечательные слова товарища Сталина о депутатах:

«...чтобы они оставались на высоте своих задач, чтобы они в своей работе не спускались до уровня политических обывателей, чтобы они оставались на посту политических деятелей ленинского типа, чтобы они были такими же ясными и определенными деятелями, как Ленин, чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, каким был Ленин, чтобы они были свободны от всякой паники, от всякого подобия паники, когда дело начинает осложняться и на горизонте вырисовывается какая-нибудь опасность, чтобы они были также свободны от всякого подобия паники, как был свободен Ленин, чтобы они были также мудры и неторопливы при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учет всех плюсов и минусов, каким был Ленин, чтобы они были также правдивы и честны, каким был Ленин, чтобы они также любили свой народ, как любил его Ленин».

Всенародное торжество многонационального народа всех республик нашей великой родины становится еще более светлым и радостным оттого, что первым депутатом в Верховные Советы избран тот, кто является организатором побед социализма, надеждой всего передового, прогрессивного человечества, кто высоко над всем миром держит великое, непобедимое знамя Маркса—Энгельса—Ленина,— великий и мудрый вождь народов — любимый товарищ Сталин. У всех на устах неизменно имя Сталина, имя того, кто вместе с Лениным создал героическую партию большевиков, кто вместе с Лениным руководил великой борьбой за полное уничтожение эксплуатации человека человеком в нашей стране, кто возглавляет сейчас борьбу за обороноспособность нашей социалистической родины, за мир, за коммунизм.

* * *

Торжество советского народа на выборах в Верховные Советы союзных и автономных республик — новое торжество ленинско-сталинской национальной политики, установившей великое, никогда до советской власти не существовавшее содружество народов многонационального Советского Союза.

Великий Ленин писал 18 лет назад:

«Мы хотим добровольного союза наций, такого союза, который не допускал бы никакого населения одной нации над другой,— такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии. Такой союз нельзя осуществить сразу: до него надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дело, чтобы не вызвать недоверия, чтобы дать изжить недоверие, оставленное веками гнета помещиков и капиталистов, частной собственности и вражды из-за ее разделов и переделов».

Мудрые указания бессмертного Ленина проведены в жизнь великим продолжателем его дела, нашим учителем и вождем товарищем Сталиным.

«Изменился в корне облик народов СССР,— сказала товарищ Сталин в своем докладе о проекте Конституции,— исчезло в них чувство взаимного недоверия, развилось в них чувство взаимной дружбы и наладилось, таким образом, настоящее братское сотрудничество народов в системе единого союзного государства».

Вот почему так велико и радостно было торжество русских, украинцев, белорусов, азербайджанцев, грузин, армян, узбеков, туркмен, таджиков, киргизов, казахов, и всех других народов нашей многонациональной страны в дни выборов в свои Верховные Советы. Вот почему так велики ненависть и презрение всех народов Страны советов к подлым врагам народа — троцкистско-бухаринским и буржуазно-национали-

стическим наемникам фашизма, хотевшим разбить великую братскую дружбу народов, оторвать их друг от друга и всех их от первого среди равных великого героического русского народа, восстановить цепи рабства, воскресить тюрьму народов.

Торжество сталинского блока показало всем врагам советского народа, что их попытки обречены на неизбежный крах, что их ждет позорная, заслуженная гибель, что народы Великого Советского Союза берегут как зеницу ока свою священную дружбу, которая есть «самое ценное из того, что дала нам большевистская национальная политика» (С т а л и н).

Эта великая победа советского народа — победа в международном масштабе: она имеет глубокое интернациональное значение. Она дала новую уверенность и бодрость героическому испанскому народу, борющемуся за свою национальную независимость. Радостным эхом прокатилась наша победа по терзаемой японскими захватчиками великой китайской земле и нашла радостный отклик в сердцах борющегося за свое единство, за целостность своей территории, за свою культуру великого китайского народа. Блестящая победа блока коммунистов и беспартийных в СССР снова с величайшей силой свидетельствует перед трудящимися всех стран, что победы социализма, записанные в Сталинской Конституции, возможны и у них, и это мобилизует пролетариев и угнетенных капиталистического мира на беспощадную борьбу за диктатуру рабочего класса, за советы, за коммунизм.

Великая победа советского народа при выборах в Верховные Советы свидетельствует об уверенности нашего народа в победе коммунизма, подымает сынов и дочерей Советской страны на новые подвиги, на высокие патриотические дела, на славную героическую борьбу во имя процветания нашей великой родины, во имя победы коммунизма во всем мире.

Эту героическую борьбу и всемирноисторические победы организует великая партия Ленина — Сталина, при поддержке всего советского народа, в неразрывной, теснейшей связи с ним; партия Ленина — Сталина всегда обеспечивала победу марксизма-ленинизма, успешно громила заклятых врагов социализма, вела массы вперед — к победам. В историческом деле выкорчевывания до конца подлой троцкистско-бухаринской разбойничьей банды наемников фашизма, буржуазных националистов и всех других злейших врагов народа партия большевиков неизменно опиралась и опирается на единодушную поддержку всего советского народа. Эта поддержка, эта помощь советских народных масс своей партии, обеспечивается тем, что партия большевиков смело и до конца защищает интересы рабочих и крестьян. «А что она неплохо защищает интересы этих классов, в этом, — говорил товарищ Сталин в своем докладе о проекте Конституции, — едва ли может быть какое-либо сомнение».

Неразрывная связь партии Ленина — Сталина с рабочим классом, с трудящимися города и деревни, со всем народом, давшая победу социализма в нашей стране, еще раз блестяще подтвержденная великой победой сталинского блока, создала невиданное нигде в мире морально-политическое единство советского народа. Весь советский народ тесно сплочен вокруг коммунистической партии большевиков, его ленинско-сталинского Центрального комитета, вокруг учителя своего и вождя товарища Сталина.

В своем докладе к двадцатилетию Октябрьской революции тов. Молотов сказал: «Морально-политическое единство народа в нашей стране имеет и свое живое воплощение. У нас есть имя, которое стало символом побед социализма. Это имя вместе с тем символ морального и политического единства советского народа. Вы знаете, что это имя — СТАЛИН».

Мудрость большевистской партии, несокрушимая сила советского народа воплощены в великом продолжателе бессмертного дела Ленина — Сталине.

СТАЛИН — надежда и светоч всего трудового человечества, знамя победы в Стране советов и во всем мире.

Н. Гудзий

СЛОКО

О ПЛЗКУ ИГОРЕВЪ

И ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЧВА

1

Неудачный поход новгород-северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 году, предпринятый им в союзе с его братом Всеволодом из Трубчевска, сыном Владимиром из Путивля и племянником Святославом Ольговичем из Рыльска, вызвал к жизни великую поэму неведомого нам певца и две летописные повести. Одна из них, вошедшая в Ипатьевскую летопись, рассказывает о походе и его последствиях особенно подробно; другая, помещенная в Лаврентьевской и сходных с ней летописях, — значительно кратче.

Игорь двинулся из Новгорода-Северского 23 апреля 1185 года. По пути (в Посемье) к нему присоединились со своими войсками Владимир и Святослав Ольгович. Черниговский князь Ярослав Всеволодович дал ему в помощь отряд ковуев, кочевавших в южных пределах Черниговской земли и защищавших ее границы. Этим отрядом командовал боярин Ярослава Ольстин Алексич.

На девятый день после выступления, 1 мая, Игорь подошел к Донцу. Войска шли медленно, потому что кони у них были «тучни вельми». У Донца, судя по обеим летописным повестям, Игоря настигло солнечное затмение. Лаврентьевская

летопись описывает его в таких красках: «Месяца мая в 1 день, в память святого пророка Иеремия, в среду на вечерни, бысть знаменье в солнци, и морочно (темно) бысть вельми, яко и звезды видети, человеком в очью яко зелено быше, и в солнци учинися яко месяц, из рог его яко уголь жаров исхожаше; страшно бе видети человеком знаменье божье». По Ипатьевской летописи, Игорь, увидев знаменье, стал ободрять дружину, сославшись на то, что тайны божией никто не знает, а знаменью, как и всему миру, творец — бог и не известно еще, на добро или на зло это знаменье.

Игорь переправился на другой берег Донца и подошел к реке Осколу, где два дня ожидал брата Всеволода, шедшего на соединение с игоревым войском из Трубчевска через Курск. После этого Игорь с союзными князьями дошел до притока Донца Сальницы, теперь уже не существующего. Тут от «сторожей» он узнал о том, что близко разезжают вооруженные половцы и что нужно или поскорее напасть на них или вернуться восвояси, потому что обстоятельства для русских войск складываются неблагоприятно. Услышав это, Игорь и другие князья решили, что если вернуться не бившись, то будет позор пуще смерти и что нужно положиться на

бога. Решено было продолжать наступление. Русские войска шли всю ночь и на другой день, в пятницу, встретили у реки Сюурлия половцев. Половецкие стрельцы пустили на русскую сторону по стреле и затем обратились в бегство. Игоревое войско перешло через реку, нанесло половцам поражение и, дойдя до брошенных ими вез, захватило большой полон.

Далее летописные известия расходятся между собой. Критически относящийся к Игорю рассказ Лаврентьевской летописи сообщает, что северские князья после победы стояли три дня у половецких вез, веселясь. Судя же по Ипатьевской летописи, Игорь тотчас же после удачного нападения на половцев предложил вернуться домой, говоря: «Бог помог победить нам врагов и даровал нам честь и славу. Мы видели много половецких полков, но все ли они соединились против нас? Пойдем же в эту ночь, а кто не может идти теперь, те пусть пойдут завтра утром». Святослав Ольгович возражал, ссылаясь на то, что он далеко гнался за половцами и кони его притомились; если он поедет теперь же, то придется отстать в пути. Его поддержал Всеволод, и решено было заночевать.

Между тем половцы собрались с силами и с раннего утра, в субботу, в несметном количестве начали наступление. Князья стремились с боем пробиться с войском к Донцу. Они говорили: «Если сами, спасаясь, побежим, а черных людей оставим, то будет нам грех перед богом за то, что выдали их; но или все умрем или все живы будем». Русские полки храбро бились весь день и всю ночь. Много пало раненых и убитых в русских полках. Сам Игорь был ранен в руку. На рассвете в воскресенье ковуи дрогнули и побежали. Игорь один, сняв шлем, чтобы его узнали ковуи, погнался за ними, надеясь вернуть их, но вернуть ему никого почти не удалось, сам же он, отдалившись от своего полка, попал в плен. Уже схваченный, он видел, как крепко бьется с наседающими полчищами врагов его брат Всеволод. Игорь желал смерти для себя, чтобы не видеть гибели своего брата, который так бился, что, как сказано в летописи, и бывшего у него оружия не хватало ему. Лаврентьевская летопись сообщает, что русское войско страдало от жажды, потому что половцы оттеснили его от воды: «Изнемогли бо ся бяху безводьем, и кони и сами, в зной и в тузе, и иступаша мало к воде, по три дни бо не пустили бяху их к воде».

Так было разбито русское войско на реке Каяле (вероятно, как предполагает профессор Кудрявцев, на верховьях Кальминуса). Все князья попали в плен, побиты

или пленены были почти все бояре и дружина; спаслось только пятнадцать мужей, а из ковуев — еще меньше.

О дальнейшем особенно подробно говорится в Ипатьевской летописи. Игорь объясняет свое поражение наказанием божьим за его грехи, за то, что он взял «на щит» город Глебов у Переяславля, не пощадив христиан, и пролил много безвинной христианской крови. Далее сообщается о том, как дошла весть о поражении Игоря до великого князя киевского Святослава Всеволодовича, который в ту пору направился в Корачев собирать войска для летнего похода на половцев. Огорченный Святослав призвал нескольких русских князей «постеречь Русскую землю», помочь ему справиться с половцами. Но призыв Святослава не имел существенных результатов. Половцы напали на русские земли, стали разорять их и уводить пленных.

Игорь, находясь в половецком плену, не подвергался особым стеснениям. К нему приставлено было двадцать стражей, сопровождавших его на прогулках и охоте и почтительно обращавшихся с ним. Кроме того у Игоря было пять или шесть собственных слуг. Он даже выписал из Руси пона для церковных обрядов, рассчитывая на долгое пребывание в плену. Но плен оказался короче, чем он предполагал. Осенью при помощи половецанина Лавра (в «Слове о полку Игореве» имя его — Овлур) он бежал на Русь и, побывав в Новгороде-Северском, отправился в Чернигов к Ярославу Всеволодовичу с просьбой о помощи на Юземье, а затем — в Киев, к Святославу Всеволодовичу. Сын Игоря вместе с дочерью Кончака, от которой он прижил ребенка, вернулся на Русь через два года, осенью 1187 года. О времени возвращения из плена двух других князей — участников похода — Всеволода Святославича и Святослава Ольговича — в летописных известиях сведений нет.

Так закончилось рискованное, необдуманное предприятие северских князей.

2

Это было далеко не первое столкновение русских с их степными соседями и не последнее. Нападением половцев Русь начала подвергаться более чем за сто лет перед этим — с 1061 года, а прекратились они лишь перед самым нашествием татар, покоривших половцев и частично вливших их в свои полчища.

Активной силой, боровшейся с половцами, был сам русский народ. Летопись под 1068 годом рассказывает о народном возмущении киевлян против князей, отказавшихся выступать против половцев. Вос-

Обращение Игоря к дружине перед походом.
Иллюстрация И. Голикова к «Слову о полку Игореве».

Издание «Academia».

ставшие «люди киевстии» собрали вече на торгу и, пославши к князю, сказали ему: «Се половни росулися по земли; да вдай, княже, оружья и кони, и еще бьемся с ними». Упорство князя Изяслава стоило ему престола: он был свергнут народом и бежал в Польшу. Против половцев выступил Святослав и одержал над ними крупную победу.

С начала XII века Русь перешла в наступление против степных кочевников и нанесла им ряд сокрушительных ударов. Особенно прославился своими походами на половцев Владимир Мономах. С 1103 по 1116 год им было предпринято против них четыре похода, в результате которых половцы были отброшены за Дон и частично — на Кавказ. Дело Мономаха продолжал сын его Мстислав. Но со смертью Мстислава (в 1132 году) наблюдается новое усиление половцев.

За два столетия насчитывается свыше сорока опустошительных половецких набегов на Русскую землю, не считая бесчисленного количества набегов мелких. Русь испытывала тяжелые потрясения от вражеских нашествий. Никакие стоворы и соглашения не гарантировали ее от внезапных вторжений беспокойных варваров. Не помогали даже брачные союзы, заключавшиеся между русскими и половцами.

С половины XII века половцы стали особенно сильно тревожить русские земли. В 1170 году, за пятнадцать лет до прихода Игоря, на съезде южных русских князей

шла речь о том, как совместными усилиями бороться с половцами. Князь Мстислав Изяславич, призывая князей поскорбеть о Русской земле и о своей отчине и дедине, так говорил о половцах, постоянно нарушавших клятву: «А уже у нас и Греческий путь из'отимают, и Соляный (Крымский), и Залозный (на Дунай)».

Тяжесть положения усугублялась непрерывными княжескими усобицами, в которых зачастую князья, сводя свои личные счёты, прибегали к половецкой помощи.

В основном все это больше всего содействовало ослаблению Киевской Руси, которая со второй половины XII века стала явно клониться к политическому и экономическому упадку, чтобы в пору татарских нашествий надолго захиреть. Уже после разорения Киева войсками Андрея Боголюбского в 1169 году киевский великокняжеский стол и Киевская земля потеряли свое первенствующее политическое значение. Киев продолжал импонировать русским князьям, в сущности, лишь привычным представлением о нем как о традиционном центре русской государственности и русской культуры. По своему политическому влиянию и по степени военной мощи Киевское княжество значительно уступало теперь княжествам Суздальскому и Галицко-Волынскому. В «Слове о полку Игореве» Святослав киевский, обращаясь к суздальскому князю Всеволоду Большое Гнездо, так отзывается о его воинской си-

ле: «Великий князь Всеволод, ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон пледами вылить. Если бы ты был (здесь), то раб и рабыня продавались бы по мелкой монете. Ты ведь можешь посуху живыми копыями метать, удалыми сынами Глебовыми». Еще ярче изображется устами Святослава могущество галицко-волынского князя Ярослава: «Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь ты на своем златкованном столе, подперев горы угорские своими железными полками, загородив королю путь, затворив Дунаю ворота, метая тяжести через облака, суды рядя до Дуная. Грозы твои по землям текут; открываешь ты Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого стола султанов за землями».

Неудача игорева похода и сама по себе и в условиях современной походу исторической обстановки должна была ощущаться как событие особенно тягостное, несравнимое с предшествующими неудачами русских князей в борьбе со степью.

Поражение Игоря было неожиданным не только для него самого, но и для его современников. Он приобрел себе репутацию ненавистника половцев и счастливого победителя их в нескольких походах на них. Первая победа Игоря над ними относится к 1174 году, когда он многих половцев побил, а многих взял в плен. В 1183 году Игорь дважды победил половцев. В марте 1185 года он собирался помочь киевскому князю Святославу в его походе на половцев, говоря: «Не дай бог нам отречься от войны с погаными: поганые всем нам общий враг». Но гололедица помешала ему осуществить свое намерение.

Однако через два месяца после этого Игорь отправился на половцев со своими союзниками без сговора с киевским князем Святославом. Лаврентьевская летопись, очень сдержанно относящаяся к северским князьям, приписывает им такую самомнительную похвальбу: «Разве мы не князья? Пойдем также добыть себе славу». Одержав победу при первой схватке с половцами в этом походе, те же князья, по Лаврентьевской летописи, хвастливо противопоставляют себя другим русским князьям, ходившим на половцев: «Братья наши ходили со Святославом, великим князем, и бились с ними, озираясь на Переяславль, а они сами к ним пришли, в землю же их не смели за ними идти; а мы в земле их, и самих их избили, а жен и детей попленили; а теперь пойдем к ним за Дон и до остатка побьем их. Если тут будет наша победа, пойдем к лукоморью, куда не ходили и деды наши, и возмем до конца свою славу и честь». Вслед за этим ле-

тописец наставительно-укоризненно добавляет по адресу возмнивших о себе князей: «А не ведуще божья строенья». Святослав киевский, упрекая в своем «золотом слове» Игоря и Всеволода за их своеволие, говорит по их адресу: «Вы сказали: сами помужаемся, предстоящую славу сами добудем, а минувшую сами поделим».

Планы северских князей простирались очень далеко: они надеялись, видимо, отвоевать у половцев утраченную ими Тьмуторакань. По крайней мере, бояре в «Слове о полку Игореве», толкующие Святославу его «мутный сон», говорят о том, что два сокола (то есть Игорь и Всеволод) слетели с отцовского золотого стола, чтобы поискать города Тьмуторакани или испить шеломом из Дона.

И всем этим гордым замыслам суждено было потерпеть жестокое крушение. Первое столкновение игоревых войск с половцами, как мы уже знаем, окончилось победой русских. Летописные повести сообщают о большом полоне, взятом Игорем, а «Слово» в гиперболических чертах изображает богатство добычи, доставшейся победителям: потоптав половецкие полки, русские захватили красных дев половецких, а с ними золото и дорогие ткани. Одеждой побежденных и всякими их «узорочьями» они мостили мосты по болотам и грязным местам. Но вслед за тем для русских наступила тяжелая расплата. Половцы собрались с силами и повели на них наступление. Трехдневная битва закончилась полным разгромом игоревых полков. Автор «Слова» припоминает прошлые битвы русских князей с вражескими силами, но такой кровавой, как эта, не припомнит. Уже самое наступление врагов способно было вызвать ужас и предчувствие неизбежной катастрофы для недавних победителей: «Ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря на храбрые полки Игоревы: земля гудит, реки замутились, пыль поля покрывает». Еще страшнее была самая битва, с предельной художественной выразительностью и изумительной сжатостью описанная в «Слове»: «С утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о щлемы, трещат копыя булатные и в степи неведомой, среди земли Половецкой. Черная земля под копытами косями была посеяна, а кровью полита; горем взошли они по Русской земле».

Поражение, испытанное Игорем в 1185 году, было действительно очень тяжелым. В сравнение с ним может идти лишь поражение, нанесенное половцами Южной Руси почти за сто лет перед этим, в 1094 году, при киевском князе Святополке Изяславиче. Но такого большого урона, как

Битва русских с половцами. Иллюстрация И. Голикова к «Слову о полку Игореве». Издание «Academia».

в походе 1185 года, русские, пожалуй, никогда не испытывали при своих столкновениях с половцами: все четыре князя были взяты в плен, большая часть дружины перебита, а остальные взяты в плен. Никогда еще, судя по летописным известиям, не кончались так печально для русских их походы против половцев; ни разу еще русские князья не становились пленниками половцев.

Лаврентьевская летопись так перелает последствия игорева поражения: «Все князья были взяты в плен, а бояре и вельможи и вся дружина перебиты, другие же, раненые, по пленены. И возвратились с победой великой половцы, а о наших, за наше согрешение, не было никаких вестей. Где у нас была радость, там теперь распространились воздыхание и плач... у одних братья были перебиты и уведены в плен, у других — отцы и родственники». В Ипатьевской летописи говорится о том, что города в Посемье, услышав о поражении Игоря, пришли в смятение, и была скорбь и печаль лютая, какой никогда не бывало во всем Посемье, и в Новгороде Северском, и во всей земле Черниговской: князья по пленены и дружина по пленена, перебита и, метаясь, словно в сетях, восставали города, и не милы были каждому ближние его; многие предпочитали умереть, жалея своих князей.

Но дело было не в одной лишь жалости к князьям и дружине, а еще больше в том, что вслед за победой над Игорем по-

ловцы ринулись разорять Русскую землю. Не даром автор «Слова» говорит, что посеяв, засеянный Игорем, горем взошел по Русской земле. Ипатьевская летопись рассказывает о том, как, разбив Игоря, половцы возгордились и приготовились идти на Русскую землю. Между ними завязался спор, в каком направлении двигаться. Хан Кончак звал идти на Киев, где побиты были половцы и хан Бояк, другой же хан — Гза настаивал на том, чтобы идти в Посемье, где остались одни лишь жены и дети. Там приготовлен для половцев полон и можно брать города «без опасы». Не договорившись друг с другом, ханы направились в разные стороны. Кончак по дороге к Киеву пошел на Переяславль и осадил город. Переяславский князь Владимир Глебович, мужественно защищавшийся, был тяжело ранен. От Переяславля Кончак пошел на город Рымов, разорил его, взял большое количество пленных и вернулся восвою. Гза же пошел на Путивль, повоёвал волости, пожег села, сжег и острог у Путивля и после этого тоже вернулся в половецкие степи.

«Слово о полку Игореве» говорит также о том потрясении, какое пережито было Русской землей после поражения Игоря. «Поганые» после этого со всех сторон приходили с победами на землю Русскую. Застонал Киев от печали, а Чернигов — от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль обильная текла среди земли Русской. Князья занимались

раздорами, а «ноганые» рыскали по Русской земле. Святослав киевский скорбит о разорении Рима и о ранах Владимира Глебовича.

Тяжесть неудачи Игоря была тем сильнее для Русской земли, что она чрезвычайно подорвала значение бывшей за год до этого блестящей победы над половцами коалиции русских князей во главе со Святославом киевским. Наступило, наконец, долгожданное замирение Ольговичей с Мономаховичами, и они общими силами нанесли сокрушительный удар своим злейшим врагам. По свидетельству Лаврентьевской летописи, одних пленных половцев взято было семь тысяч, а половецких князей — четыреста семнадцать. В числе пленных оказался и хан Кобяк. Казалось, возвратились счастливые времена Владимира Мономаха, нещадно бившего половцев. В уста переяславского князя Владимира Глебовича летописец вкладывает благодарность богу, который освободил русских от врагов, покорил их «под ноге наши» и сокрушил «главы змиевы». Летописец сообщает далее о большой радости, бывшей у русских после победы: дружина ополонилась, добыла оружие и коней и вернулась домой.

Автор «Слова о полку Игореве», скорбя о том, что два храбрые Святославича — Игорь и Всеволод — свели нанет победу Святослава, в таких ярких красках рисует военную удачу киевского князя, прекратившего княжеские распри: он «наступил на землю Половецкую; притоил холмы и овраги; замутил реки и озера; посушил потоки и болота. А поганого Кобяка из лукоморья, из железных великих полков половецких, словно вихрь исторгнул. И пал Кобяк в городе Киве, в гриднице Святославовой». Успех Святослава и неудача Игоря нашли отклик не только у русских, но и у иноземцев: немцы и венециане, греки и мораване пели славу Святославу и укоряли Игоря, погрузившего богатство на дне Каялы, реки половецкой.

Судя по Ипатьевской летописи, Святослав в союзе с другими князьями вскоре одержал еще две крупные победы над половцами. После этого могло казаться, что враг обессил и что Киевская Русь, страдавшая от непрестанных набегов степняков, обессиленная и терявшая свой политический престиж, получила надежду на свое политическое возрождение. Но надежды эти были сильно подорваны разгромом игорева войска, вновь пробудившим половецкую экспансию. Этим объясняется энергичная попытка Святослава объединить нескольких русских князей, для того чтобы ликвидировать последствия игоревой неудачи; этим объясняется и тот живой

отклик на события, который мы находим у автора «Слова», своим талантом и силой своего гражданского чувства задумавшего послужить интересам родной земли. Он был страстным патриотом Киевской Руси, болевшим ее горестями и помышлявшим о восстановлении ее бывшего авторитета и бывшего ее положения — центра русской государственности. Он, вопреки действительному положению вещей, и окружает киевского князя ореолом политического авторитета для всей Русской земли. Былые, еще недавние распри Ольговичей и Мономаховичей ему представляются изжитыми, и он зовет тех и других для общего дела — защиты Русской земли под руководством киевского князя Ольговича, преодолевшего, однако, свои родовые симпатии и пристрастия и борющегося за общее достоинство «Дажь-божья внука» — русского народа.

Однако благополучие Киевской Руси для автора «Слова» было неотделимо от благополучия всей Русской земли, в целом, всего русского народа. Его патриотические чувства к родному Югу сочетались у него с патриотизмом общерусским и питали этот патриотизм. На защиту Руси от половцев он призывает не только тех князей, землям которых непосредственно угрожали половецкие вторжения, но и тех, которые от этих вторжений были гарантированы, — Всеволода III Суздальского, Ярослава Галицкого.

3

В судьбах Киевской Руси конца XII века военная катастрофа, постигшая Игоря, наиболее дальновидными современниками должна была рассматриваться как тяжелое испытание, как своего рода последнее предупреждение князьям, действовавшим вразброд, а порой еще и затевавшим усобицы. «Слово о полку Игореве» было актом вмешательства поэта-гражданина в события, которые в его сознании могли быть роковыми для Русской земли. И он с волнением и страстью отозвался на те горестные проявления княжеского сепаратизма, которые и в прошлом губили Русскую землю и теперь грозили ей неисчислимыми бедами. Серьезность и напряженность политической обстановки Киевской Руси ввиду усиления вражеской опасности, еще совсем недавно как будто устраненной, и породила на свет вскоре же после игорева похода облеченный в замечательную поэтическую форму патриотический «призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXII, стр. 122.

Действительно, именно в призыве русских князей к прекращению взаимных распрей, к объединению их ввиду вражеской угрозы — основной смысл «Слова». Поэт с глубокой горестью говорит о безрассудстве и политической близорукости князей, из-за своих личных счетов губящих жизнь и достояние «Дажь-божья внука» — русского народа. Исходя из общенародных интересов, он своим талантом стремится послужить тому, что он считает благом для родной земли. Все события русской истории, предшествовавшие походу Игоря, он рассматривает с точки зрения своей основной идеи — служения интересам Русской земли. Поэт старается показать, как губительны были на протяжении многих столетий княжеские междоусобия, когда один князь говорил другому: «Это мое, а это тоже мое» и когда про малое говорилось: «Это великое». Недоброй памятью поминает автор деда Игоря и Всеволода Олега Гориславича, который «мечом крாமолу ковал и стрелы по земле сеял». При нем в княжеских распрях укорачивалась жизнь человеческая. В ту пору редко пахари перекликались, но часто вороны граяли, деля между собой трупы русских воинов.

Бегство Игоря из плена. Иллюстрация И. Голликова к «Слову о полку Игореве». Издание «Academia».

С горькой укоризной обращается поэт и к внукам полоцкого князя Всеслава, поставившего себе как бы самоцелью безрассудные воинские авантюры: «Уже склоните стяги свои, вложите в ножны свои мечи поврежденные: уже выскочили вы из дедовской славы. Вы ведь своими крामолами стали наводить поганых на землю Русскую, на достояние Всеславова: из-за раздоров ведь пошло насилие от земли Половецкой». Ему жаль, что нельзя было навеки удержать у киевских гор оберегателя границ Русской земли Владимира Мономаха, бывшего грозой для половцев, и что теперь стяги мономаховы поделили между собой русские князья. Призыв постоять за землю Русскую наиболее энергично звучит в обращении к князьям киевского князя Святослава, в его «золотом слове», истинно золотом по своей художественной силе и по своей политической значительности.

Колеблясь, как ему начать свое повествование об игоревом походе, автор «Слова» отказывается это делать «старыми словесы», а решает неть «по былинам сего времени». «Старыми словесы» нет певец Боян, живший до творца «Слова» лет за восемьдесят. Наш автор не чувствует в себе той силы песенного дара, какой был у Бояна, который если кого хотел воспеть, то растекался мыслью по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Но, отказавшись идти по пути Бояна, автор на деле то и дело пользуется

ся его стилем и обнаруживает при этом такую силу поэтического мастерства, которая, видимо, не только не уступает силе песенного дара неведомого нам Бояна, но, нужно думать, даже превосходит ее.

Однако, несмотря на то что автор «Слова» во многом был обязан Бояну как своему учителю, у него были свои задачи, отличные от тех, какие были у «Соловья старого времени», а потому был и свой поэтический путь, во многом отличный от пути Бояна. Боян обычно пел славу князьям, и только по адресу беспокойного полоцкого князя Всеслава он сочинил укоризненную припевку. Творец же «Слова» не только славославил князей, но и был их суровым судьей, когда они своими недуманными и эгоистическими действиями причиняли зло Русской земле. «Слово о полку Игореве» — не только и не столько хвалебная песнь, сколько горячий призыв к действию, публицистически насыщенный и проникнутый насеквозь высокой гражданской идеей. Эта публицистика, этот страстный отклик на политическую злобу своего времени и являются теми «былинами сего времени», которые наш автор противопоставляет «замышлению Бояна».

Но гениальный поэт сумел свою публицистику облечь в такую исключительную

Вещий бой. Рисунок И. Голикова к «Слову о полку Игореве». Издание «Academia».

по силе и по красоте художественную форму, что мы воспринимаем его создание как произведение высокого поэтического искусства.

Автор «Слова о полку Игореве» был в высшей степени художественно одаренным человеком. Он стоит в ряду первых поэтов всех времен. Пушкин, любовно изучавший бессмертную поэму незадолго до своей смерти, возражая тем, кто считал ее позднейшей подделкой, относящейся к XVIII веку, писал, что наши поэты XVIII века «не имели все вместе столько поэзии, сколько находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства».

Не стремясь к точной передаче событий похода и бегства Игоря из плена, автор дает нам ряд сменяющих друг друга картин, предельно насыщенных поэтическими образами, богатых яркими красками. В «Слове» все живет, движется, звучит. Природа, принимающая здесь самое живое участие в судьбе русских князей и их дружины,—живая, одухотворенная и деятельная. Она неотделима от мира человека, как человек неотделим от мира природы. В ее помощи и участии залог человеческого благополучия и удачи, точно так же как в ее враждебном отношении к человеку кроется причина всяческих его злоключений и бед.

Эта стихийная связь человека с природой, выраженная в «Слове» так ярко и так лирически насыщено, как, пожалуй, ни в одном памятнике европейского эпоса, является основным источником его художественной силы и его поэтической значительности. Она, эта связь, целиком объясняется органической близостью автора к народной поэзии, которая питала его творческий гений. Народной поэзии обязано

«Слово» самыми яркими своими художественными красками. Несравненный по своей красоте образ Ярославны, на стене Путивля причитающей по своему пленному мужу и заклиная ветер, Днепр и солнце помочь Игорю вернуться на родину, восходит к народной причете. Народной песнью внушено автору «Слова» сравнение битвы с посевом, пиром и молотью, как к народному творчеству восходят и многие другие сравнения в поэме об игровом походе и многие его эпитеты и метафоры. Близостью к тогдашним поэтическим воззрениям народа, еще не изжившего в ту пору язычества, объясняется и присутствие в «Слове» языческих богов. Касаясь «Слова» в своей переписке с Ф. Энгельсом, К. Маркс писал: «Вся песнь носит христиански-героический характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно»¹.

Однако автор «Слова о полку Игореве» не только был глубоко проникнут народно-поэтической стихией, но очень хорошо знал и письменную литературу своего времени, оригинальную и переводную. Исследователи «Слова» наряду с параллелями из произведений устного творчества приводили к нему также и параллели из произведений книжной литературы, обращавшейся тогда на Руси. При всем том наш поэт был совершенно самостоятелен и оригинален в использовании и народно-поэтического и книжного материала. «Слово» обнаруживает такую высокую степень художественной самобытности, что не может быть и речи о его подражательности даже в отдельных его частях.

Автор очень хорошо знал прошлое и настоящее Русской земли, он прекрасно разбирался в событиях русской истории и в междукняжеских отношениях. Изучение «Слова» с точки зрения исторической убеждает нас в том, что оно представляет собой очень большую познавательную ценность, ярче чем любой другой русский памятник отражая характернейшие особенности феодального быта Киевской Руси и существеннейшие черты ее политического уклада.

Поэт, судя по содержанию «Слова», был воин, дружинник, но ему близки и понятны не только бранные подвиги закаленных в боях воинов: он понимает и братское чувство жалости к утомленному боем брату, и горе матери, оплакивающей утопнувшего юного сына, и преданную любовь супруги, заклиная силы природы помочь возвращению на родину ее мужа. Он суров, когда говорит о врагах своей родины и когда порицает князей—зачинателей

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXII, стр. 122.

раздоров,—и лирически мягок и сострадателен, когда говорит о тех, кто близок его сердцу и в ком он принимает живое, чело-веческое участие.

«Слово о полку Игореве» дорого нам потому, что оно является блестящим показателем той высоты культурного развития и политического и национального самосознания, какая достигнута была русским народом еще в отдаленную эпоху, в первые столетия его государственной жизни. Оно, во всяком случае, не уступает по своим художественным качествам лучшим созданиям мирового героического эпоса. Возникнув в той общей колыбели, какой была Киевская Русь для великоруссов, украинцев и белоруссов, оно по праву принадлежит в равной мере всем этим трем братским народам.

Но не одно лишь «Слово» свидетельствует о высоте культуры молодого Киевского государства. Если говорить о нашей древнейшей письменной литературе, дошедшей до нас, очевидно, далеко не полностью, то достаточно сослаться хотя бы на нашу летопись, о качествах которой — с точки зрения идейной и литературной — с большим уважением отзывались не только русские, но и иностранные исследователи. Она несколько не уступает лучшим образцам летописных хроник Византии и Западной Европы, а в некоторых отношениях и превосходит их.

Только высокоодаренный народ мог создать в очень короткое время такие ценности в области словесного, живописного и архитектурного искусства, какие созданы были русским народом уже на заре его культурной жизни. Нет сомнений, что еще в киевский период своей истории русский народ в основном создал свой устный героический эпос, рассказывающий о подвигах богатырей, защищавших родную землю от вражеских нападений и зорко оберегавших его границы. Этот эпос — наши бы-

лины — в народной памяти прошел через многие века и до сих пор еще живет в памяти сказителей, передающих своим детям и внукам героические предания о прошлом Русской земли.

Нашествия варваров, разорявших и опустошавших древнюю Русь, порой тормозили и замедляли органический рост ее культуры. Так было особенно в пору татарского ига, которое всей своей тяжестью обрушилось на Русскую землю, ходом исторического процесса спасавшую от разгрома и истощения культуру европейского Запада. «России определено было высокое предназначение, — писал Пушкин, — ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...», и далее, в сноске, Пушкин добавляет: «а не Польшею, как еще недавно утверждали европейские журналы, — по Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна»¹.

Но «растерзанная и издыхающая» Россия, освободившись от своих поработителей и залечив язвы, причиненные ей чужеземным владычеством, уверенными и твердыми шагами пошла по пути дальнейшего строительства своей органической и мощной культуры. Эта культура еще в XII веке проявила себя созданием гениального «Слова о полку Игореве», которому, как и всему подлинно великому, не страшна «веков завистливая даль» и которое воспринимается нами, через семь с половиной столетий после его создания, во всей его неувыдаемой силе и красоте.

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. VI, стр. 228. Гослитиздат. 1936. 4-е изд.

Присоединение Грузии к царской России

1

В самом начале XIX века Восточная Грузия (Карталинско-Кахетинское царство) была присоединена к Российской империи. Вскоре после этого были присоединены к России и Западная Грузия (Имеретия, Миагрелия, Гурия, Сванетия) и Абхазия.

Это присоединение было вызвано сложившимися конкретными историческими условиями. Внешняя политика русского самодержавия, как известно, носила ярко выраженный завоевательный характер. На Кавказе, в частности, царизм стремился укрепить свое господство как с целью дальнейшего расширения территории колониальной эксплуатации, так и с целью захвата новых торговых путей, которые связывали бы Российскую империю с богатейшими восточными рынками, и, наконец, по соображениям стратегического характера (чтобы получить форпост в борьбе против Ирана и Турции).

Начало проникновения царизма на Кавказ относится еще ко второй половине XVI столетия.

Открытое военное наступление на Кавказ началось с XVII века. Более решительно эта политика осуществлялась в XVIII веке, при императоре Петре I, который во время своего персидского похода 1722 года завоевал все дагестанское побережье с Дербентом включительно. Однако впоследствии русские войска снова были отброшены до реки Терек.

Завоевательная политика императора Петра I энергично продолжалась при Екатерине II. После многолетних кровавых войн были захвачены цветущие берега Черного моря и богатые земли северозападного Кавказа.

Во второй половине XVIII века, прокладывая путь огнем, кровью и насилием,

царская Россия вплотную подошла к границам Закавказья и Грузии. Были выстроены крепости и военные сооружения от Моздока до Азова, а затем создана черноморская кордонная линия.

Дальнейшему продвижению в Закавказье и новым колониальным захватам очень помогло то обстоятельство, что Грузия сама давно искала сближения и покровительства со стороны Российской империи.

Грузинский народ раньше чем многие другие народы, населяющие в настоящее время территорию Советского Союза, имел государственное образование. Более 2 тысяч лет назад в Грузии была изобретена азбука. Наибольшего расцвета грузинское государство достигло в XII веке. Его территория простиралась от Черного до Каспийского моря. Этот период характеризуется развитием экономики и культурным расцветом страны. Достаточно указать, что в это время жил и работал гениальный грузинский поэт Шота Руставели, автор «Витязя в тигровой шкуре», произведения, которое является не только замечательным памятником художественной литературы грузинского народа, но и ценнейшим вкладом в мировую культуру.

Впоследствии, в результате кровавых нашествий монголов (XIII век), господства Тамерлана (XIV и начало XV века), а затем турок (XVI век), обесспленная Грузия распалась на отдельные феодальные царства (Карталинское, Кахетинское, Имеретинское) и княжества (Гурия, Миагрелия, Абхазия, Сванетия, Самухе-Саатабаго), которые находились во враждебных отношениях и часто вели между собой войны, разоряя друг друга.

Сильно ослабленная экономически и политически, Грузия стала постоянным объектом борьбы между двумя ее ближайшими соседями: Турцией и Ираном. Уже с XVI века Западная Грузия стала в зависимость от Турции, а в первой половине XVII века была завоевана Ираном Восточная Грузия.

Последствия этих порабощений были для грузинского народа исключительно тяжелыми. Так, в 1552 году иранский шах Тамаз с огнем и мечом прошел по всей Карталинии и увел в плен десятки тысяч населения. В 1614 году на Кахетинское царство напал шах Аббас I и подверг страну новому разорению и опустошению. Столица Кахетии—Грени и торговый центр Загеми были сравнены с землей. Большинство сел, церквей, монастырей и замков было превращено в развалины и пепел, леса вырублены, сады уничтожены, посевы вытоптаны. Более 60 тысяч грузин было насильственно переселено в провинции Ирана — Мазандеран и Хорасан, где потомки их живут и до сих пор.

Русские посланники князь Мышецкий и дьяк Ключарев, побывавшие в Кахетии в 1642—1643 годах, в своем отчете писали:

«А городов никаких в грузинской земле нет. А которые малые городки в грузинской земле встарь бывали и как шах воевал грузинскую землю и те городки шах разорил и разбил до подошвы»¹.

Население Грузии подвергалось со стороны поработителей самому бесстыдному обиранию; всякого рода налоги и повинности достигали невероятных размеров. Перебы взимали с каждого взрослого мужчины по 2 рубля налога, а с подростка — по 1 рублю. Мало того: кроме налогов, крестьяне должны были доставлять провиант, фураж и перевозочные средства для войск оккупантов. В 1742 году шах Надир потребовал для перевозки хлеба из Ганджи 6 тысяч быков, которые так и не были возвращены населению. В покоренной стране свирепствовали насилие и разбой, у населения бесстыдно отбирали последние крохи, обрекая его на нищету и голодную смерть.

Известный французский путешественник Шарден, побывавший в Грузии в XVII веке, пишет о жителях Мингрелии:

«Бедняки ходят почти голыми, нищета их ни с чем несравнима, большинство имеет только кусок скверного войлока, которым и покрываются. Этот войлок, несколько напоминающий хламиду древних, они надевают, просовывая голову в отверстие; он покрывает только одну сторону тела и доходит до колен, поэтому его поворачивают в сторону дождя или ветра... Человек, имеющий рубашку и плохенькие панталоны, считается богачом; почти все босы. Обувь мингрельца заключается в подошвах из сыромятной буйволово́й кожи, привязанной к ногам ремнями из той же кожи. Эти сандалии вовсе не предохраняют от сырости»².

2

Лишь в XVIII веке благодаря ослаблению Турции и Ирана несколько улучшилось положение как Западной, так и Восточной Грузии.

При грузинских царях Теймуразе II (1731—1762) и его сыне Ираклии II (1744—1798) в Восточной Грузии произошло объединение Карталинии и Кахетии в одно царство. В этот период начинается некоторое культурно-экономическое возрождение страны. Подъем начался еще

при карталинском царе Вахтанге VI (1703—1724), который для своего времени был высокообразованным человеком. При нем были собраны и изданы законы, получившие в истории название «Законы царя Вахтанга»; по его инициативе в Тбилиси впервые была открыта типография. Вахтанг VI впервые издал типографским путем со своими комментариями бессмертную поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Известен в культурной жизни Грузии и сын Вахтанга VI царевич Вахушти, который составил историю и географию Грузии с картами. Труды эти не потеряли своего научного значения и до настоящего времени³.

В Грузии в XVIII веке начинают развиваться философия, история, естественные науки. Среди талантливых поэтов и писателей этого времени особенно известны Сулхан-Саба Орбелиани, блестящий прозаик и баснописец, поэты Д. Гурамишвили, Г. Габашвили и др.

При Ираклии II в Тбилиси расширяется типография, в ряде городов открываются семинарии и устанавливаются более тесные культурные связи с Россией и отчасти с Западной Европой.

Успехи в культурной области были подготовлены экономическим подъемом Грузии в XVIII веке. Объединение Карталинского и Кахетинского царств в одно государство во главе с выдающимся государственным деятелем царем Ираклием II укрепило Восточную Грузию экономически и политически. Ираклий II подчинил Грузии Эриванское и Ганджинское ханства и обязал их платить дань.

В Грузии в этот период наблюдается рост внутренней и внешней торговли. Большое значение приобретает торговля с Россией, особенно после того, как была открыта выючная дорога через Дарьяльское ущелье. По этой дороге из Кизляра, Моздока, Астрахани стали поступать в Грузию промышленные изделия, меха, а из Грузии вывозились хлопок, шерсть и т. д. В одном только Тбилиси насчитывалось 500 торговых лавок и много ремесленных заведений. Экономически усилившиеся, торговая буржуазия начала влиять и на политическую жизнь страны. Представители торговой буржуазии в Тбилиси назначались на государственные должности.

Во второй половине XVIII века в Грузии появились зародыши промышленного развития. В Тбилиси были основаны монетный двор, заводы: пороховой, пушечный, стекольный—и ткацкая мастерская. В районах Грузии были выстроены маслобойные заво-

¹ М. Подневетков «Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию», стр. 160. Издание 1928 года.

² «Путешествие Шардена по Закавказью», стр. 32.

³ Новое издание труда Вахушти «География Грузии с картами» подготавливается Грузинским географическим обществом.

Тбилиси в конце XVIII века.

Тбилисский филиал Музея В. И. Ленина.

ды, мастерские по выделке глиняной посуды и т. д.

В 1763 году были восстановлены серебряно-свинцовые рудники близ Ахтальского монастыря. В качестве рабочих были выписаны специалисты горного дела — греки из Анатолии. По показателям капитана Языкова, который был в Грузии в 1700 году, при общей сумме дохода казны в 150 тысяч рублей доход с Ахтальских рудников составлял 50 тысяч рублей.

Так как разработка рудников производилась хищнически, то рудники стали иссякать. Кроме того рудники служили объектом систематических нападений для внешних врагов. В 1785 году на рудники напал Омархан Аварский, который разорил их настолько, что добыча руд прекратилась на несколько лет. В 1795 году, во время нападения на Грузию Ага-Магомед-хана, оба завода были вновь разорены, 700 греков убито, а 836 уведено в плен.

Несмотря на это перед присоединением Грузии к царской России доходы с горного промысла продолжали занимать большое место в экономике страны. При общей сумме дохода казны в это время в 90 тысяч рублей доходы с медных рудников составляли 10 тысяч рублей¹.

Во второй половине XVIII века наметился некоторый подъем и в сельском хозяйстве. Улучшилась техника сельского хозяйства, расширилась помещичья и крестьянская запашка полей, увеличилась площадь обработки садов, виноградников, технических культур: хлопка, тутовых деревьев и т. д. Рост городов и прежде всего Тбилиси усиливал спрос на сельскохозяйственные продукты.

¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. I, стр. 197. Издание 1866 года.

Однако относительный культурно-экономический подъем Грузии в XVIII веке не носил устойчивого характера и не имел перспектив дальнейшего развития. Ираклий II делал попытки укрепить центральную власть. С этой целью была изменена система управления страной: проведены были реформы суда и разделение военной и гражданской власти, феодалы, занимавшие государственные должности, стали переводиться на жалованье, учреждено было постоянное войско и т. д. Но эти попытки укрепить централизованную власть и покончить с феодальной раздробленностью встретили решительное противодействие со стороны феодалов и внешних врагов: Ирана и Турции, — которые были заинтересованы в том, чтобы Грузия продолжала оставаться политически слабой, раздробленной страной.

«Грузины дореформенных времен, — пишет товарищ Сталин, — жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушные крестьян»².

Диктатура феодалов-крепостников обрекала крестьянские массы на жестокую эксплуатацию и угнетение. Цари, князья,

² И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 5 — 6. Наргиздат. 1937.

помещики, купцы, духовенство, чиновники сидели на шее задавленной крепостной массы и городской бедноты. Насчитывалось около 120 повинностей крепостных крестьян по отношению к своим феодалам.

В Грузии применялись законы царя Вахтанга VI, изданные, как мы указывали выше, в 1705—1707 годах, в которых было сказано:

«Крестьянин, как сам, так и то, что есть у него, принадлежит его господину» (статья 260-я).

«Помещик имеет право продавать и отчуждать всяким иным способом своего крестьянина» (статья 162-я).

«Движимое и недвижимое имение крестьянина находится в полном распоряжении помещика» (статья 258-я).

«По смерти крестьянина, не оставившего сыновей, если он был купец, все имущество его принадлежит помещику» (статья 248-я).

«Если бы господин и подлинно казнил или изувечил своего крестьянина, то сей последний и наследники его не вправе требовать от него удовлетворения» (статья 95-я).

«За побои господина крестьянин повинен лишиться руки или заплатить господину цену одного, а за личное ругательство в ярости лишиться языка или заплатить цену одного» (статья 259-я).

Существовало несколько категорий крепостных крестьян: азатов, мсахури, глехи, моджалабе. Феодално-помещичий произвол царил над всеми категориями крестьян, но особенно невыносимо было положение крестьян-моджалабе, которые были на положении настоящих рабов.

Феодалы за малейшую провинность подвергали крепостных суровым наказаниям: заковывали в цепи и кандалы, держали в застенках, пытали, отрубали руки, ноги, уши, выкалывали глаза и часто засекали до смерти.

Уже известный нам путешественник Шарден писал о крепостническом строе Грузии: «Высший класс имеет тут право на жизнь и имущество своих подданных, делает с ним что захочет, берет женщин, детей, продает их и употребляет на все, что ему вздумается. Каждый крестьянин приносит своему господину известное количество зернового хлеба, скота, вина и других произведений, так что богатство обуславливается числом крестьян. Каждый крестьянин содержит помещика на своем продовольствии один, два, три дня в году, вследствие чего высшее сословие в течение целого года переезжает из одной стороны в другую и обедает крестьян своих, а иногда и чужих, что служит источником раздоров, обращающихся в междоусобные схватки»¹.

До XIX столетия как в Восточной, так и в Западной Грузии открыто существовала работорговля. Особенно процветало это позорное ремесло в районах, расположенных на берегу Черного моря: Абхазии, Мингрелии, Гурии.

«Мингрельцы, — пишет А. Ламберти, — охотно продают невольников, так как за одного невольника получают все, что им необходимо для дома. Весьма печальная картина, когда видишь, как хозяева-христиане ведут продавать туркам сотню христианских детей»².

Феодално-крепостнические отношения, господствующие в Грузии, задерживали развитие производительных сил страны и в конце разоряли мелкого производителя и трудящихся города и деревни. Крепостные крестьяне неоднократно стихийно выступали против своих угнетателей-феодалов, стремясь ликвидировать все формы угнетения, кабалы и феодално-крепостнической зависимости. Крестьяне убегали от феодалов, устраивали восстания, убивали своих господ, жгли их имения.

Крестьянское движение в Грузии в период феодализма еще не достаточно изучено. Известны лишь некоторые восстания крестьян. Например крупное выступление крестьян имело место в Кахетии. Это было восстание против Бодбийского монастыря. Началось оно в 1700 году и окончилось лишь в 1712 году. Крепостные крестьяне требовали отмены новых повинностей, устанавленных монастырским архиереем. Крестьяне боролись с оружием в руках и вынудили в конце концов монастырь умерить жестокую эксплуатацию крепостных.

В Карталинском выступлении крестьян имели место в 1719, 1743 и 1744 годах. Последнее восстание было настолько серьезно, что грозило перекинуться и в соседнюю Кахетию. Кахетинский царь Теймураз II с целью удержать своих крепостных крестьян в повиновении не остановился перед тем, чтобы пригласить на помощь персидских солдат. В самой Карталинском крестьянское восстание было с исключительной жестокостью подавлено лишь после того, как феодал князь Амлахвари призвал на помощь 12-тысячное турецкое войско.

В 1773 году крестьяне в горной Пшавии восстали против своего феодала князя Чатокашвили, разрушили поместье и захватили его самого в плен. В этом же году произошло выступление крестьян против князя

¹ Цитировано по книге Бороздина «Закавказские воспоминания о Мингрелии и Сванетии с 1854 по 1861 год», стр. 126—127.

² А. Ламберти «Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией», стр. 178—179.

Грузинский царь Ираклий II.
Тбилисский филиал Музея В. И. Ленина.

Туманишвили. В 1775 году восстали крестьяне Портантского монастыря, в 1776 году — крестьяне урбинского епископа Юстина и помещика Зумбулидзе. В 1786 году крестьянские выступления имели место по всей Кахетии.

Крестьянские выступления в Грузии в тот период не могли победить по тем же причинам, по которым терпела поражения крестьянская борьба в России.

«...в русской деревне, — пишет В. И. Ленин, — всегда происходила и теперь происходит эта великая борьба, хотя не все видят ее, не все понимают значение ее. Когда было крепостное право, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»¹.

Несмотря на стихийный и неорганизованный характер движения, под напором крестьянских выступлений феодалы вынуждены были пойти на некоторые уступки: при Вахтанге VI было установлено 30-летнее право давности по розыску бежавших крестьян; в 1746 году царь Теймураз II снизил право давности до 12 лет; в 1765 году царь Ираклий II издал закон, по кото-

рому вернувшемуся из плена крестьянину предоставлялось право самому выбирать себе господина. Ираклий II также издал закон, запрещающий продавать крестьян в одиночку и без земли. Однако эти и другие законы лишь формально облегчали положение крепостных крестьян. Законы оставались на бумаге, к крепостные по-старому продолжали подвергаться помещичьему гнету и произволу.

Трубящиеся массы Грузии страдали также и от междоусобной борьбы различных групп феодалов. Продолжались нападения на Грузию со стороны Турции и Ирана. На пограничные села делали набеги дзиги и другие горцы. Они разоряли населенные пункты, уводили людей в плен и продавали их в рабство. Чтобы защитить страну от внешних врагов и справиться со своеволием феодалов, царь Ираклий II держал наемное войско и кроме того, чтобы изолировать население от разбойничьих нападений, платил ежегодно 5 тысяч рублей аварскому хану.

В конце царствования Ираклия II финансы государства оказались в плачевном состоянии. Резко уменьшилось и народонаселение. Достаточно указать, что в конце XVIII века в Грузии насчитывалось всего 300 тысяч жителей, причем в Восточной Грузии было всего 160 тысяч человек.

Таким образом, во второй половине XVIII века, несмотря на некоторое экономическое улучшение и культурный подъем, Грузия продолжала оставаться феодально раздробленной страной, без сильной центральной власти.

Своими собственными силами Грузия не могла выйти из социально-экономического кризиса и, тем более, справиться с внешними врагами, которые хотели ее окончательно поработить. Перед страной со всей остротой встала альтернатива: либо быть поглощенной шахским Ираном и султанской Турцией либо перейти под протекторат России.

3

Еще с конца XV века завязываются первые дипломатические сношения между Московским государством и Грузией. В 1492 году кахетинский царь Александр I отправил к великому князю Ивану III послов с целью установления дружеской связи. С 1554 года царская Россия устанавливает дипломатические сношения с Дагестаном и Кабардой. В 1567 году в устьях Терека был выстроен городок Терки, который заселили стрельцами и донскими, гребенскими и уральскими казаками, получившими впоследствии название терских казаков. После захвата Московским государством Волжского пути и укрепления в Астрахани связь

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. V, стр. 311.

между обеими странами делается более постоянной. Особенно укрепляется она при царях Федоре Ивановиче и Борисе Годунове. Так, в 1586 году из Астрахани был послан в Грузию русин Дашлов «проездивати дороги в грузинскую землю и земли грузинские — какова земля». В следующем году между Москвой и кахетинским царем Александром II было заключено соглашение, по которому Александр II признавал себя зависимым от Москвы, а царь Федор обещал Кахетию «держати под своею царскою рукою во обороне ото всяких твоих недругов».

В 1636 году кахетинский царь Теймураз I послал в Москву митрополита Никифора с просьбой о покровительстве и помощи. В ответ на это в 1637 году в Кахетию было отправлено посольство князя Волконского и дьяка Хватова, которые оформили присягу Теймураза I царю Михаилу Федоровичу.

В 1642—1643 годах в Кахетии побывали посланники Московского государства: князь Мышенский и дьяк Ключарев. Царь Теймураз I получил от московского правительства ценные подарки: 90 тысяч ефимков и соболей на 2 тысячи рублей.

В этот же период установились связи Москвы и с Западной Грузией — Мингрелией и Имеретией. Мингрельский владетельный князь Даднани также просил принять его в свое подданство и оказать ему помощь в борьбе против Турции. В 1650 году московское правительство послало в Имеретию посольство стольника Толочанова и дьяка Ивлева, которые оформили запись имеретинского царя Александра на верность Московскому государству.

В Кахетии, Имеретии, Мингрелии появились московские посольства. Целью их было внедрение русского влияния и подготовка почвы для аннексии. Грузинские же цари в своих переговорах прежде всего искали помощи и покровительства против своих внешних врагов: Ирана и Турции.

Император Петр I во время персидского похода заключил тайное соглашение с царем Вахтангом VI о совместных действиях против персов. Однако Петр I по целому ряду причин не сумел довести своего намерения до конца, и его войска отступили из занятого было Баку. Военная Грузия была жестоко наказана за «измену» и вскоре занята турецкими войсками. Самому Вахтангу VI в 1724 году пришлось с тысячей людей разных званий эмигрировать в Россию.

При Екатерине II в 1768 году началась русско-турецкая война. Ираклий II, по предложению русского правительства, принял участие в борьбе против Турции. На стороне России в этой войне выступил и имеретинский царь Соломон I. В 1769 году

в Грузию для переговоров с Соломоном I и Ираклием II было отправлено посольство Хабулова. В том же году в Грузию был послан русский вспомогательный корпус, состоящий из 3767 человек под начальством генерала Тотлебена.

В Грузии Тотлебен, «один из авантюристов XVII века», держался надменно и провокационно. Во время похода против турок на Ахалцих в решительный момент он неожиданно отступил, оставив грузинские войска в одиночестве против намного более сильного турецкого войска. Несмотря на это грузинское войско под руководством Ираклия II одержало в Аспиндзском сражении блестящую победу. Однако Ираклий II не сумел закрепить свою победу и вернулся в Тбилиси.

Тотлебен же со своим отрядом отправился в Западную Грузию. Он занял Кутаиси и 4 месяца безрезультатно осаждал Потю. На смену генералу Тотлебену Екатерина II послала генерала Сухотина. Последний застал русский отряд в самом печальном состоянии: люди были без палаток, в обтрепанной одежде, без лошадей, без снарядов, казна была в долгах и т. д. 800 человек из русского отряда погибли от злокачественной лихорадки. Сухотину также не удалось наладить нормальных взаимоотношений с Ираклием II и Соломоном I. В 1772 году, по распоряжению царского правительства, русские войска были выведены из Грузии.

Русско-турецкая война окончилась в 1774 году заключением так называемого кучук-кайнарджийского мира. По этому миру в нескольких пунктах трактата упоминалось и о Грузии, которая признавалась независимой от Турции.

«...Блистательная же Порта, — писалось в трактате, — с своей стороны обязывается... дозволить совершенную амнистию всем тем, которые в том краю в течение настоящей войны каким ни есть образом ее оскорбили. Торжественно и навсегда отказывается она требовать дани отроками и отроковицами и всякого рода других подарков; обязываются не почитать между ими никого за своих подданных, кроме тех, которые издревле ей принадлежали»¹.

Этот договор между Россией и Турцией, тем не менее, ничуть не улучшил положения Грузии. И после договора турки продолжали считать, что Западная Грузия находится в прямой зависимости от них.

После ухода русского войска из Грузии русское правительство ограничивалось лишь дипломатическим заступничеством за

¹ «Исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии». Т. I, стр. 413.

нее, не оказывая никакой реальной помощи. При активной агрессии Турции и Ирана этого было явно недостаточно. Грузинским царям не удалось также получить от России и экономической поддержки, в которой они очень нуждались. Ираклий II прекрасно понимал, что для сохранения независимости Грузии необходима постоянная, регулярная армия, хорошо обученная, дисциплинированная и вооруженная современной передовой техникой. Поэтому он неоднократно обращался к русскому правительству с просьбой помочь ему в этом деле как средствами, так и присылкой необходимых инструкторов и специалистов. Однако и в этом отношении паризм оставался глухим и не делал никаких реальных шагов в деле укрепления самостоятельности Грузии.

В 80-х годах XVIII столетия русское правительство готовило план захвата Ирана, а затем и Индии. В осуществлении этих планов Грузия могла оказать большую пользу. Между Россией и Грузией начались дипломатические переговоры, которые окончились подписанием русско-грузинского трактата в городе Георгиевске в 1783 году. Согласно этому трактату, Грузия признавала над собой верховную власть и покровительство России. Грузинские цари, вступая на престол, отныне обязывались приносить присягу на верность и «усердие к российской империи и на признание верховной власти и покровительства русских императоров». Оставаясь самостоятельной в своих внутренних делах, Грузия признавала полную свою зависимость от паризма в осуществлении внешней политики.

Договор был ратифицирован императрицей Екатериной II и царем Ираклием II. Предполагалось заключение аналогичного договора и с имеретинским царем Соломоном I, но подписание договора не состоялось, так как, по кучук-кайнарджийскому миру 1774 года, Имеретия продолжала оставаться в зависимости от Турции.

20 сентября 1784 года Екатерина II приняла в торжественной аудиенции грузинского министра князя Чавчавадзе, присланного царем Ираклием II на основании 5-го пункта договора 1783 года. В Грузию на основании того же договора был послан отряд в составе 2 батальонов под начальством полковника Бурнашева. Казалось бы, что царская Россия сделала реальный шаг в деле ограждения грузинского народа от его внешних врагов.

Но накануне второй русско-турецкой войны 1787—1791 годов русский отряд без всякого предупреждения был отозван под тем предлогом, что отряд терпит недостаток в провианте и фураже и что со времени вступления русских войск в Грузию царь Ираклий II потерял многих своих

прежних союзников. Действительным же поводом отозвания русских войск из Грузии явилось то обстоятельство, что русскому паризму не удалось осуществить своего плана занятия иранских провинций со стороны Грузии и Каспийского моря. Воевать же с Турцией со стороны Грузии русское правительство на этот раз не предполагало.

Таким образом трактат 1783 года Россией не был соблюден и оставался ключком бумаги.

Между тем на Восточную Грузию надвигалась новая опасность. В Иране пришел к власти Ага-Магомет-хан, который поставил себе целью восстановить былое могущество Ирана и полностью захватить в свои руки власть над Грузией.

Царь Ираклий II неоднократно обращался к императрице Екатерине II с просьбой прислать военную помощь в Грузию. Но императрица Екатерина II в 1792 году в своем рескрипте генералу Гудовичу, начальнику Кавказской линии, писала, что ныне «отправлять в Грузию войско за благо не приемлется». Только 4 сентября 1795 года было приказано генералу Гудовичу: «Подкрепить царя Ираклия, яко вассала Российского против неприязненных на него покушений, положенными по трактату с ними двумя полными батальонами пехоты»¹.

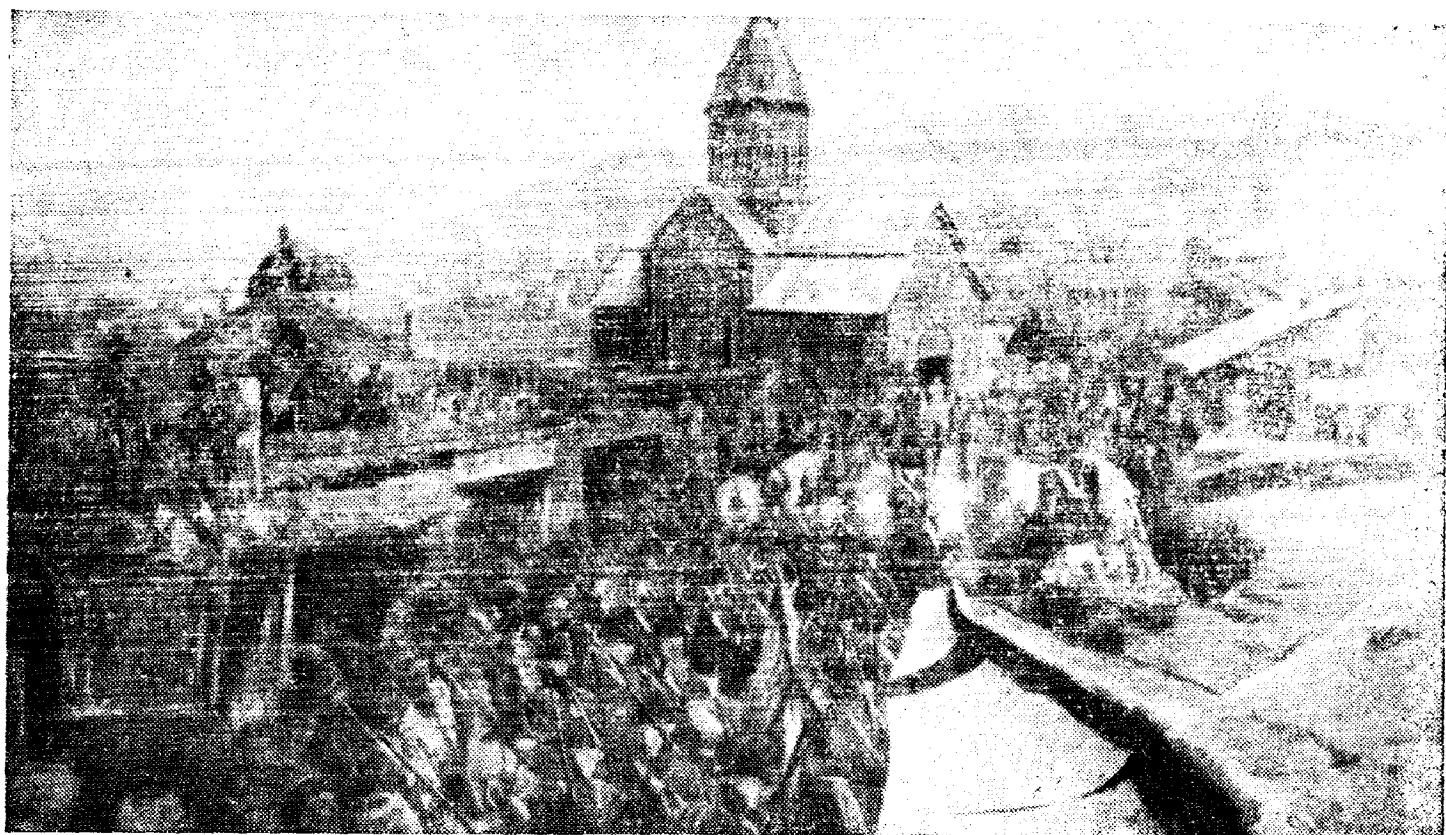
Это распоряжение Гудович получил только 1 октября, а уже 12 сентября 1795 года Ага-Магомет-хан во главе крупного войска напал на Тбилиси. Царь Ираклий II против врага мог выставить лишь небольшое войско. На помощь к нему не пришли не только грузинские феодалы, но даже родные его сыновья. Даже в минуту смертельной опасности для родины феодалы не сумели проявить достаточного мужества и стать выше личных интересов.

На основе союза, который существовал между Ираклием II и имеретинским царем Соломоном I, в борьбе против персов вначале принимали участие имеретинские войска, но и они вскоре покинули фронт. Через непродолжительное время Тбилиси был взят врагами и подвергся страшному разгрому.

Восточная Грузия, пережившая новое бедствие, еще более ослабела и политически и экономически. Она продолжала добиваться соблюдения царской Россией русско-грузинского трактата 1783 года, но Россия теперь с ней уже не считалась. Только в начале декабря 1795 года в Тбилиси прибыли русские войска.

После смерти Екатерины II российским

¹ См. Бутков «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год». СПб. 1869.

Войска царской России в Тбилиси. XVIII век.

С картины Рубо.

императором стал Павел I, который откровенно выразил свои намерения по отношению к Грузии, заявив: «Хочу, чтоб Грузия была губернией». При Павле была окончательно подготовлена почва для присоединения Грузии к России и уничтожения ее самостоятельности.

11 января 1798 года умер царь Ираклий II, крупный политик, выдающийся военный стратег, с личностью которого так или иначе вынужден был считаться русский царизм. На карталинско-кахетинский престол вступил его болезненный сын Георгий XII. Чиновник Коваленский, который должен был состоять при царе Георгии XII в качестве российского уполномоченного, уже «ехал в Тифлис не как посредник, а как губернатор или хозяин»¹. Со своею ролью Коваленский справился вполне, и в 1799 году генерал Лазарев писал генерал-лейтенанту Кноррингу, что «Грузией фактически уже управляет Коваленский, который полностью овладел царем (Георгием XII)»².

После смерти Георгия XII в Спасском и Ванском соборах 16 февраля 1801 года был оглашен манифест императора Павла о присоединении Восточной Грузии «на вечные времена к Российской империи»³.

Предварительно же в Тбилиси были двинуты крупные военные силы, усилены караулы и арестованы все явные противники российской ориентации.

Таким образом, присоединение Восточной

¹ Н. Дубровин «Георгий XII, последний царь Грузии, и присоединение ее к России», стр. 189. Издание 1897 года.

² Акты. Т. I. Д. № 902.

³ Акты. Т. I. Д. № 528.

Грузии произошло не на тех условиях, которых добивались царь Ираклий II и его дипломаты. На деле произошла военная оккупация и аннексия Грузии под предлогом защиты ее от внешних врагов. Естественно, что это обстоятельство вызвало среди грузинского народа настолько серьезное недовольство, что новый император, Александр I, вынужден был издать 12 сентября 1801 года новый манифест, в котором лицемерно говорилось:

«Не для приращения сил, не для горысти, не для распространения пределов и так уже обширнейшей в свете империи приемлем мы на себя бремя управления царства грузинского, единое достоинство, единая честь и человечество налагают на нас священный долг, вняв молению страждущих, в отвращение их скорбей учредить в Грузии правление, которое могло бы утвердить правосудие, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона»⁴.

Царский историк завоеваний Кавказа Н. Дубровин — и тот вынужден был отметить, что военная аннексия Грузии была встречена грузинским народом с большим недовольством. Царские власти ждали серьезных осложнений: генерал Кнорринг прочитал манифест от 12 сентября в Тбилиси лишь после того, как площадь, где собрался народ, была окружена войском.

Одновременно с изданием манифеста было выработано положение об управлении Грузией, схожее с положением об управлении губерниями в Центральной России.

⁴ Н. Дубровин «Закавказье от 1803—1806 годов», стр. 33. Издание 1806 года.

Главным военным и гражданским начальником Грузии и Северного Кавказа был назначен главнокомандующий. Для непосредственного управления Грузией было назначено так называемое верховное грузинское правительство. Это последнее делилось на 4 экспедиции: 1) исполнительную, с обычной функцией губернских управлений, 2) казенную—для заведывания финансовой и хозяйственной частью, 3) судебную—для уголовных дел, 4) судебную—для гражданских дел.

После присоединения Восточной Грузии к России наступила очередь Западной Грузии: Имеретии, Мингрелии, Гурии, Сванетии и Абхазии. В этих районах царизм лишь по политическим и корыстным соображениям решил до поры до времени не устранять от власти феодальную верхушку. Верный слуга царизма князь Цицианов, который был назначен с 1803 года на смену Кноррингу главнокомандующим в Грузии и на Северном Кавказе, ничтожно говорил по этому поводу: «Оставляя царей при мнимом их царстве, в совершенном подданстве России, на условиях выгоды ей доставляющих, империя ограждается от издержек, требуемых введением российской администрации»¹.

4

Грузия была наводнена солдатами и полицейскими. Толпою бросились сюда чиновники, всякого рода торговцы и темные дельцы. Трудовое население новой колонии стало подвергаться самому бесстыдному ограблению и открытому грабежу. Крестьянство стонало под тяжестью непосильных налогов, поборов и жестокого национального гнета.

Генерал Ермолов в своем всеподданнейшем докладе вынужден был сознаться, что в результате царской политики создалось такое положение, что «отцы за кусок хлеба продавали детей в вечное рабство, а отчаянные матери кидали в лесах и на дорогах истощенных от голода младенцев»².

В 1812 году в Кахетии началось крестьянское восстание. Когда представители главнокомандующего маркиза Пауллуччи явились к повстанцам для выяснения причин выступления крестьян, последние ответили: «Мы знаем, что нас мало в сравнении с русскими, не надеемся их победить, но желаем, чтобы они нас истребили. Мы искали покровительства русского царя—бог дал нам его, но несправедливости и жестокости его слуг привели нас в

отчаяние. Мы долго терпели. Ныне же, когда господь послал нам этот ужасный голод, когда мы сами едим корни и травы, от нас насильственно требуют провианта и фуража. Нас выгнали из собственных домов. Рылись в сундуках и ямах наших, открывали наши запасы вина и, напившись, сныря оскверняли остальное, бросая туда нечистоты. Наконец на глазах наших стали обижать жен и дочерей. Неужели и после такого семейного срама дорога нам жизнь»³.

Грузинское дворянство, которому русское самодержавие сохранило его феодальные привилегии, сделалось активным проводником царской колониальной политики на Кавказе. Крестьянство, таким образом, очутилось под двойным гнетом: колониальным и «своим», феодально-помещичьим.

Поэтому если грузинские властители подчинились царизму, ограждая себя и свои поместья при помощи штыков царской армии от революционного натиска грузинского крестьянства, то грузинский трудовой народ нес в своей груди неугасимое пламя ненависти к угнетателям. Весь XIX век в Грузии прошел под знаком крестьянских восстаний.

Героически отстаивали звание независимости и другие народы Кавказа против того ярма, которое несло им самодержавие. Однако разобщенность, отсутствие общего руководства, предательство помещиков-феодалов помогли царизму в середине XIX столетия одержать окончательную победу над народами Кавказа.

«Кавказские горы,—пишет по этому поводу Маркс,—отделяют южную Россию от роскошных провинций Грузии, Мингрелии, Имеретии и Гурии, отторгнутых москвитянами от мусульман. Этим поги гигантской империи отрезаны от туловища. Единственная военная дорога, заслуживающая это название, вьется от Моздока к Тифлису через узкое Дарьяльское ущелье; она защищена непрерывной цепью укреплений и подвергается с обеих сторон беспрепятственным нападениям враждебных кавказских племен. Если бы все эти кавказские племена объединились под владычеством единого военного вождя, они могли бы представить серьезную опасность даже для соседних казачьих областей»⁴.

Покорению Кавказа Маркс придавал общеевропейское значение. «Эти два дела, — указывал Маркс, — подавление польского восстания и завоевание Кавказа

³ А. Г. Чавчавадзе «Краткий исторический очерк положения Грузии 1801—1831 годов». Кавказский сборник. Т. XXIII, стр. 11—19.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. IX, стр. 533.

¹ Н. Дубровин «Закавказье от 1803—1806 годов», стр. 243.

² Акты. Т. IV, стр. 353.

я считаю самыми серьезными европейскими событиями со времени 1815 года»¹.

Таким образом, ход исторических событий привел Грузию в начале XIX века в огромную мрачную «тюрьму народов».

Однако, несмотря на установившийся колониальный режим, начался новый период в истории грузинского народа. Пройдя тяжелый путь страданий и гнета, грузинский народ сохранил себя физически и избавился от худшей участи—порабощения со стороны Турции и Ирана. Грузия при царизме была включена в систему мировых связей, и это обстоятельство дало толчок развитию производительных сил и новых производственных отношений. В связи со столетием присоединения Грузии к царской России в 1901 году ближайший соратник товарища Сталина Л. Кецохели в нелегальной большевистской газете «Брицзола» писал: «...С этого времени (с 1801 года. — Г. Х.) жизнь Грузии пошла по новому руслу.

Огражденная от внешних врагов, она стала вдумываться в суть внутренней жизни и, отрезвленная жизнью России, стала собирать свои гражданские силы. С этого дня Грузия стала зависима от России как экономически, так и, еще в большей мере, политически. Русские законы, русские обычаи, язык, торговля и промышленность волею-неволею пускали корни во вновь присоединенной стране.

А в России в это время торговля и промышленность уже оперились и под влиянием Европы и требований внутренней жизни росли с необычайной быстротой. История XIX века—история этого роста и развития. Железные дороги, почта, телеграф избороздили и связали между собой отдаленные уголки огромного государства, а вместе с ними и нашу Грузию. Корабли стали рассекать волны Черного и Каспийского морей, а недоступные горы между этими морями, где во время войн цари и князья укрывались от неприятеля, прорезала железная дорога, и новое «чудовище» засветило в глухих углах. Природа и люди встрепенулись и проснулись, и грузин, протирая глаза, сначала издали глядел на это чудовище, а потом и сам сел на него и поехал»².

Во второй половине XIX века в Грузии формируется нация и появляются два основных класса капиталистического общества: пролетариат и буржуазия.

«Грузия, как нация, появилась лишь во второй половине XIX века,—пишет товарищ Сталин,—когда падение крепостничества и

рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, вконец расшатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое»³.

Вместе с войсками и чиновниками, которые были посланы в Грузию для насильственной руссификации грузинского народа, появляются здесь и сосланные декабристы. В Грузию приезжали Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, впоследствии А. Толстой и другие. Завязывается крепкая дружба между представителями передовой части великого русского народа и грузинским народом. Эта дружба крепнет в общей борьбе против царизма, национального гнета, помещиков и капиталистов.

К концу XIX столетия великие идеи Ленина стали проникать в среду русского пролетариата, а затем и пролетариата национальных окраин России. С первых же дней возникновения большевизма лучшие сыны грузинского народа: Сталин, Кецохели, Цулукидзе и другие—сразу встали под знамя Ленина. Между рабочими Петербурга и молодым пролетариатом Грузии установилась крепкая, нерушимая связь. Во главе большевистского движения в Грузии стоял великий Сталин—вождь международного пролетариата, вождь нового человечества. Работа товарища Сталина и его соратников принесла свои плоды в дни революционных боев пролетариата за власть. Великая социалистическая революция, которая была совершена пролетариатом в союзе с беднейшим крестьянством под руководством большевистской партии и ее великих вождей Ленина и Сталина в октябре 1917 года, освободила все национальные меньшинства от всякого рода гнета и эксплуатации и помогла им стать на путь победоносного построения социалистического общества.

Грузинский народ занимает одно из почетных мест в Советском Союзе. Во время приема делегации в связи с 15-летием Советской Грузии товарищ Молотов сказал:

«Грузинский народ многое дал не только своей стране, но и всему Советскому Союзу, занимающему почетное место в истории человечества. Достаточно сказать, что Грузия дала нам товарища Сталина».

Бывшая колония царской России—Советская Грузия,—идя рука об руку с братскими народами великого Советского Союза, под руководством большевистской партии и ее сталинского ЦК превратилась в образцовую Советскую орденоносную республику—в жемчужину СССР.

³ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 6. Партиздат. 1937.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXIII, стр. 188.

² Газета «Брицзола» («Борьба») № 1 за сентябрь 1901 года.

Борьба белорусского народа против литовского и польского ига

Белорусский народ в продолжение нескольких веков находился под игом литовских, а затем польских феодалов. Особенно тягостным для белорусского и украинского народов был период господства польских панов. Рука об руку с братскими украинским и русским народами белорусы вели многовековую упорную и героическую борьбу против своих заклятых врагов — польской шляхты. Эта совместная борьба сплачивала и связывала русский, украинский и белорусский народы узами братства и содружества, которые на протяжении всей дальнейшей истории крепили и легли в основу при создании мощной социалистической державы — Союза Советских Социалистических Республик.

1

В конце XIII и начале XIV века, когда Восточная Европа подверглась страшному монголо-татарскому нашествию, население Полоцкой и других белорусских земель, находясь под угрозой монгольского завоевания, вынуждено было искать защиты и спасения в подчинении литовским князьям. В конце XIII века в Полоцке княжили уже литовские князья. В 1307 году был окончательно присоединен к Литве Полоцк; в 1320 году к Литве отошел и Витебск. Вскоре литовский князь Гедимин (1316 — 1341) утвердил свою власть над всеми княжествами в бассейне Березины и ее притоков, Среднего Днепра и Сожи. Во второй половине XIV века присоединены были к Литве и украинские земли. Таким

образом создалось великое княжество Литовское, которое с самого начала было смешанным государством. Подавляющее большинство его населения составляли украинцы, белорусы и русские.

Более отсталая по сравнению с восточными славянами в культурном и гражданском отношении Литва подвергалась сильному влиянию восточных славян. Литовские князья вводили в Литве русские порядки и учреждения, русский официальный язык, некоторые из них даже принимали православие. Литовские феодалы-землевладельцы, получившие название бояр, также поддавались русскому влиянию. Общая опасность со стороны немецких крестоносцев, с одной стороны, и монголо-татарских завоевателей, с другой стороны, соединяли Литву и Западную Русь в единое государство под верховной властью великого литовского князя. Центром этого государства был город Вильно.

В некоторых княжествах, присоединенных к Литве, оставались у власти местные князья династии Рюриковичей, но они были на положении вассалов великого князя литовского, обязанных ему военной службой и платежом дани.

Положение изменилось в конце XIV века, когда в Литву стало проникать польское влияние. В силу исторических обстоятельств Литва вынуждена была пойти на соединение с Польшей. Это вызывалось прежде всего необходимостью дать отпор немецким крестоносцам, которые являлись очень опасными врагами и для Литвы и для Польши. Немецкие крестоносцы напали на Литву, грабили и опустошали литовские земли, истребляли население и угрожали совсем поглотить Литву. Кроме того Литовское княжество после смерти Ольгерда (1377) ослабляла непрерывная междоусобная борьба отдельных князей.

В этой обстановке литовский князь Ягайло вместе с группой поддерживавших его князей и бояр пошел на соединение с Польшей, женившись на наследнице польского престола Ядвиге и сделавшись польским королем. Польские феодалы усиленно добивались такого соединения, ибо оно, во-первых, усиливало Польшу в борьбе против немецких завоевателей, а во-вторых, давало надежду распространить свое господство на Восток и овладеть украинскими, белорусскими и русскими землями.

В 1386 году в Киеве был заключен договор об унии Литвы и Польши. Ягайло обязался присоединить все земли своего княжества к Польскому государству. Кроме того он должен был со всеми своими братьями, родственниками и боярами принять католическую веру и распространять ее среди всех жителей великого княжества

Литовского. Вскоре после этого со всех литовских, белорусских и украинских князей была взята присяга на верность польскому королю. Литовским, белорусским и украинским боярам, принявшим католичество, даны были одинаковые права с польской шляхтой.

Уния вызвала особенно сильное возмущение среди белорусского и украинского населения Литовского княжества. Опираясь на народные массы, двоюродный брат Ягайла, Витовт, поднял открытое восстание против нового польского короля. Для подавления восстания Ягайло ввел в Литву польские войска и расставил их почти по всем городам Литовского княжества.

Витовт оказывал польским войскам упорное сопротивление. Местные жители горячо поддерживали его: они подвозили для его войск продовольствие и фураж, присоединялись к его отрядам, нападали на поляков и истребляли их. Король и польские паны вынуждены были пойти на уступки и согласиться на признание Витовта великим литовским князем под верховной властью польского короля. Витовт княжил в Литве с 1392 по 1430 год.

После смерти Витовта на великокняжеский литовский престол взшел без согласия поляков и при поддержке феодалов Белоруссии и Украины Свидригайло Ольгердович (1430). Он совершенно порвал унию и стал в открыто враждебные отношения к Польше. В своем управлении Свидригайло опирался на белорусских и украинских князей и бояр, чем вызвал недовольство литовских панов, игравших до этого главенствующую роль. Поляки воспользовались этим и при поддержке литовских панов свергли Свидригайло; великим князем они объявили брата Витовта — Сигизмунда (1432).

Польские паны продолжали наступление на Литву, стремясь окончательно присоединить ее к Польше. При короле Казимире (1440—1492) польские паны добились усиления союза Литвы с Польшей, так как Казимир был одновременно и польским королем и великим князем литовским. Литовские феодалы, получавшие от польских королей при переходе в католичество все новые и новые права и привилегии, шли на сближение с польскими панами и ополчались. Теперь уже литовские паны вместе с польскими притесняли белорусское население, принуждали его к католичеству, ограничивали в правах и оттесняли на задний план белорусских бояр. Белорусско-украинские же феодалы продолжали бороться против объединения с Польшей, стремясь отстаивать свою самостоятельность.

Распространяя католичество в народных массах методами насилия и принуждения,

польское и литовское правительства пытались воздействовать на господствующий класс Белоруссии и Украины обещанием привилегий, предоставляемых католикам. Но так как это средство не оказывало достаточного действия, то в XV веке были предприняты попытки провести унию православной и католической церкви. Однако и эти попытки окончились неудачей — население совершенно не желало принимать унии. Тогда правительство начало применять репрессивные меры. В 1481 году было издано распоряжение, запрещавшее православным строить церкви, восстанавливать прежние и ремонтировать обветшавшие. Но эти меры лишь усилили рост народных волнений и сопротивление части высших классов общества.

В начале 40-х годов XV века произошел ряд восстаний в областях Белоруссии и Украины, стремившихся отделиться от Литвы. Подавляя эти восстания, литовское правительство вынуждено было уравнивать в правах украинских и белорусских феодалов с литовскими. Это было осуществлено еще в общеземском привилее Сигизмунда от 1434 года, затем подтверждено привилеем Казимира 1457 года и областными привилеями, выданными отдельным землям великого Литовского княжества. Но эти уступки были чисто формальными, национальные и религиозные преследования продолжались.

В 1481 году князя Михайл Олелькович Слупкий, Федор Иванович Бельский и один из князей Ольшанских составили заговор с целью убить короля Казимира и в случае удачи отделиться от великого княжества Литовского и присоединиться к Москве. Заговор был раскрыт. Олелькович и Ольшанский были казнены, а Бельский бежал в Москву.

Наступление католицизма и национально-религиозные преследования в отношении белорусского и украинского населения дали повод московскому князю Ивану III начать войну с Литвой за русские, белорусские и украинские земли, находящиеся под властью Литвы. Войну эту потом продолжал и Василий III. Московские войска при своем наступлении встречали полную поддержку и сочувствие со стороны местного русского, белорусского и украинского населения. В результате этих войн Московское государство отвоевало от Литвы верхнепольские княжества, Смоленскую и Черниговскую земли. Литовское и польское правительства вынуждены были в связи с наступлением Москвы и ростом симпатии белорусского и украинского народов к единой Москве отказаться от слишком крутых мер по насаждению католичества.

Между тем польское влияние все шире проникало в среду господствующих клас-

Эвидригайло Ольгердович — князь литовский.

сов Литовского княжества. Литовские, а также белорусские и украинские феодалы, соприкасаясь с польскими панам, усваивали польский язык, нравы и обычаи. Стремясь воспользоваться материальными выгодами и привилегиями, даваемыми католикам, они принимали и католическую веру.

Литовские великие князья вели в великом княжестве Литовском центральное и местное управление по польскому образцу. В Литве появились в качестве областных управителей воеводы, каштеляны, маршалки, канцлер, подканцлер и т. д. Должностные лица местного управления (наместники, тивуны) сменились теперь старостами и державцами. Прежние знатные бояре — крупные землевладельцы — стали называться панам, а мелкие и средние феодалы — шляхтичами.

2

Со времени Киевской унии 1386 года до половины XVI века объединение Польского королевства с Литовским княжеством выражалось в форме персональной унии. Но в 1569 году актом Люблинской унии осуществлены были давние намерения польских панов окончательно присоединить Литву к Польше. После Люблинской унии польские паны получили права приобретать земельные владения в Белоруссии и Украине, занимать здесь государственные должности и т. д.

Союз Литвы и Польши давал возможность польским панам распространить свое господство на белорусское и украинское крестьянство. С этого времени белорусский народ попал под тягчайшее иго польских панов. Малые польские паны потянулись в Белоруссию, захватывая белорусские земли и крупные государственные должности.

Огромные земельные владения имел в Белоруссии сам польский король. Ему принадлежали: Гароженское староство со всеми городами и имениями, Бельск, Брянск и Сураж на Подлянье, город и замок Пинск, Кобрин, Клецк, Городок, Рогачев с дворами, фольварками и деревнями, Метиставль, Родомль и др.

Польские короли щедро раздавали белорусские земли крупным панам-магнатам. Они дарили в пожизненное владение целые староства (уезды) со всеми землями, угодьями, фольварками, церквями и крепостными крестьянами. Так, в 1593 году князю саломорецкому, Лукомскому, пожаловано было огромное Кричевское староство. В XVII веке оно перешло в руки графа Веселовского, потом к Радзивилам и, наконец, к графу Мнишеку. Крупный магнат Казимир Сапега, канцлер литовский, имел в своем владении около 700 тысяч десятин земли и около 300 тысяч крестьян. Владения крупного пана Волоткевича включали огромное число местечек и деревень в Оршанском, Минском и Ковенском поветах. Магнаты получали в свое владение не только села и местечки, но даже города.

После Люблинской унии, присоединившей к Польше белорусские и украинские земли, Польша стала огромным государством. Когда со смертью короля Сигизмунда-Августа (1572) династия Ягеллонов прекратилась, паны воспользовались этим и объявили выборную монархию. Власть выборного короля ограничена была крупными магнатами, которые фактически управляли государством. Польское государство превратилось в своеобразную дворянскую республику — Речь Посполитую. Ф. Энгельс, характеризуя государственный строй Польши, писал: «Покоящаяся на крепостной зависимости дворянская демократия, в том виде, как она существовала в Польше... представляет из себя одну из самых грубых форм общества»¹.

В конце XVI и начале XVII века паны и шляхта добились новых прав и привилегий. Только они имели право владеть имениями и крестьянами, занимать духовные и светские должности, принимать участие в выборах короля и решать все государственные и местные вопросы на сейме и сеймиках.

Панам и шляхте предоставлена была полная власть над крестьянами. Крепостных крестьян перестали считать людьми и называли быдлом (скотом). Паны по своему произволу облагали крестьян непосильными денежными и натуральными оброками, барщиной и разнообразными повин-

¹ Ф. Энгельс «Крестьянская война в Германии», стр. 65—66. Соцэкгиз. 1932.

ностями. Они получили также право суда и расправы над крестьянами. Это право создавалось постепенно на протяжении XV—XVI веков путем издания королевских привилегий и постановлений. Законом 1573 года, изданным генеральной конфедерацией после смерти короля Сигизмунда II, оно было окончательно завершено. Закон этот предоставлял панам право судить и наказывать крестьян по своему усмотрению вплоть до смертной казни. Виселица стала принадлежностью каждого панского имения. При сдаче имения в аренду паны могли передавать арендаторам право судить, наказывать и казнить крестьян. Таких случаев сдачи в аренду купным панских имений было много. Так, в 1595 году пан Григорий Сангушко сдал в аренду купцу местечко Кошар и ряд деревень «с чинами денежными, мельницами, корчмами, шинками, с данью медовой и пр. принадлежностями». Арендатору передавалось право «судить и рядить бояр нутных, которые ездят с листами, также всех крестьян виновных и непослушных наказывать денежными пенями и смертью, по мере проступков»¹.

В 1588 году королем Сигизмундом III был утвержден Литовский статут в новой редакции с дополнениями и изменениями. Статут подтверждал и закреплял все новые права и привилегии панов и шляхты. В одной из статей статута было записано: «...будет вольно и теперь каждому пану подданного своего непослушного так в духовных, яко и в светских речах подлуг porozumenya своего скорать»².

Польские паны совершали над белорусскими крестьянами страшные насилия, пытки и издевательства: заключали в окопы, вырывали волосы, морили голодом, замуровывали в каменные стены, топили, вешали и т. д.

Установив свое господство в Белоруссии и Украине, польские паны стремились полностью ополячить и поглотить белорусский и украинский народы.

Вместе с панами в Белоруссию хлынули католические ксендзы и епископы. Началось еще более усиленное обращение православного белорусского населения в католичество. Кроме социального гнета белорусское крестьянство и городские массы терпели теперь страшный национальный и религиозный гнет.

Для более успешной борьбы с православием польское правительство и духовен-

Витовт — князь литовский.

ство призвало в Польшу иезуитов. Это был воинствующий католический духовный орден, созданный римскими папой в XVI веке, как главное орудие борьбы с реформационным движением в Западной Европе. Орден иезуитов не брезговал самыми подлыми и низкими средствами: лицемерием, подкупами, обманом, изменой, убийствами и т. д. В Белоруссию иезуиты призваны были в 1569 году и сразу же начали усиленную работу по распространению католичества и искоренению православия.

Белорусские паны и шляхта, для того чтобы уравниваться в правах с польскими помещиками, отказывались от православия и переходили в католичество. К началу XVII века перешли в католичество почти все белорусские магнаты. Таким образом ополячившиеся белорусские паны слились с польскими панами-захватчиками и усердно помогали последним в насильственной колонизации крестьянских и городских масс.

В это время происходила ливонская война России (Ивана IV) с Польшей и Швецией (1558—1582). Военные действия разворачивались также и на территории Белоруссии. Первоначально русские войска одержали крупные победы и оккупировали почти всю Белоруссию. Во время войны сочувствие белорусского населения было целиком на стороне русских. Знакомый с настроением народных масс Белоруссии иезуит Поссевин писал во время войны, что «жители уличены в тяготении, вследствие схизмы к москвитам: они публично молятся о даровании москвитам победы над поляками»³.

¹ Реестры и надписи. Свод материалов для истории евреев в России. Т. I, стр. 326. С.-Петербург, 1899.

² Статут великого князя литовского 1588, стр. 49. Издание императорского московского общества истории и древностей российских. 1854.

³ «Витебская старина». Вып. 1-й, стр. 31. Сборник материалов. Издание Витебской ученой архивной комиссии. Витебск, 1883.

В 1579 году король Стефан Баторий собрал огромное войско из поляков, литовцев и наемных немцев и выступил против русских. Русское войско вынуждено было отступить из Белоруссии. Осенью 1579 года Баторий осадил Полоцк. Русских войск в городе было мало, но при поддержке местного населения они защищали город с исключительным упорством и мужеством. Сам Баторий признавал, что «московитяне при обороне крепостей своею стойкостью и мужеством превосходят все прочие нации»¹. Только после месячной осады полякам удалось поджечь стены и взять город. Белоруссия снова очутилась под игом польских панов.

Отняв у России Полоцк, Баторий немедленно приказал построить там костелы, послал туда иезуитов и передал им все тамошние церкви и монастыри со всем их имуществом.

При короле Сигизмунде III (1586—1632) национальный и религиозный гнет в Белоруссии еще более возрос. Сигизмунд III был злейшим врагом русского народа. При нем польские паны в начале XVII века пытались покорить русское государство, но русский народ в 1612 году разгромил и изгнал из России польских захватчиков.

3

В 1596 году польское правительство при помощи иезуитов провело, наконец, церковную унию, т. е. соединение православной и римско-католической церквей. По совету иезуитов, Сигизмунд III вошел в тайные сношения с высшим православным духовенством. Православный митрополит и епископы в Белоруссии были прямыми ставленниками польских магнатов и иезуитов. Стремясь удовлетворить свои личные интересы и уравняться в правах с католическим духовенством, они согласились на унию. Православное население: крестьяне, мещане и часть низшего духовенства, — узнав о согласии митрополита и епископов на унию, пришли в негодование и оказывали упорное сопротивление ее проведению. Но Сигизмунд III разослал грамоту, в которой провозглашал унию состоявшейся и приказывал православным подчиниться ей.

Брестская церковная уния была сильным орудием польских панов в борьбе за окатоличивание и ополячивание широких народных масс Белоруссии и Украины.

Как католическое, так и православное духовенство владело огромными землями и сотнями тысяч крестьян. Но католичество

стало теперь религией господствующего класса — польских и белорусских панов. Крестьяне же и городские мещане сохранили православную веру. Поэтому борьба белорусского и украинского крестьянства и мещан против польского владычества и крепостного гнета, естественно, принимала религиозную форму. Белорусский народ, отстаивая православие против католицизма, борется за сохранение своей народности, за родной язык и национальную культуру, выступал против крепостнического гнета со стороны польских панов.

После заключения церковной унии православные стали подвергаться еще более ужасным гонениям. Белорусские паны, сделавшись в большинстве католиками, стали наряду с польскими панами заклятыми врагами белорусской народности. Вся тяжесть религиозного гнета и преследований ложилась на крестьянство и городские массы. Пань насильно заставляли своих подневольных крестьян переходить в унию. Но народные массы упорно сопротивлялись введению унии, поднимая восстания. Иногда пань оказывались не в силах сломить этого сопротивления. Князь Константин Юлубенский, каштелян мстиславский, в грамоте жителям подвластного ему города Глуска писал:

«Видечи я быць частые бунты и разрухи в месте моем Глуске Дубровичском, за чым ми се спустошенье стало в маестности для веры греческое, же им дотуль боронил зверхности митрополита киевского и церкви им не позволял, хотечи оных привести просьбою и просьбою до унии...»².

Он вынужден был признать, что угрозы и насилия ни к чему не привели, и, чтобы прекратить волнения, обещал не трогать православных и разрешить им построить церковь.

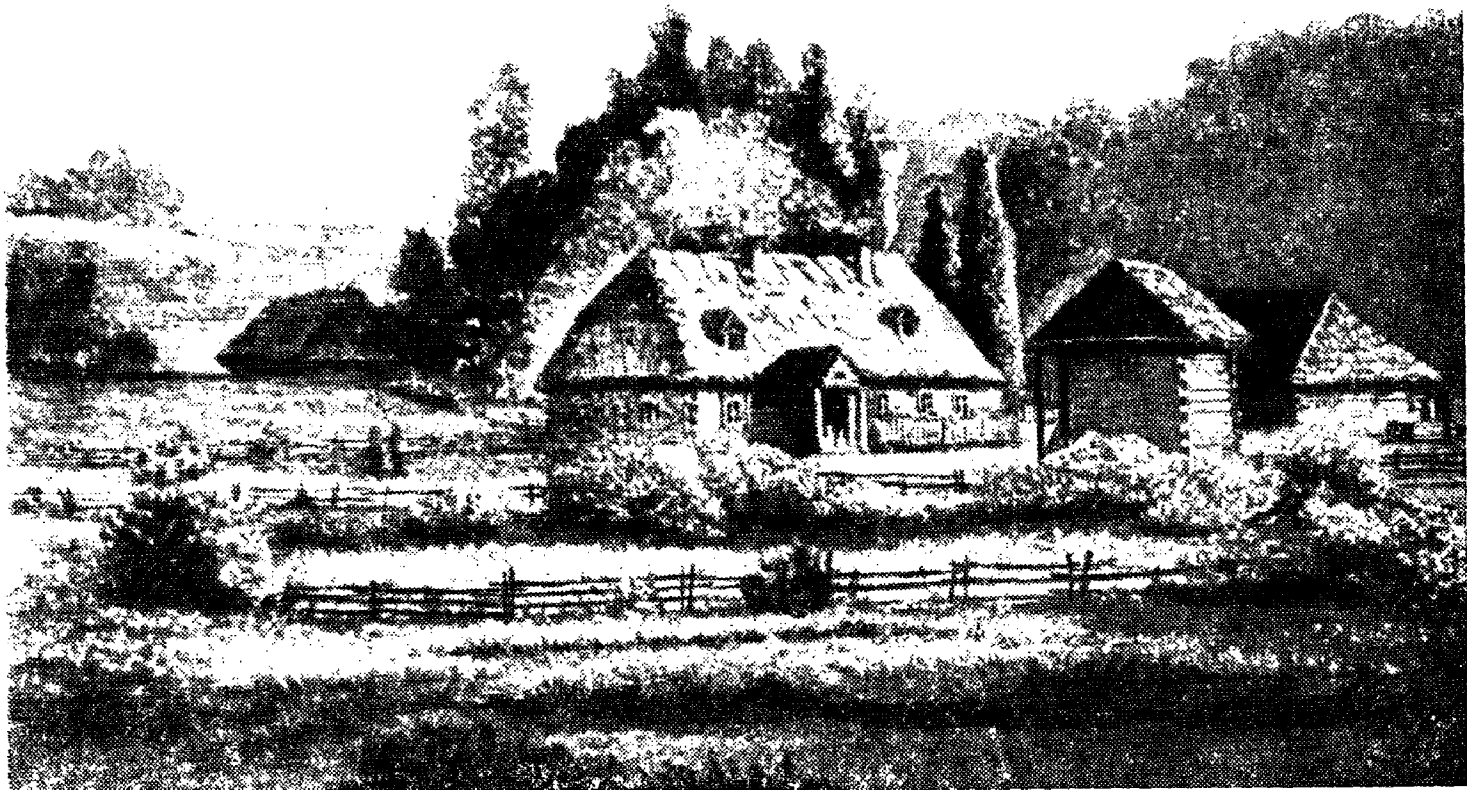
Белорусский народ вместе с украинским народом вел упорную и героическую борьбу против панов-насильников и католического духовенства. Борьба эта была очень серьезной и трудной, ибо силы были неравны. Государственная власть со всем аппаратом насилия и средствами идеологического воздействия была направлена против белорусского народа.

Белорусские пань помогали польским угнетателям. Духовенство в большинстве тоже изменяло православию и переходило в унию.

Но сопротивление народной массы было так велико, что несмотря на всю силу государственного и церковного аппарата полонизация белорусского народа не удалась: белорусские крестьяне сохранили свой

¹ «Витебская старина». Вып. 4-й, стр. 43—44. 1885.

² Археографический сборник документов, относящийся к Северозападной Руси. Т. I, стр. 267. Вильно. 1867.

Усадьба мелкого белорусского шляхтича XVIII—XIX веков.

язык, свои обычаи и свое народное творчество. К этой борьбе примыкали иногда и отдельные представители верхушечных слоев населения: дворянства, православного духовенства и купечества. Несмотря на всю их непоследовательность они сыграли все же положительную роль в движении.

Большое место в борьбе против колонизации и окатоличивания занимали объединения городских ремесленников так называемые православные братства.

Братства как благотворительные религиозно-просветительные организации городских ремесленников и торговцев существовали в Белоруссии с начала XVI века. Эта форма организации заимствована из Западной Европы.

В конце XVI века в связи с наступлением католицизма братства выступили на борьбу против унии и иезуитов. Иногда к ним примыкали и отдельные белорусские шляхтичи. Братства на собранные с членов средства оказывали материальную поддержку православным церквям, открывали свои школы, основывали типографии и выпускали книги. Братства поддерживали ученых проповедников и писателей, борющихся против католичества и унии.

Важнейшим церковным братством в Белоруссии было Виленское братство, имевшее свою школу и типографию. В Белоруссии существовали также братства в Могилеве, Полоцке, Минске, Витебске и других городах. Иезуиты и униаты всячески противодействовали работе братств, организовывали погромы братских школ и церквей. Но братства проявляли исключитель-

ное упорство в борьбе против наступления католичества.

Униатские епископы в письме к римскому папе с тревогой отмечали рост православных братств и распространение их влияния.

«Такие братства, — жаловались епископы, — чрезвычайно умножились по всем меньшим городам, и теперь, начиная от Киева, образовали как бы какое-то новое государство, самое зловерное, что чрезвычайно смущает нас и сильно тревожит государство... Этот род противодействия унии приносит нам величайший вред. Правда, что в братствах участвуют лица более низких сословий, но они имеют возможность собирать огромные деньги и все им повинуются... Притом же братства существуют в городах, где наши кафедральные церкви. Здесь живут одни горожане, занимающиеся торговлей, разными ремеслами; при их содействии они наносят нам чрезвычайный вред»¹.

4

На Украине организующим ядром борьбы против ига польских панов было вольное казачество Запорожской Сечи. В Запорожскую Сечь бежали украинские и белорусские крестьяне и городские мещане, стремившиеся избавиться от панской неволи и произвола королевских старост и воевод. Запорожское казачество как наибо-

¹ Б а т ю ш к о в «Белоруссия и Литва». Исторические судьбы Северозападного края, стр. 218—219. С.-Петербург, 1890.

лее организованная и вооруженная сила выступало на борьбу за освобождение от польского ига, присоединяя к себе крепостное крестьянство и городских мещан. Украинское казачество сыграло огромную роль в освободительной борьбе украинского и белорусского народов. Правда, казацкая верхушка, принадлежавшая частью к дворянству, не была последовательной в этой борьбе, но массы казачества, проникнутые ненавистью к угнетателям, вели упорную и героическую борьбу за освобождение от польского ига.

✓ В конце XVI и первой половине XVII века произошел ряд крупных казацких восстаний на Украине, которые поддерживал и белорусский народ. В 1595 году поднялось крупное восстание казаков под руководством Наливайко. Восстание нашло живейший отклик среди крестьянства, так как народная ненависть против панов в связи с подготовкой и проведением унии была особенно велика. Крестьяне вливались в войско и вместе с казаками Наливайко дрались против своих угнетателей.

Когда Наливайко вступил в Белоруссию, здесь наблюдалась та же картина: крестьяне массами присоединялись к восставшим. Казаки захватили Слуцк, забрали в слуцком замке 14 пушек, 80 гаковниц и 70 ружей. Потом они направились к Могилеву и взяли его приступом.

Литовский гетман Радзивил собрал ополчение из шляхты и выступил против Наливайко. Около Могилева произошло сражение. «А так войско литовское, — рассказывает летописец, — на поли Буйницком... на войско Наливайкино вдарили и кругом оступили. Там же зранку аж до вечера... межн собою битву мели, якож Литва с войском великим шатискаши на войско Наливайкино. Предсе один другому войску мало шкоды учинили, бо великую армагу, так дел и гаковниц, пуляков велики при себе множество мел, также люд свой отборив конями, возьми, людом, шел мощно»¹.

Панам не удалось разбить войско Наливайко, так как оно укрепилось лагерем и упорно защищалось. Тогда шляхта разграбила окрестности Могилева, а город подожгла. Наливайко отступил к Речнице, а затем захватил Пинск. Казаки разгромили именованного епископа, одного из составителей унии, и именованного брата одного из инициаторов унии, луцкого епископа Терлецкого. Теснимый панским войском, Наливайко отступил на Украину. В 1596 году он был разбит около села Лубно, на реке Суле, и взят в плен. После страшных

пытках Наливайко был казнен четвертованием. Летопись рассказывает: «Там же его замурававши, держали аж до осени святого Покрова; там же его четвертовано»².

В 1606—1610 годах происходили крупные восстания городских ремесленников в Могилеве.

Мещане в городах тоже сильно угнетались. Правительство накладывало на них огромные поборы и повинности. Хотя, согласно магдебургскому праву, города имели свое самоуправление, но фактически всем управлял назначенный королем войт³. К тому же и самоуправление (магистрат) состояло из богатых купцов и панов, которые вместе с правительственной властью творили произвол и насиле над городской массой. Религиозные преследования еще более усиливали недовольство горожан, поднимая их на борьбу.

Во главе восстания ремесленников в Могилеве стал мещанин Стахор Миткович. Возмущенные произволом городских властей, ремесленники во главе с Митковичем, «пришедши до ратуша, до лентвойта и бурмистра и всее рады меское, торгалисе и руками кивали, отповеди и пофалки на здоровье чинечи, забитем грозили»⁴.

Когда лентвойт попытался арестовать Митковича, толпа ремесленников воспротивилась этому. Восставшие захватили ратушу, свергли магистрат и избрали из своей среды городскую раду из ремесленников. В течение двух лет ремесленники держали в своих руках городское самоуправление. Но в 1608 году польское правительство заставило избранную ремесленниками раду подчиниться войту и старой городской раде. Борьба, однако, не прекращалась и принимала еще более острый характер. В 1610 году войт приговорил к смерти пять затинщиков и высылке двух из города виновных в том, что «бунты и разрухи, нарушающие посполитый покой, в городе строили... людей посполитых от послушания ураду отводили... на ратушу напачали и ворота в ней выломали»⁵.

Подобные восстания происходили и в других городах Белоруссии. Борьба белорусских крестьян и мещан против польского ига помогла русскому народу разгромить и низвергнуть польских захватчиков из России.

² Там же, стр. 10—11.

³ В городах войт — назначенный королем председатель городского самоуправления. В селах войту поручались надсмотр над работой крепостных крестьян и выколачивание поборов и налогов. Лентвойт — помощник войта.

⁴ Декрет могилевского войта. Могилевский государственный музей. Рукописный отдел. Книга 78-я.

⁵ Там же.

¹ Беркулабовская летопись. «Могилевская старина». Сборник статей «Могилевских губернских ведомостей». Вып. 1-й, стр. 10. Могилев. 1900.

Замок литовских князей в Гродно.

Особенно крупное восстание вспыхнуло в Витебске в 1623 году. Оно имело тесную связь с восстаниями украинского казачества. Непосредственным поводом к восстанию были сильные религиозные преследования со стороны полоцкого униатского архиепископа Иосифа Кунцевича.

Назначенный в 1618 году архиепископом Полоцкой епархии Кунцевич так усердно соизращал население в унию, что получил прозвание «душехвата». Свою деятельность архиепископа он начал с того, что, достав от короля грамоту о подчинении своей власти православных церквей и монастырей в Полоцке, Витебске и Орше, разослал ко всем священникам требования о немедленном принятии унии вместе с прихожанами.

Требование это почти нигде не было выполнено, и Кунцевич обрушил жесточайшие репрессии и гонения на православных, чем вызвал всеобщую ненависть и озлобление белорусского народа. В 1619 году он отправился в Могилев, но горожане не пустили его в город, заперли ворота и навели на него крепостные пушки. То же сделали и в Орше, где мещане хотели утопить его в Днепре. Везде, где проезжал ненавистный архиепископ, народ встречал его с ружьями, саблями, пиками и рогатинами. В Мстиславле один горожанин едва не застрелил его из ружья.

Кунцевич в борьбе с православием дохо-

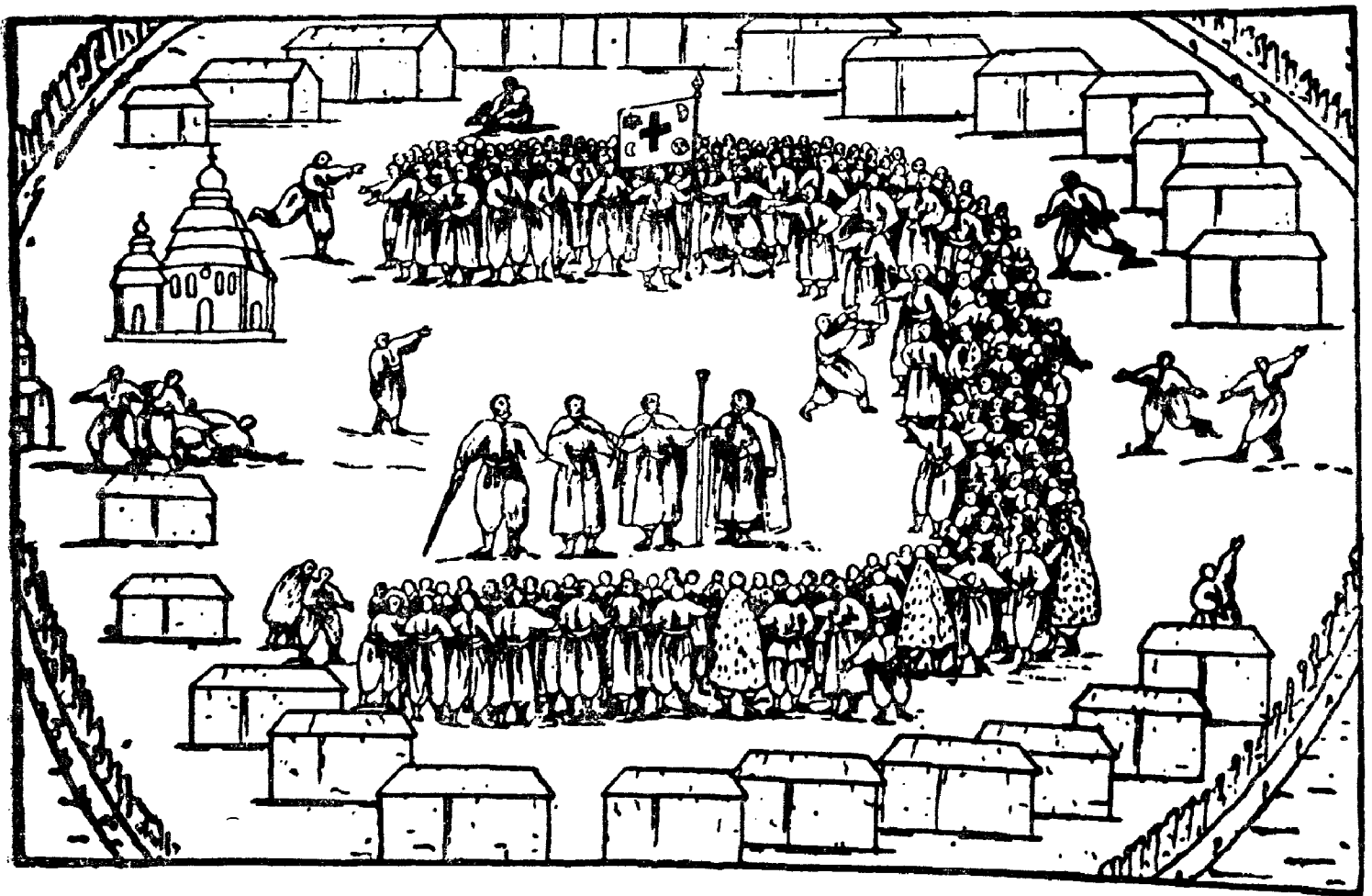
дил до страшных зверств и издевательств над народом. В жалобе, представленной польскому сейму от имени белорусского и украинского народов, так описываются издевательства Кунцевича:

«В Белоруссии, в Орше и Могилеве владыка польский Иосиф Кунцевич запечатал церкви и уже пять лет держит их так. В Полоцке и Витебске мы не можем иметь для богослужения ни церкви, ни дома... Но, что всего хуже, что составляет варварство и зверство выше вероятия, в том же Белорусском Полоцке, тот же отступник полоцкий, чтобы досадить тамошним мещанам, приказал вырыть недавно похороненные подле церкви христианские тела умерших и бросить на с'едение собакам, как всякую падаль»¹.

В 1622 году Кунцевич приехал в Витебск для насильственного проведения унии. Он отобрал все церкви и выгнал из города всех православных священников. Православные выстроили тогда молитвенные шалаши за городом, но Кунцевич запрещал богослужение и в шалашах.

В Витебске составлен был заговор горожан с участием членов витебского магистрата. В заговоре принимали участие и

¹ «Полоцко-витебская старина». Сборник статей и материалов. Издание витебской ученой архивной комиссии. Книга 1-я. стр. 23. Витебск. 1911.

Казачья рада в Сечи.

Рисунок XVIII века.

жители других городов: Орши, Могилева, Полоцка и даже Вильны. Непосредственной целью заговора было убийство Кунцевича, но на этом не думали остановиться. Организаторы заговора вошли в сношение с украинскими казаками, которые должны были вступить в Белоруссию и присоединиться к восстанию. Борьба должна была вылиться в восстание против польского яга.

Но первоначальный план был несколько нарушен. Восстание началось преждевременно. 12 ноября 1623 года, по приказанию Кунцевича, был избит и брошен в подвал православный священник. Это послужило поводом к взрыву народного гнева. Ударили в вечевой колокол, и весь народ, от мала до велика, высыпал на улицу. Восставшие напали на архиерейский дом, где жил Кунцевич. Ворвавшись в его комнату, они убили ненавистного «душехвата», а тело его сбросили с высокого берега Двины в реку.

Восстание было вскоре подавлено, так как оно не было достаточно подготовлено, и казаки не успели подойти на помощь.

Польский король послал в Витебск следственную комиссию под председательством виленского воеводы Льва Санегри. Дорого заплатили жители не только Витебска, но и всей Белоруссии за убийство ненавистного насильника.

Римский папа в письме к королю требовал как можно более строгого наказания для зачинщиков восстания. Кунцевича он причислил к лику святых мучеников.

Польское правительство учинило зверскую расправу над витебскими мещанами. 100 человек приговорены были к смертной казни, более 100 человек заключены в тюрьму, 200 человек подвергнуты наказанию кнутом. Многих выслали на поселения в отдаленные города, а некоторых лишили имущества и изгнали из города.

Витебск лишен был магдебургского права, ратуша была разрушена до основания, а вечевой колокол снят. Пречистенская соборная церковь, у которой убили Кунцевича, была также разрушена. Жителям приказано было за свой счет поставить новую униатскую церковь и повесить большой колокол, вылитый из колоколов прежней церкви, а также из всех тех колоколов, которые били в набат во время восстания. Религиозный гнет был еще более усилен.

5

Борьба украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого за освобождение Украины от польской Польши (1648—1654 гг.) была горячо поддержана белорусским народом.

Летом 1648 года в Белоруссию вступил отряд украинских казаков под руководством Головацкого, который распространил среди белорусского населения воззвание с призывом подниматься на борьбу с угнетателями — польскими папами и католическим духовенством.

Скоро вся Белоруссия обята была пламенем восстания; восставшие крестьяне со-

ставляли загоны (отряды); они жгли и громили панские усадьбы и костелы, убивали ненавистных панов и ксендзов. В южной части Белоруссии, примыкающей к Украине, крестьяне составили большой отряд под предводительством Небабы, прибывшего из Украины. Вместе с ним боролись белорусские отряды под руководством Непавичча, Хвесько, Михненко, Кривошапки и Гаркуши. К восставшим крестьянам присоединялись мещане. Города Гомель, Лоев, Брагин сами открывали ворота повстанцам.

Паны долго не могли справиться с народным восстанием. Оршанская шляхта безуспешно пыталась разбить повстанцев. Наконец, гетман литовский Радзивилл организовал из панов и шляхты два крупных отряда. Один из этих отрядов под начальством Мирского был наголову разбит повстанцами при деревне Горволе, на Березине. Другой отряд под начальством польного писаря¹ литовского Воловича выступил против Небабы. Небаба отступил к Пинску. Жители города, присоединившись к отряду Небабы, сражались с панским войском, осадившим город. Волович предложил мещанам выдать руководителей восстания, угрожая жестокой расправой. Но мещане заявили: «Лучше погибнем, чем выдадим тех, кто ратует за веру нашу»².

Через некоторое время паны штурмом взяли Пинск, зажгли город и перетопили 14 тыс. жителей. Небаба отступил из города, но был настигнут поляками и погиб в бою.

В окрестностях Мозыря и Бобруйска действовали отряды казаков и белорусских крестьян под руководством Михненко. Жители Мозыря и Бобруйска боролись вместе с казаками и крестьянами.

Радзивилл с войском напал на Мозырь и сам повел войска на приступ. После упорного боя польские драгуны разломали стены, овладели валом и ворвались в город. Ожесточенный бой продолжался на улицах города. Казаки и белорусские повстанцы боролись с таким упорством и героизмом, что приводили в изумление поляков. Город был зажжен неприятелем, но повстанцы продолжали бить врагов среди об'ятых пламенем пожара домов и гибли от огня и падающих строений. Поляки схватили Михненко и сбросили с башни. Город был сожжен и разгромлен.

От Мозыря Радзивилл направился к Бобруйску и осадил его. Часть богатых мещан и православное духовенство стали просить пощады. Но наиболее стойкие мещане

не покорились и продолжали мужественно защищаться, запершись в башнях города. Когда враги стали уже одолевать, повстанцы зажгли башни и погибли в пламени пожара. Их начальник бросился в Березину, но его поймали и посадили на кол. Радзивилл учинил свирепую расправу с повстанцами: все зачинщики были посажены на кол, многим участникам восстания отрубили руки.

Московские воеводы доносили царю из Украины:

«...и ляхи... на другой недели великого поста... взяли город Бобровск (Бобруйск) и в том городе стали обозом, а купецких и всяких людей белорусцев высекли без остатка, а из того... города Бобровска и под иные города, которые города черкасы не имали гетман ксенжа... ляхов рассылают тысяч по пяти—по шести и по десяти и велит те города воевать, а белорусов сечь»³.

Так зверски расправлялись польские и литовские паны с восставшим белорусским народом.

Весной 1649 года Богдан Хмельницкий прислал в Белоруссию отряд казаков в 10 тысяч под предводительством Ильи Голоты. Голота был вождем низов украинского крепостного крестьянства и пользовался огромной популярностью среди народных масс Белоруссии. Как только в Белоруссии узнали о его прибытии, народ со всех сторон стал присоединяться к его отряду.

Восстали все города южной части Белоруссии. Напуганные паны и шляхта разбегались из своих имений.

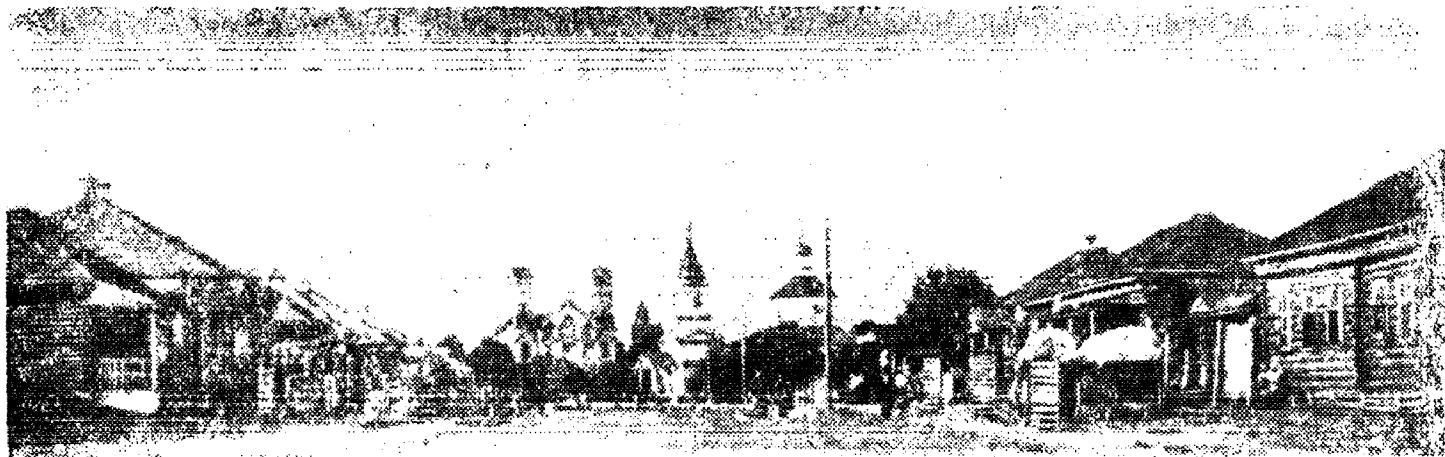
Паны собрали крупное войско из наемных немцев и шляхты и неожиданно атаковали Голоту, который, не ожидая нападения, распустил большую часть своего войска и имел при себе лишь небольшой отряд. Казаки отступили в непроходимые болота и укрепились на одном из островов Припяти. Польское войско окружило лагерь. Повстанцы мужественно защищались, но почти все были перебиты и потоплены. В бою погиб и предводитель повстанцев Голота.

Из Украины на помощь белорусскому народу прибыли новые отряды казаков под начальством Степка Подобайло и Кречовского. Между Днепром и Сожью разгорелись ожесточенные бои. Перевес сил был на стороне поляков; к тому же войско Радзивила состояло из хорошо вооруженной и обученной немецкой пехоты. Отряд Подобайло был разбит, Кречовский, окруженный немецкой пехотой, мужественно оборонялся, но был ранен и попал в плен. В сражении Кречовский проявил исключи-

³ Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ). Дела польские за 1649 год. № 1/а, л. 59.

¹ Польный писарь—заведующий военной канцелярией при литовском гетмане.

² К о с т о м а р о в «Богдан Хмельницкий». Историческая монография. Т. I, стр. 346. С.-Петербург. 1884.

Местечко Кричев.

тельную храбрость и отвагу. Даже польские паны выказывали ему сочувствие и пытались склонить его на свою сторону, но он с презрением отнесся к их предложениям, предпочитая умереть.

По всей Белоруссии шла упорная, кровопролитная борьба. Когда паны одерживали победу, они учиняли страшную расправу над восставшими казаками, крестьянами и мещанами: вешали, четвертовали, сажали на кол, отрубали руки.

Московскому царю доносили из Украины:

«Сказывали де сечевые казаки, что пришел от Литовского повету пан Радзивил, а с ним де войска его с тридцать тысяч и взял город Чичерск, а их де казаков выбрал полтораста человек, отсекая правые руки по занястье, а надесять человек на колья посажали, а остальных де казаков и их жон и детей перебили»¹.

Восстания в Белоруссии, так же как и на Украине, продолжались еще несколько лет. Борьба эта закончилась присоединением Левобережной Украины к России. Но Белоруссия еще в течение больше столетия продолжала оставаться под гнетом польских панов.

6

Обездоленное, беспощадно эксплуатируемое, лишённое всяких человеческих прав, крестьянство доведено было до полного разорения и нищеты.

В конце XVII и начале XVIII века крепостнический, национальный и религиозный гнет польских панов стал совершенно невыносим. Изданы были постановления, запрещающие диссидентам, т. е. некаатоликам, строить церкви, занимать государственные должности. Сеймы 1717 и 1773 годов отняли у диссидентов последние права: им запрещено было заседать в сеймах, комиссиях и трибуналах.

¹ ГАФКЭ «Дела малороссийские». 5916/5 за 1649 год. № 1, л. 151.

В XVIII веке в Белоруссии развертывается ряд новых народных восстаний, которые иногда принимали очень ожесточенный характер.

Наиболее крупным и ярким событием этого периода было восстание в Кричевском старостве в 1740—1744 годах. Кричевское староство находилось в это время во владении крупного польского пана Радзивила. Староство отдано было им на откуп купцу Гдалию, которому передано было право собирать все доходы староства. Откупщик обложил крестьян и всех жителей староства новыми налогами, поборами и повинностями. По приказу Радзивила, произведена была проверка всех земель Кричевского староства с целью увеличения доходов. Вследствие этого не только увеличены были повинности крепостных крестьян, но даже обложена была поборами и повинностями местная белорусская шляхта. Один из местных помещиков Савелий Корда жаловался Кричевскому магистрату, что при проверке земель главный кассир Радзивила «насильным образом произвел проверку собственных земель просителей... не только на крестьян, живущих на земле просителей (т. е. тех помещиков, которые жаловались.—И. Л.), но и на гг. Яскевичей, палачиных бояр, поселенных в Ушаках еще предками просителей, но и на самих просителей налагает инвентарные подати, платимые лишь крепостными людьми Кричевского староства, угрожая, в случае сопротивления, и их, просителей, арестовать и отправить в заключение в Слуцкую крепость, а землю их заселить мужиками»².

Нижнее православное духовенство тоже было притеснено: у них отняты были усадьбы, наложены были различные новые сборы (при выдаче замуж дочерей и пр.). Ухудшилось положение и местных ремес-

² Историко-юридические материалы, взятые из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске. Выпуск XVII. Витебск. 1888.

ленников и торговцев, которые лишены были прежних доходов.

Все это послужило поводом к восстанию против магната Радзивила и поставленного им ненавистного откупщика. Во главе восстания стал торговец воском, выходец из крестьян, выдающийся организатор Вацлав Воццла. Его ближайшими помощниками были менданы: Карпач, Стеся и Ветер. Главную силу восстания составляли крепостные крестьяне и городские ремесленники. К восстанию также примкнула и часть недовольных польским гнетом местных помещиков и православных попов.

Радзивил в письме к православному белорусскому епископу писал, что «пресвитеры некоторые, со своевольным многоядством збунтовав, несколькими тысячам крестьянства волю дали и поблагословили их на такое дело, чрез которое больше тысячи человек смертно побили... и оных оне крестьян к дальнейшим непотребным делам не щадя и домом божьим, побудили»¹.

Восстание носило широкий народный характер. Повстанцы громили и убивали ненавистных польских панов и шляхту.

Восстание продолжалось четыре года. Польское правительство несколько раз посылало отряды войск для подавления восстания, «но оное вместо того, чтоб внезапным своим нашествием дальнейшее смятения отвратить, Кричевскую область в бедственное еще привело состояние»². Восстание приняло такой широкий размах, что небольшие отряды бессильны были подавить его. В январе 1744 года польское правительство выслало для подавления восстания крупное войско под командованием полковника Пестрицкого, вооруженное не только ружьями и саблями, но и пушками.

Воццла собрал повстанцев, вооруженных рогатинами, пищалями, дубьем и пр. и выступил навстречу польскому войску.

Повстанцы упорно сражались, но, слабо вооруженные, не могли устоять против польских пушек и были разбиты. Польские паны устроили жуткую расправу над повстанцами. Один из кричевских попов в письме к епископу так описывает эту расправу:

«Многих мужиков, поймав, за ребра на кручье, других по деревьям перевешано, иных в полон забрано... А мы были в отчаянии живота своего, слыша великий

воплъ тех людей, которые недалеко нас мучены разными муками: на тряску за руки и за ноги повешены, ломаны, огнем двумя палачами жгли... По местечкам, селам и деревням разослана была команда жолнер и гусар, которые... деревянные снпцы обмачивая в серку, за ногги забивали и зажигали и другими нещадными муками мучили»³.

Руководитель восстания Воццла спасся бегством, но Карпач и Ветер были пойманы и преданы мучительной казни: Карпач запит был в медвежью кожу и затравлен собаками.

«Кричев весь тогда обагрён был кровью, и расставленные по всем улицам и на правом берегу р. Сожа виселицы и колья через несколько дней грозное и страшное представляли позорище»⁴.

Так расправлялись паны с белорусским народом, который мужественно поднимался на борьбу против ига польских панов.

Раздираемая внутренними противоречиями, Польша обречена была на гибель. Борьба угнетенных народностей ослабляла и расшатывала Польшу. Деморализованная правящая аристократия продавала себя и страну иностранцам.

Произведенными раздѣлами 1792, 1793 и 1795 гг. Польша была уничтожена как государство. Белоруссия присоединена была к России. Хотя белорусский народ попал под гнет русского царизма, но зато отпал религиозный гнет. Национальный гнет русского царизма был менее тягостным благодаря близости белорусского народа с русским по языку, культуре и историческому прошлому.

В 1917 году рабочие и крестьяне Белоруссии совместно с рабочими и крестьянами бывшей царской России, под руководством партии Ленина — Сталина, свергли власть помещиков и буржуазии. В годы гражданской войны они вели героическую борьбу против немецких и польских интервентов, которых они прогнали со своей территории. Сейчас белорусский народ победно строит социалистическое общество. Разгромив подлую банду национал-фашистов, троцкистско-бухаринских шпионов и диверсантов, крепя мощь и единство братской семьи народов Советской страны, белорусский народ вместе со всеми народами готов дать сокрушительный отпор всяким посягательствам на нашу родину.

¹ Архив бывшего синода № 260, 1743 л., стр. 446—453. Ленинградское отделение Центрального исторического архива (ЛОЦИА).

² Андрей Мейер «Описание Кричевского графства или бывшего староства». «Могилевская старина». Сборник статей «Могилевских губернских ведомостей». Вып. 2-й, стр. 135. Могилев. 1901.

³ Ленинградское отделение Центрального исторического архива. (ЛОЦИА). Архив бывшего синода - № 260, 1743 л., стр. 446—452.

⁴ Андрей Мейер «Описание Кричевского графства». «Могилевская старина». Выпуск 2-й, стр. 136.

Н. Тимофеев и С. Брайнин

Товарищи Сталин, Фрунзе и Куйбышев в борьбе за Советский Казахстан

(1918—1920 ГОДЫ)

1

В годы гражданской войны борьба трудящихся Казахстана с белогвардейщиной и интервентами являлась составной частью борьбы героической Красной Армии. Это была отечественная война трудящихся всех национальностей Советской России против интервентов, белогвардейцев, за независимость, за советскую власть. Борьба трудящихся масс Казахстана с интервентами и белогвардейцами проходила при помощи русского пролетариата, под руководством Ленина и Сталина.

Исключительную роль во всей гражданской войне, а также в борьбе большевиков, рабочих и трудящихся масс Казахстана против Дутова, Колчака, уральских белоказаков и алашордынцев имела организованная товарищем Сталиным героическая оборона Царицына.

Восстание чехословаков, захват белыми частями Поволжья, Урала, Сибири и Казахстана, возникновение восточного фронта, создали летом 1918 года серьезную угрозу советской власти. В стране не хватало хлеба.

Центральный комитет партии для руководства продовольственным делом и организации вывоза хлеба с юговостока послал в Царицын товарища Сталина. Из Царицына товарищ Сталин организовал снабжение продовольствием Красной Армии, Москвы, Петрограда и других решающих центров страны: Баку, Туркестана и

Астрахани. В течение июня 1918 года товарищ Сталин сумел направить в Туркестан 115 вагонов хлеба и этим оказал огромную помощь Советскому Туркестану и Казахстану.

Интервенты и белогвардейцы стремились взять Царицын, соединить силы чехословаков с донской контрреволюцией и сомкнуть кольцо вокруг Советской России.

«...взятие Царицына и перерыв сообщения с югом, — писал товарищ Сталин, — обеспечило бы достижение всех задач противников: оно соединило бы донских контрреволюционеров с казацкими верхами Астраханского войска и Уральского, создал единый фронт контрреволюции от Дона до чехо-словаков, оно закрепило бы за контрреволюционерами, внутренними и внешними, юг и Каспий, оно оставило бы в беспомощном состоянии советские войска Северного Кавказа»¹.

Организуя продовольственное дело на юговостоке, товарищ Сталин становится во главе обороны Царицына от наступавших на него белоказаков. Все попытки белых взять Царицын кончились полным провалом. Неудачей также кончились попытки белых взять Астрахань, героической защитой которой руководил С. М. Киров.

Прямым следствием сталинской обороны Царицына и героической защиты Астрахани было, в частности, и то, что казахским трудящимся на протяжении всей гражданской войны удалось сохранить в Букеевской степи советскую власть.

¹ «Правда» от 30 октября 1918 года.

В Царицыне товарищ Сталин принимает всяческие меры для укрепления Советского Туркестана и Казахстана, руководит их борьбой с белыми. В июле 1918 года товарищ Сталин пишет в Баку Степану Шаумяну: «Очень просим всех вас всячески помочь (оружием, людьми) Туркестану, с которым англичане, действующие через Бухару и Афганистан, стараются сыграть злую шутку»¹.

Из Царицына товарищ Сталин руководит борьбой большевиков и трудящихся Казахстана в тылу у белых. На помощь местным партизанам товарищ Сталин направил в Казахстан интернациональный отряд с транспортом оружия и патронов.

К осени 1918 года на восточном фронте наступил серьезный перелом: Красная Армия перешла в наступление против белых. 31 декабря Красная Армия освободила Уфу и начала продвигаться к Петропавловску.

Под руководством М. В. Фрунзе 24 января 1919 года Красная Армия освободила от белоказаков Уральск. В целях полного разгрома белоказаков тов. Фрунзе организовал наступление главных сил IV армии со стороны Уральска на Лбищенск, а в Александрове-Гае создал особую группу, перед которой поставил задачу: выйти на большой Уральско-Гурьевский тракт и перерезать путь противнику. Командующим александрово-гайской группой тов. Фрунзе назначил В. И. Чапаева, а комиссаром — Д. М. Фурманова. Под руководством Чапаева началось наступление александрово-гайской группы и вскоре была взята станица Слюмихинская.

Успешно развивалось наступление Красной Армии и в оренбургском направлении.

4 октября 1918 года Дутов потерпел крупное поражение под Орском. 22 января 1919 года силами I армии и красными частями актюбинского фронта Оренбург был освобожден от белых.

К концу 1918 года большевики Казахстана очистили от белогвардейских и алашординских банд район Тургай и укрепили там советскую власть. Амангельды Иманов становится военным комиссаром Тургайского уезда.

С продвижением Красной Армии на восток, с освобождением Уральска и Оренбурга. Центральный комитет партии и Народный комиссариат по делам национальностей во главе с товарищем Сталиным во весь рост ставят перед партийными организациями и советами Казахстана практическую задачу создания Казахской Автономной Советской Республики, что имело огромное значение в борьбе за раз-

гром интервентов и белогвардейщины в Казахстане.

В Казахстане в то же время отдельные партийные и советские работники не понимали всей сложности обстановки в крае и неказали национальную политику партии. Проявившиеся в партии враждебные буржуазно-националистические элементы пытались сорвать работу партии по созданию Казахской Автономной Советской Республики.

В статье «Наши задачи на Востоке» товарищ Сталин дал партийным организациям Казахстана развернутую программу осуществления национальной политики партии. Товарищ Сталин требовал от местных партийных организаций учета особенностей работы в национальных районах и указывал:

«Наша задача состоит в том, чтобы:

1) Всеми силами поднять культурный уровень отсталых народностей, организовать богатую сеть школ и просветительных учреждений, развить устную и печатную советскую агитацию на языке, понятном и родном для окружающего трудового населения.

2) Вовлечь массы трудящихся Востока в строительство советского государства, всячески помогая им создавать свои волостные, уездные и прочие совдепы из людей, ставших на сторону Советской власти и близких к местному населению.

3) Отсесть все и всякие ограничения, формальные и фактические, унаследованные от старого режима или приобретенные в атмосфере гражданской войны, мешающие развитию максимальной самостоятельности народностей Востока по пути к освобождению от пережитков средневековья и разрушенного уже национального гнета.

Только таким образом можно будет сделать Советскую власть близкой и родной для поработанных народов обширного Востока»².

В это время М. В. Фрунзе, возглавлявший IV армию восточного фронта, непосредственно руководил всей работой по укреплению партийных организаций и советской власти в Западном Казахстане, в Оренбургской губернии и Тургайской области. Под руководством тов. Фрунзе казахские трудящиеся широко вовлекаются в советское строительство, в ряды Красной Армии, мобилируются на дальнейшую борьбу с белоказаками и алаш-ордой. В Уральске был создан национальный отдел областного ревкома. Во все казахские районы области рассылаются представители ревкома для организации советской

¹ Журнал «Пролетарская революция» № 7 за 1936 год, стр. 91.

² «Коммунар» от 14 марта 1919 года. Оренбург.

власти. Посылаются работники для агитационной и организационной работы и в районы, еще не освобожденные от белых.

М. В. Фрунзе обратился к казахским трудящимся с горячим большевистским призывом подниматься на борьбу против интервентов и Колчака, на борьбу против баев и алаш-орды.

«Братья киргизы!

К вам, к народу, для которого история была злой мачехой, вся жизнь которого была полна горя и страданий, обращаюсь я с своим словом... Я хочу,— писал М. В. Фрунзе,— чтобы и вы, как один человек, поднялись на защиту советской власти, несущей вам зарю новой жизни.

Что несет вам советская власть? Прежде всего она приносит вам братскую помощь рабочих и крестьян России. Мы, представители трудовой России, смотрим на вас, как на наших братьев, на наших друзей. Мы не допустим, чтобы вас обижали, чтобы отнимали ваши земли, обрекали на муки голода. Мы поможем вам прогнать ваших буржуев, ваших досмухамедовых, которые уселись на шее киргизской бедноты и думают праздновать победу. Мы поможем вам сначала в каждой волости, а затем для уездов и для всей области создать советы трудового киргизского населения. Мы поможем этим советам немедленно приняться за работу по улучшению вашего быта, по поднятию ваших знаний. Соединенными усилиями всех трудящихся народов России мы сумеем опять сделать нашу страну богатой, сумеем улучшить положение бедняков. Но и на вас лежит долг, лежит обязанность помочь нам в этом тяжелом деле...

Поднимайтесь же, товарищи, устраивайте советы по волостям, аулам и уездам. Сбросьте скорее ваших буржуев досмухамедовых, возьмите власть в руки самих трудящихся... Выбирайте скорее уполномоченных, посылайте их сюда, в Уральск, в областной революционный комитет и тут им расскажут, что и как делать. Посылайте немедленно ко мне своих джигитов, защитников бедноты, я дам оружие, составлю из них полки для защиты трудового народа»¹.

По предложению Народного комиссариата по делам национальностей, 4 апреля 1919 года ВЦИК утвердил комиссию по созыву Всеказахского учредительного съезда советов. Был создан Казахский военный комиссариат.

Ленинско-сталинская национальная политика, работа по созданию Советского Казахстана выбивали почву из-под ног Кол-

чака и контрреволюционной алаш-орды, сплачивая казахских трудящихся на борьбу за советскую власть. В аулах, волостях и уездах создавались советы, казахские трудящиеся вступали в ряды Красной Армии, создавали казахские отряды и полки, принимали участие в восстаниях в алашординских белогвардейских частях. В Уральской области уже к началу марта были созданы и переданы в распоряжение IV армии ряд казахских отрядов и казахская конная бригада. В Урде был сформирован первый советский образцовый казахский кавалерийский полк. За 300—400 километров шли молодые казахи, чтобы вступить в ряды Красной Армии.

Наметился поворот в сторону советской власти и среди наиболее близкой к трудящимся массам передовой части казахской интеллигенции. С каждым днем усиливалась изоляция алаш-орды от казахских трудящихся.

Победы Красной Армии, огромная агитационная и организационная работа тов. Фрунзе, Уральской и Оренбургской партийных организаций привели к тому, что и среди трудовых масс оренбургского и уральского казачества значительно выросла популярность советской власти.

2

Весной 1919 года Антанта начала первый поход против Советской России. Колчак, по приказу Антанты, в марте 1919 года перешел в общее наступление по всему восточному фронту. Южная армия Колчака 6 апреля заняла Орск и подходила к Оренбургу. Советские районы Казахстана и Советский Туркестан вновь оказались отрезанными от Советской России. Вновь образовался актюбинский фронт.

Под руководством Ленина и Сталина партия и советское правительство направили против Колчака, представлявшего тогда наибольшую угрозу для Советской России, главные силы Красной Армии: на восточный фронт было направлено внимание всей страны.

Под руководством Ленина и Сталина был разработан план разгрома Колчака. Выполнение этого плана было возложено на товарищей Фрунзе и Куйбышева. В марте была создана южная группа войск восточного фронта, командующим которой назначается М. В. Фрунзе, а членом Революционного военного совета — В. В. Куйбышев.

Выполняя план Ленина и Сталина, тов. Фрунзе ставит задачу: «Удерживая натиск противника с фронта, образовать ударную группу в районе Бузулука... с тем, чтобы, перейдя этой группой в решительное на-

¹ «Красный Урал» от 16 февраля 1919 года.

ступление, ударом в левый фланг противника. отбросить его к северу»¹. В ударную группу в качестве наиболее крепкого ее ядра тов. Фрунзе назначил 25-ю Чапаевскую дивизию, отозвав ее из района Уральска, и лучшие части туркестанской армии.

Блестяще организованный и проведенный тов. Фрунзе удар во фланг наступавшим колчаковским армиям сорвал наступление Колчака, вынудил его армии к быстрому отходу на всем восточном фронте и положил начало разгрому вооруженных сил Колчака. К началу июня Красная Армия восточного фронта подошла к берегам Камы и Белой.

Предатель Троцкий предложил задержать наступление Красной Армии на восточном фронте на линии реки Белой (под Уфой), снять часть войск с восточного фронта и перебросить их на южный фронт. Это грозило бы гибелью революции. Оставленный в руках Колчака Урал с его заводами и железнодорожной сетью дал бы возможность Колчаку «...оправиться, собрать кулак и вновь очутиться у Волги»².

Центральный комитет партии отверг предательский план врага народа Троцкого и организовал дальнейшее наступление против Колчака, чем обеспечил его окончательный разгром. Под руководством М. В. Фрунзе на протяжении июня — июля 1919 года Красная Армия выбросила разбитые колчаковские армии за Урал, в Сибирь.

В тылу у Колчака, в Сибири и Казахстане, изо дня в день росло партизанское движение. Особый размах партизанское движение принимает во второй половине 1919 года. Большевики руководили партизанским движением, объединяли разрозненные партизанские отряды, устанавливали в них централизованное командование, устанавливали тесную связь партизан с подпольными большевистскими организациями. Весной 1919 года в Казахстане происходят крупнейшие восстания против Колчака в Кустанайском и Атбасарском уездах.

Колчак вынужден был снять с фронта лучшие силы, бросить их на подавление кустанайского восстания. В течение трех дней партизанская армия упорно защищала Кустанай. Бои носили исключительно ожесточенный характер. Три раза белые пытались приступом взять город и три раза отступали с большими потерями. Бузулукский офицерский полк полностью был уничтожен. Но удержать Кустанай партизаны не смогли. В бою за Кустанай

смертью храбрых пали организаторы и руководители восстания большевики Михаил Летунов, Эльбе и другие. Около 18 тысяч трудящихся Кустанайского уезда пало в боях за советскую власть во время восстания.

Отряд партизан, отступивший 18 апреля из-под Кустаная, решил двигаться на Тургай и оттуда на соединение с Красной Армией Туркестана. В это время в Тургае алашордынцы произвели контрреволюционный переворот, арестовали Амангельды Иманова и ряд других советских работников и установили в городе свою власть. В нескольких километрах от города алашордынцы обманным путем обезоружили и арестовали подошедшую к городу часть кустанайских партизан во главе с Тараном. В конце апреля алашордынцы зверски расстреляли Амангельды Иманова, Тарана и целую группу советских работников. В эти дни к Тургаю подходили основные силы отряда кустанайских партизан. 3 — 4 мая они разбили алашордынцев, взяли Тургай и, не останавливаясь в нем, спешно двинулись на соединение с Красной Армией Туркестана. Из отряда кустанайских партизан на актюбинском фронте был сформирован кустанайский коммунистический полк, до конца гражданской войны мужественно боровшийся с белыми.

Одновременно с кустанайским восстанием поднялось восстание против Колчака в Атбасарском уезде. Оно подготавливалось уцелевшими от ареста большевиками и членами Атбасарского уездного совета.

Восстание началось в начале апреля 1919 года. Во второй половине апреля в селе Маринновка собралось до 3 тысяч партизан. Из всех отрядов были сформированы 4 батальона и эскадрон кавалерии.

Повстанцы Атбасарского уезда вели упорную борьбу с колчаковскими карательными отрядами. Только в начале мая, после ожесточенных кровопролитных боев, колчаковцы выбили повстанцев из Маринновки. До 3 тысяч крестьян было убито и вырезано озверевшими белобандитами. Все село было разгромлено.

Восстания в Кустанайском и Атбасарском уездах были подавлены, но они сыграли огромную роль в борьбе с Колчаком, внесли расстройство в тыл Колчака и отвлекли значительные силы белых с фронта в момент решающего наступления Красной Армии на восточном фронте.

3

Победы Красной Армии на восточном фронте, разгром армии Колчака и изгнание ее за Урал предрешили дело оконча-

¹ М. В. Фрунзе. Собр. соч. Т. I, стр. 73.

² И. Сталин «Об оппозиции», стр. 110. Изд. 1928.

тельного освобождения Казахстана от белогвардейщины.

10 июля 1919 года Совет народных комиссаров создал «Революционный комитет по управлению Киргизским краем». Временное положение о ревкоме было подписано Лениным.

Кирревком и партийные организации Казахстана под руководством ЦК партии развернули работу по освобождению Казахстана от белогвардейщины и созданию Казахской Автономной Советской Социалистической Республики. На помощь рабочим и трудящимся Казахстана партия послала тт. Фрунзе и Куйбышева. Под руководством М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева Красная Армия и трудящиеся Казахстана добились остатков колчаковской армии на северо-востоке Казахстана, ликвидировали южную армию Колчака в районе Оренбург — Актюбинск, белоказачьи банды в Уральской области, банды Анненкова в Семиречье, уничтожили контрреволюционную алаш-орду.

Борьба Красной Армии и трудящихся Казахстана с уральскими белоказаками, героическая оборона Уральска в 1919 году являются ярчайшими страницами в истории гражданской войны в Казахстане. В связи с общим наступлением Колчака белоказаки, получив от английских интервентов помощь снабжением и вооружением, в конце апреля 1919 года вплотную подошли к Уральску и осадили его, угрожая перерезать железную дорогу Самара — Оренбург и выйти в тыл южной группы восточного фронта. Осажденные в Уральске части 22-й стрелковой дивизии и казахская конная бригада, а также рабочие и трудящиеся Уральска в продолжение 61 дня героически обороняли Уральск и отстояли его от белых.

Руководя борьбой на всех фронтах гражданской войны, В. И. Ленин внимательно следил за обороной Уральска. 16 июня Ленин телеграфирует М. В. Фрунзе: «Прошу передать уральским товарищам мой горячий привет, героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральска, просьбу не падать духом, продержаться еще немного недель, героическое дело защиты Уральска увенчается успехом»¹.

После взятия Уфы М. В. Фрунзе направил на помощь уральцам 25-ю Чапаевскую дивизию, поставив ближайшей ее задачей снятие осады Уральска. В непрерывных схватках с белоказаками 25-я дивизия во главе с Чапаевым быстро продвигалась вперед и 11 июля освободила Уральск от осады белоказаков.

Чапаев по пятам преследовал белоказа-

ков, брал хутор за хутором, станицу за станицей. В начале сентября штаб дивизии находился уже в Лбищенске. Белое командование сделало последнюю попытку предотвратить свой окончательный разгром и направило лучшие свои части в глубокий обход на Лбищенск. 5 сентября белоказаки неожиданно ворвались в Лбищенск. Красноармейцы во главе с Чапаевым героически, до последнего патрона, сражались с превосходными силами противника. Но силы были неравны, и белоказаки захватили Лбищенск. Под Лбищенском погиб герой гражданской войны В. И. Чапаев.

Попытка белых разгромить и уничтожить Чапаевскую дивизию не удалась. Успех уральских белоказаков под Лбищенском был временным. Дни уральской контрреволюции были сочтены.

После изгнания Колчака за Урал, в августе 1919 года, был создан туркестанский фронт во главе с командующим фронтом М. В. Фрунзе и членом Реввоенсовета фронта В. В. Куйбышевым. Вскоре началось наступление Красной Армии туркестанского фронта против южной армии Колчака.

Теснимые со стороны Оренбурга и Ташкента, белые теряли одну позицию за другой. 20 августа Красная Армия освободила от белых Орск, 2 сентября — Актюбинск, 11 сентября сложили оружие остатки южной армии Колчака в количестве свыше 20 тысяч человек.

Советский Казахстан и Туркестан были навсегда соединены с Советской Россией.

Одновременно с ликвидацией южной армии Колчака шло освобождение от колчаковщины Кустаная, Акмолинской и Семипалатинской областей. Под ударами Красной Армии и все растущего партизанского движения колчаковские банды откатывались все дальше в Сибирь и окончательно разлагались.

19 августа 1919 года Красная Армия изгнала белых из Кустаная, 29 октября заняла Петропавловск. В течение октября и ноября при помощи партизан был освобожден от белых Тургай, Кокчетав, Атбасар, Акмолинск, Павлодар.

Ночью 30 ноября началось восстание против белых в Семипалатинске. По призыву подпольной большевистской организации, имевшей связь с алтайскими партизанами, восстали рабочие, солдаты егерского батальона и пулеметной команды. Восставшие заняли телеграф, почту, вокзал, банк, захватили тюрьму и освободили политических заключенных, осадили штаб 2-го степного колчаковского корпуса, арестовали командира корпуса и 1 декабря 1919 года восстановили в Семипалатинске советскую власть.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIX, стр. 503.

В течение октября и декабря 1919 года, под руководством тт. Фрунзе и Куйбышева был ликвидирован белоказацкий мятеж в Уральской области. В октябре 1919 года тов. Фрунзе организовал против белоказачьих банд генерала Толстова решительное наступление I и IV армий с севера, востока и запада.

Красная Армия всюду встречала активнейшую поддержку и помощь казахских трудящихся, которые обеспечивали ее лучшими проводниками, транспортом, продовольствием. Казахские партизанские отряды отбивали обозы у отступавшей белой армии генерала Толстова, уничтожали его разведку, отдельные отряды и т. д.

5 января 1920 года Красная Армия взяла последний оплот уральской контрреволюции — Гурьев. Остатки уральской белогвардейской армии двинулись кругом Каспийского моря, в Туркмению. Значительная часть их погибла от тифа, другая сдалась красным войскам в Форте Александровском, и лишь несколькими сотнями, во главе с генералом Толстовым, удалось перейти персидскую границу.

«Правительство» контрреволюционной алаш-орды существовало и могло существовать, только опираясь на штыки интервентов и Колчака. Ликвидация колчаковщины решила участь ее союзника и лакея — алаш-орды. После разгрома южной армии Колчака тургайская группа алаш-орды в панике покинула Тургай, отряды ее разбежались, а лидеры скрылись в глухой степи. Развалилось под ударами восставших рабочих и казахских трудящихся и восточное отделение «правительства» алаш-орды. «Правительство» западного отделения алаш-орды, во главе с Досмухамедовым отступило вместе с белой армией генерала Толстова к Гурьеву и к декабрю 1919 года застряло в Кызыл-Куге. Потерявшее опору даже среди наиболее отсталых элементов казахских трудящихся, «правительство» алаш-орды в конце 1919 года обращается в Кирревром и к тов. Фрунзе с предложением о сдаче в плен. В начале 1920 года решением Кирреврома контрреволюционное «правительство» алаш-орды и все его управления были окончательно ликвидированы.

Под руководством Фрунзе и Куйбышева в марте 1920 года окончательно был ликвидирован и семиреченский фронт.

Красная Армия и партизаны Семиречья под руководством партийной организации в крайне тяжелых условиях отстаивали советскую власть в Семиречье от анненковских белоказацких и алашордынских банд и при помощи подошедшей из центра Красной Армии окончательно разгромили их. Исключительную роль в гражданской войне в Семиречье играли героическая

черкасская оборона и борьба партизан Тарбогатая.

В 1919 году белые несколько раз штурмом пытались сломить черкасскую оборону. В январе 1919 года Анненков с двумя пехотными и одним кавалерийским полком при двух орудиях и значительном количестве пулеметов повел наступление в районе селения Андреевки. Красные бойцы открыли огонь лишь тогда, когда белые подошли к самому селу. Бой продолжался 2½ часа, и белые отступили. В этом бою черкасцы захватили у анненковцев около тысячи японских винтовок и 4 пулемета.

Крупные бои выдержали черкасцы в марте 1919 года. 15 марта в бою с белоказаками и алашордынцами в районе селения Антоновки черкасцы окружили и обезоружили алашордынский кавалерийский полк, захватили 1600 винтовок, около тысячи шашек, 9 телефонных аппаратов и много телефонного кабеля. Через несколько дней после этого черкасцы отбили новую атаку белых, предпринятую Анненковым со стороны Уч-Арала. В конце июня 1919 года Анненков повел новое широкое наступление против черкасской обороны. В бою под Андреевкой черкасцы захватили до тысячи пленных, много винтовок, снаряжения и 25 пулеметов.

Неоднократные попытки командования семиреченского фронта выбить белых из района Аксу и Сарканд и снять осаду с Черкасского района положительных результатов не давали. В средние лета 1919 года Анненков захватил селение Константиновку, запер последние горные переходы, которыми пользовались черкасцы для связи с Верным. В руках защитников черкасской обороны остались лишь селения Черкаское, Петропавловское и Антоновское. Силы защитников Советского Семиречья истощались. Не хватало оружия, боеприпасов, хлеба. Область переживала исключительно тяжелое положение. В конце июля белоказаки захватили станицу Джаланаш в Джаркентском уезде и несколько сел Пржевальского уезда. В сентябре у черкасцев не осталось ни снарядов, ни патронов, ни соли, ни медикаментов, ни продовольствия. Голодные, истощенные, без патронов, черкасцы не смогли устоять против натиска белых. 14 октября Анненков ураганным артиллерийским огнем разрушил до основания Черкаское, Петропавловское и Антоновское и занял их.

Анненков зверски расправился с героями черкасской обороны. Десятки сел и аулов были разрушены, сожжены и разграблены. Героической смертью пал политический комиссар черкасской обороны, большевик тов. Тузов, которому Анненков издевательски предложил поступить добровольцем в белую армию. Тузов плюнул

Анненкову в лицо и тут же был зарублен. Падение черкасской обороны вынудило командование семиреченского фронта отступить к Талды-Кургану.

Героическую борьбу против белых еще с конца 1918 года вели в районе Урджара партизаны — «Горные орлы» Тарбогатая. В продолжение нескольких месяцев партизаны Тарбогатая смелыми налетами на местные гарнизоны и раз'езды белых добыли 1200 японских винтовок с некоторым запасом патронов. Весной 1919 года партизанские отряды Тарбогатая значительно выросли. Целые села и аулы вооружались и шли к «Горным орлам» Тарбогатая. В июне 1919 года только из аулов в районе сел Подгорное, Пятигорское и Петропавловское в партизанский отряд вступили 250 человек казахской бедноты. Внезапными налетами парализуя транспорт Анненкова и разоружая то тут, то там его раз'езды и отдельные отряды, красные партизаны Тарбогатая пренятствовали Анненкову продвигаться на юг.

Осенью 1919 года партизаны укрепились в горах недалеко от селений Кирилловское, Приновское и Аксаковское. При помощи крестьян партизаны построили в горах бараки для бойцов и амбары для продовольствия, фуража и снаряжения. Крестьяне завезли в лагерь партизан до 20 тысяч пудов зерна. В ноябре 1919 года Анненков бросил против «Горных орлов» крупные силы, запер их в горах, но взять штурмом их лагерь не сумел. Партизаны продержались в своем лагере до прихода Красной Армии в Урджар.

После ликвидации актюбинского фронта и соединения Казахстана с Советской Россией на помощь трудящимся Семиречья в их героической борьбе с анненковщиной и алашордынцами пришла Красная Армия. Под руководством тт. Фрунзе и Куйбышева в начале 1920 года анненковщина была ликвидирована. В конце марта 1920 года остатки разгромленных анненковских и дуровских банд скрылись в Западном Китае. Вся территория Казахстана навсегда была освобождена от интервентов и белогвардейщины.

30 апреля 1920 года Центральный комитет РКП(б) создал в Казахстане областное бюро РКП(б). Областное бюро в Киревком под руководством ЦК мобилизовали трудящихся Казахстана на преодоление хозяйственной разрухи и дальнейшую борьбу с интервентами: белополяками, Врангелем, басмачами. Завершается работа по созданию Казахской Автономной Социалистической Республики.

26 августа 1920 года Всероссийский центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров РСФСР приняли декрет «Об Автономной Киргизской Со-

циалистической Советской Республике». Декрет подписали В. И. Ленин и М. И. Калинин.

4 октября 1920 года в Оренбурге открылся I съезд советов КАССР. В почетный президиум съезд избрал В. И. Ленина, И. В. Сталина и М. И. Калинина.

Съезд провозгласил Казахстан Автономной Советской Социалистической Республикой, входящей в РСФСР, принял «Декларацию прав трудящихся КАССР», в которой главной задачей ставил «уничтожение эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадную борьбу с эксплуататорами, к какой бы нации они ни принадлежали, и установление социалистической организации общества»¹.

Первым съездом советов КАССР завершился важнейший этап героической борьбы казахского народа за свое освобождение. При помощи и под руководством русского пролетариата, под руководством гениальных вождей пролетариата — Ленина и Сталина — казахский народ в борьбе с интервентами, алаш-орлой, Колчаком, Дутовым отстаивал свою независимость, отстаивал свою советскую власть. В условиях советской власти казахский народ консолидировался в нацию, построил свою Казахскую Советскую Социалистическую Республику.

Под руководством товарища Сталина, в борьбе с врагами народа, троцкистско-бухаринскими диверсантами, вредителями, японо-немецкими шпионами, казахскими буржуазными националистами казахский народ окреп и закалился. За 20 лет советской власти Казахстан превратился в цветущую национальную социалистическую республику.

По Сталинской Конституции, Казахстан стал союзной республикой. Сейчас социалистическая система хозяйства безраздельно господствует в народном хозяйстве Казахстана. «Экономическую основу Казахской ССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации феодальной и капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком»².

Казахский народ непоколебимо стоит на защите своих завоеваний и готов вместе со всеми народами Советского Союза под руководством вождя народов товарища Сталина бороться до конца за победу коммунизма:

¹ «Декларация прав трудящихся КАССР», § 4.

² Статья 4-я конституции КАССР.

Германский империализм — зачинщик войны 1914 — 1918 годов

«Надо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается... Надо объяснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны и почему оно не могло обстоять иначе» (Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 372).

Все серьезные наблюдатели политической жизни констатируют, что нынешняя международная обстановка до мелочей напоминает обстановку кануна первой империалистической войны, что политическая атмосфера теперь так же напряжена, как и тогда, и так же достаточно одной искры, чтобы загорелось пламя. Но, несмотря на внешнюю схожесть положений, между прошлым и настоящим имеется коренное, принципиальное различие. Накануне первой империалистической войны капитализм являлся господствующей политической и социальной системой во всем мире. В обстановке относительного «мира» империалистические группировки держав вели непрестанную борьбу между собой и готовились к кровавой схватке за передел мира в свою пользу.

Теперь же на одной шестой части земли бесспорно победил социализм. Загнивающий капитализм уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии. Он видит свое единственное спасение в фашизме, то есть в установлении открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала.

Прежнюю империалистическую программу за передел мира фашизм пополнил новым пунктом: интервенция против СССР.

уничтожение первого рабоче-крестьянского государства, построившего социализм и давшего наглядный пример братского содружества и равноправного сожителства народов на основе ленинско-сталинской национальной политики.

За последние 24 года капиталистическое общество настолько одичало, что современную обстановку оно продолжает рассматривать как мирное время, несмотря на то что военно-фашистская Япония ведет истребительную войну против 450-миллионного китайского народа, итало-германский фашизм в течение 2 лет проводит кровавую интервенционистскую войну в Испании, а Муссолини истребляет абиссинский народ. Аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 году вызвала сильнейшее возбуждение во всем капиталистическом мире, между тем как аннексия фашистской Германией Австрии не вызвала даже и бумажного протеста. Все это вместе взятое делает нынешнюю обстановку еще более тревожной, чем она была 24 года тому назад. Война уже фактически охватила больше 600 миллионов человек.

В 1914 году господствующие классы Австро-Венгрии и Германии хотели разделить и «уменьшить» Сербию, потому что она находилась на пути задуманного ими грандиозного империалистического предприятия — железной дороги Берлин — Будапешт — Белград — Багдад. Эта дорога должна была способствовать установлению господства австро-германского империализма в Центральной и Юговосточной Европе и в Передней Азии. Поскольку в этом вопросе сталкивались интересы других империалистических держав, нападение на Сербию послужило поводом к мировой войне.

Теперь Берлин стремится разделить, «уменьшить» и уничтожить буржуазно-демократическую Чехословацкую республику, которая является серьезной помехой для «третьей империи» в ее планах расширения своего господства на всю Центральную и Юговосточную Европу.

Как 24 года тому назад, нападение Австро-Венгрии на Сербию послужило поводом к первой мировой войне, так теперь посягательство «третьей империи» на независимость и целостность Чехословакии может явиться причиной нового мирового пожара.

В нынешней, сложной международной политической обстановке, когда германский фашизм, этот главный очаг военной опасности, старается разжечь пожар новой мировой бойни, очень важно выявить роль германского империализма в развязывании первой мировой империалистической войны.

Владимир Ильич Ленин неопровержимо доказал, что мировая империалистическая

война 1914—1918 годов явилась следствием перерастания капитализма в его последнюю стадию — империализм. «Империализм, — писал Владимир Ильич, — есть подчинение всех слоев имущих классов финансовому капиталу и раздел мира между 5—6 «великими» державами, из которых большинство участвует теперь в войне. Раздел мира великими державами означает то, что все имущие слои их заинтересованы в обладании колониями, сферами влияния, в угнетении чужих наций, в более или менее доходных местечках и привилегиях, связанных с принадлежностью к «великой» державе и к угнетающей нации»¹.

Таким образом, Ленин считал, что все имущие классы 5—6 великих держав были заинтересованы в империалистической войне и несли за нее полную ответственность.

Владимир Ильич подчеркивал, что ответственность за мировую империалистическую войну, опустошавшую в течение четырех лет Европу и остальные континенты, уничтожившую бесчисленное количество материальных и культурных ценностей, стоившую трудящимся 10 миллионов убитыми и 21 миллиона ранеными, несли все крупнейшие империалистические страны. «Виновато в этом все развитие капитализма за полвека, и нет выхода из этого, кроме свержения господства капиталистов и рабочей революции»², — писал Ленин.

Империалисты великих держав вели мировую войну 1914—1918 годов, указывал Ленин, из-за того, чтобы решить вопрос о том, кому и «как господствовать над всем миром, как душиить маленькие народности, как обеспечить себе тройные и десятикратные прибыли банковского капитала, захватившего весь мир в пепь своего влияния»³. Говоря об удельном весе и особой роли буржуазии каждой, отдельной страны, Ленин отмечал, что «на первом месте стоят в этой войне два столкновения. Первое — между Англией и Германией. Второе — между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великих разбойника на большой дороге являются главными величинами в настоящей войне, остальные — несамостоятельные союзники»⁴.

Ленин указывал, что «Оба столкновения подготовлялись всей политикой этих держав за несколько десятилетий, предшествовавших войне»⁵.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 256.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 341.

³ Там же, стр. 335.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 280—281.

⁵ Там же.

Анализируя причины англо-германских противоречий, приведших к войне, В. И. Ленин называл германский империализм более молодым и сильным хищником, выступившим против «более старых и обожравшихся разбойников». «Появился новый хищник, — писал Ленин, — создалась в 1871 г. новая капиталистическая держава, развивавшаяся неизмеримо более быстро, чем Англия. Это — основной факт. Это быстрое развитие капитализма в Германии было развитием молодого и сильного хищника, который появился в союзе европейских держав и сказал: «...вы взяли полмира в свои руки, — потрудитесь нам дать соответствующую долю»⁶.

Это первенствующее значение англо-германских противоречий вынужден был признать даже Густав Штресеман, пангерманист и доверенное лицо банковских и промышленных трестов, лидер германской национал-либеральной партии, который, говоря о причинах войны, сделал следующий вывод: «В этой мировой войне дело идет не об убийстве в Сараеве и его искуплении, дело идет в первую очередь не о русском экономическом напоре или французском реваншистском возжелении, — дело идет о борьбе между Англией и Германией... Дело идет о борьбе, порожденной экономическими причинами, борьбе, которая останется как гигантское экономическое соперничество всех времен»⁷.

Анализируя причины империалистических противоречий, приведших к мировой войне, Ленин разоблачал виновность и ответственность всех участвующих в ней государств. Владимир Ильич говорил об английских империалистах, что они воюют против Германии потому, что хотят отстоять свое мировое господство. Он раскрывал империалистические, захватнические планы русского царизма и финансового капитала во Франции.

Но В. И. Ленина интересовали не только общие причины возникновения империалистической войны. Его интересовали также конкретные виновники, зачинщики, агрессоры, поджигатели войны 1914—1918 годов. В. И. Ленин подчеркивал, что именно Германия развязала мировую войну в 1914 году, так как она считала, что обстановка в то время наиболее благоприятствовала осуществлению ее империалистических планов.

В манифесте нашей партии «Война и российская социал-демократия», написанном В. И. Лениным в сентябре 1914 года, роль германского империализма в развя-

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 337.

⁷ Gustav Stresemann, Michel Horcht, der Seewind pfeift. Zweite Auflage, S. 8. Berlin. 1917.

звания мировой войны определена следующим образом: «На деле немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задуть национальную революцию южного славянства, вместе с тем направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран, Бельгии и Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента. Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая повые вооружения, уже намеченные и предпринятые Россией и Францией»¹.

Эту оценку Ленин неоднократно повторял на протяжении всей войны.

Приводимые нами ниже официальные материалы целиком и полностью подтверждают оценку В. И. Ленина о разбойнических планах и агрессивной роли германского империализма в развязывании первой империалистической войны. Этого нельзя забывать сейчас, в 24-ю годовщину войны, когда хищный германский фашизм подготавливает новую империалистическую бойню за передел мира и против социалистической родины всех трудящихся — СССР. Как тогда Сербия, так теперь Чехословакия может сделаться поводом к новому столкновению.

1

Балканские войны 1912—1913 годов закончились 10 августа 1913 года заключением Бухарестского мира, который послужил новым источником противоречий между Россией и Австро-Венгрией, соперничавшими на Балканах. Болгария и Турция, на которые Австро-Венгрия и Германия хотели опереться на Ближнем Востоке, вышли крайне ослабленными из войны. Австро-Венгрии удалось путем военной угрозы и создания Албанского государства закрыть доступ Сербии к Адриатическому морю, но она не смогла помешать ее усилению за счет побежденной Болгарии. Поражение Болгарии и отнятие у нее ее бывшими союзниками почти всех ее завоеваний в Турции, передача Румынии коренной болгарской провинции Добруджа обострили старые, непримиримые противоречия между буржуазией Болгарии с одной стороны и буржуазией Сербии, Греции и Румынии с другой стороны, добивавшихся преобладающего положения на Балканском полуострове. Австро-Венгрия была недовольна усилением Сербии, которой покровитель-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 61—62.

ствовала Россия, так как это укрепляло положение царизма на Балканах. Исход балканских войн, далее, обострил противоречия между Австро-Венгрией и Италией на почве албанских дел. В результате балканских войн усилилось национально-освободительное движение южных славян в самой Габсбургской монархии. Одновременно благодаря поддержке России распались союзные отношения между Румынией и Тройственным союзом и создались благоприятные условия для русско-румынского сближения и для перехода Румынии в лагерь Антанты. В населенной румынами венгерской Трансильвании усилились национально-освободительное движение и тяготение к Румынии. Таким образом, исход балканских войн ослабил позицию центральных держав на Балканах, распал Тройственный союз изнутри, укрепил ирредентистское² движение в Сербии и Румынии и усилил национально-освободительное движение в самой Австро-Венгрии. Все это вместе взятое ослабило Тройственный союз и усилило Антанту.

Германское правительство реагировало на это посылкой в Турцию военной миссии генерала Лигман фон Сандерса, в руки которой перешло фактическое руководство турецкой армией. В конце 1913 года обнаружилось резкое изменение позиции германского правительства по отношению к целому ряду кардинальных вопросов мировой политики. Из беседы с императором Вильгельмом II и начальником штаба Мольтке в ноябре 1913 года бельгийский король вынес впечатление, что «император перестал быть сторожником мира». Генерал Мольтке сказал королю, что «война необходима и неизбежна»³. Месяцем раньше начальник австро-венгерского генерального штаба Конрад фон Гетцендорф записал в своем дневнике после беседы с кайзером по поводу старого плана генерала уничтожить Сербию: «Он (кайзер) думает, что чаша терпения переполнена, он одобряет энергичные действия и уверяет, что стоит всецело на стороне монархии. Он прибавил: «Я пойду с вами, другие державы неготовы, они ничего против этого не предпримут»⁴.

Вскоре после заключения Бухарестского мира австро-венгерское правительство приступило к выработке плана «реорганиза-

² Ирредентистское движение — движение за присоединение к данному национальному государству областей, населенных той же национальностью, но вошедших в состав другого государства.

³ Documents diplomatiques français (1871—1914), 3-me série, Tome IX, p. 517.

⁴ Konrad von Hötzen-dorf «Aus meiner Dienstzeit». Bd. III, S. 469—470. Wien. 1922 (ниже — Konrad).

ция» Юговосточной Европы с целью изменения реального соотношения сил в пользу центральных держав. В записке от 15 марта 1914 года венгерский премьер-министр граф Тисса писал: «Нам нужна политика дальнего прицела, которая следила бы противоречия, удалила бы препятствия с пути и создала бы благоприятную нам группировку в Юговосточной Европе»¹.

Центральное место в новой группировке государств отводилось укреплению связей с Болгарией и Румынией. «Мы должны, — писал граф Тисса в той же записке, — работать совместно с Германией над созданием благоприятной нам группировки балканских государств. Первая цель такой политики должна состоять в отрыве Румынии и Греции от Сербии и в примирении этих двух государств с Болгарией на основе естественного увеличения Болгарии за счет Сербии. Это должно быть сделано в полном соответствии с такой политикой в Константинополе, которая удерживала бы турок от всяких европейских авантур и гарантировала бы их азиатские владения»². План Тиссы был детально обсужден 23 марта 1914 года в Шенбруне и в Вене во время свидания Вильгельма II с Францем-Иосифом, Тиссой и министром иностранных дел графом Берхтольдом. Для привлечения на свою сторону Болгарии план Тиссы предусматривал передачу ей сербских округов Иштиб и Кочану.

Тисса просил кайзера поддержать развитый им политический план в Бухаресте, что кайзер и обещал, так как он вполне разделял этот далеко идущий, хотя и трудно выполнимый план укрепления Тройственного союза при помощи перекройки Юговосточной Европы. Задуманный план Тиссы должен был поднять престиж Австро-Венгрии и фактически передать в ее руки Балканский полуостров. Такое усиление Австро-Венгрии всецело отвечало тогда империалистическим интересам монополистического капитала Германии, который через Австро-Венгрию и подчиняющуюся ей Болгарию стремился обеспечить себе постоянное и еще более быстрое проникновение на Балканы и бесперебойную и надежную связь с Турцией, уже находившейся под полным политическим и военным контролем Берлина. Приближающееся окончание Багдадской железной дороги настойчиво ставило перед германским империализмом вопрос об охране этого пути. Это последнее обстоятельство сыграло немаловажную роль в переговорах весной 1914 года. Только этим можно объяснить тот факт, что Вильгельм II так

быстро дал согласие на привлечение Болгарии к политической комбинации Тиссы, хотя он оставался попрежнему враждебно настроенным против болгарского короля Фердинанда.

С международно-политической точки зрения, осуществление плана Тиссы означало полное нарушение равновесия сил в пользу Тройственного союза, чего не согласились бы допустить ни Россия, ни Франция, ни Англия, особенно Франция ввиду ее тесных отношений с Россией и крупных экономических и политических интересов на Балканах.

Император Вильгельм сейчас же принялся за дипломатическую подготовку к проведению в жизнь плана Тиссы.

Германская и австрийская печать подняли шумную кампанию против России, призывая к превентивной войне. Полуофициозная «Kölnische Zeitung» писала 2 марта 1914 года в знаменитой корреспонденции из Петербурга: «В настоящее время Россия еще не в состоянии поддержать свои угрозы вооруженной силой... Таким образом непосредственной опасности Россия не представляет... Совершенно другую оценку придется дать русским вооружениям через три или четыре года». Автор корреспонденции делал вывод, что лучше, пока не поздно, направить готовое германское оружие против России. Даже обычно сдержанный в те годы «Berliner Tageblatt» рекомендовал в статье «Русский сосед» объявить России превентивную войну раньше, чем она закончит перевооружение армии и флота. Близкая к Францу-Фердинанду «Danzer's Armée Zeitung» писала 26 марта: «Цель нашей политики предначертана в австрийской государственной идее. Объединение всех малых народностей Центральной Европы в одном мощном государственном целом... Тогда никому не придет больше в голову фантазировать о разделе Австро-Венгрии, зато вероятным станет раздел России! Мы должны хотеть». Эта газетная травля очень характерна для политических шастроений руководящих кругов Германии и Австро-Венгрии.

В тесной связи с намечавшимся планом создания новой группировки держав под эгидой Берлина и Вены находилось последнее свидание Вильгельма II с Францем-Фердинандом в Конопнице 13—14 июня, на котором присутствовал адмирал Тирпиц, вдохновитель и создатель германского флота. Во время свидания двух друзей обсуждался знакомый уже нам план Тиссы и важные военно-организационные вопросы, связанные с усилением австро-венгерских сухопутных и морских сил. Император Франц-Иосиф поручил Францу-Фердинанду добиться от кайзера ответа: сможет ли в будущем Австро-Венгрия твердо рассчитывать на союзническую верность Германии в

¹ Osterreich Ungarns Aussenpolitik. 1908—1914. Bd. VII. № 9482, S. 978 (ниже — О. У. А.).

² Там же, стр. 978.

случае войны с Россией? Вильгельм II ответил: «Если мы не выступим сейчас, положение ухудшится»¹.

После всех согласований между Веней и Берлином план Тиссы претерпел некоторые изменения и был окончательно сформулирован в особом меморандуме 24 июня, то есть за четыре дня до убийства в Сараеве. Его политическая сущность сводилась к следующему: 1) возвращение Румынии в лоно Тройственного союза; 2) установление тесных дружественных отношений с Болгарией и превращение последней в форпост Австро-Венгрии и Германии на Балканах с вознаграждением ее за это сербской Македонией; 3) создание под патронатом Австро-Венгрии и Германии нового балканского союза в составе Румынии, Болгарии и Греции, враждебного России и Антанте; 4) раздел Сербии и низведение ее до такого ничтожного состояния, которое не позволит ей оставаться форпостом России на Балканах и свяжет ее с Австро-Венгрией узами «благодарности» за прирезку части Черногории.

Если бы этот план удался, то влиянию России на Балканском полуострове и в Константинополе был бы положен конец. От Берлина и до Багдада тянулась бы непрерывная цепь союзных и фактически вассальных по отношению к Германии государств. Уничтожение потенциальной силы Сербии и укрощение Румынии при помощи увеличенной Болгарии должны были нанести сильный удар национально-освободительному движению южных славян и румын в Габсбургской монархии и укрепить ее изнутри. Этот широко задуманный план «мирного» завоевания Балкан означал в конечном счете мировую войну.

Чтобы завоевать «мирными» или иными путями Балканский полуостров, Австро-Венгрия должна была в первую очередь уничтожить Сербию, стоявшую на пути ее империалистических воцелений. К этому Габсбургская монархия настойчиво и упорно стремилась в течение целого десятилетия. Вначале она хотела таможенной войной довести до покорности королевство, отрезанное от моря и полностью зависевшее от нее в экономическом отношении. Таможенная война не достигла цели, но зато вызвала крайнее озлобление во всех слоях сербского народа против соседней монархии, поставившей себе целью полное разорение маленькой страны. Эта антисербская политика вызвала большое озлобление и среди австро-венгерских сербов. В 1908 году Австро-Венгрия аннексировала населенные сербами Боснию и Герцеговину. Грабительский акт австрийско-магьярских господ-

ствующих классов, направленный против национально-освободительных и объединительных тенденций южных славян еще больше усилил озлобление против Австро-Венгрии. В Сербии возникли националистические организации, ставившие себе целью пропаганду идеи насильственного объединения всех сербов и южных славян Турции и Австро-Венгрии вокруг Сербии.

В результате победы балканских союзников над Турцией первая часть программы была выполнена. Однако Австро-Венгрия заставила Сербию отдать завоеванный ею доступ к Адриатическому морю, что толкнуло ее на поиски выхода к морю в другом направлении за счет Болгарии. В этом была одна из причин второй балканской войны, распада балканского союза и разгрома Болгарии, поддерживаемой Австро-Венгрией. Антисербская политика австро-венгерского империализма сопровождалась рядом репрессивных мер против южных славян в самой монархии и отменой ранее завоеванных ими прав. Югославянские народы и другие угнетенные национальности Австро-Венгрии считали, что носителем и вдохновителем этой реакционной политики является наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. Реакционер до мозга костей, воинственный клерикал, поклонник пруссачества и Вильгельма II, ненавидимый всего прогрессивного — Франц-Фердинанд носился со смутными авторитарными планами преобразования Габсбургской монархии и возвращения ей былого величия. Ватикан и весь воинствующий католицизм смотрели с упованием и надеждой на этого потомка средневековых Габсбургов. После его восшествия на престол Австро-Венгрия должна была сделаться главным оплотом величия и воссоздания уже давно утраченной римским первосвященником власти над вселенной.

Царствования Франца-Фердинанда ожидали с одинаковой боязнью как угнетенные в Австро-венгерской монархии славянские народы, так и угнетавшие другие национальности мажарские магнаты. Франца-Фердинанда ненавидели широкие массы народа как реакционера, воинствующего католика и носителя плана преобразования монархии на началах укрепления авторитарности. Его ненавидели сербские националисты по обеим сторонам границы, считавшие, что его царствование нанесет непоправимый удар национально-освободительному движению южного славянства. Особенно их убеждало в этом заранее оповещенное решение австро-венгерского правительства — устроить в присутствии Франца-Фердинанда грандиозные маневры в день сербского национального праздника 28 июня (Видов день) в населенной сербами Боснии и Герцеговине. Эта военная демон-

¹ Konrad, Bd. IV, S. 39.

страпия габсбургского высокомерия и зло-радства явилась прямым вызовом сербскому национальному чувству и грозным напоминанием о том, что все их мечты об объединении южных славян являются тщетными и никогда неосуществимыми. В иностранной и сербской печати упорно распространялись слухи о том, что сосредоточенные якобы для маневров громадные военные силы в Боснии и Герцеговине будут использованы для нападения на Сербию и разрешения таким образом югославской проблемы в пользу Австро-Венгрии, которую поддерживает в этом вопросе Германия.

Вся совокупность этой политической затеи, носившей в известной мере провокационный характер, накалила политическую атмосферу в югославянских областях монархии и Сербии. Смутные опасения патриотов и фанатиков, распропагандированных сербскими националистическими организациями, как мы выше видели, не были лишены основания. В этой раскаленной политической атмосфере 28 июня 1914 года произошло убийство Франца-Фердинанда и его жены в столице Боснии и Герцеговины — Сараеве. Убийцами были два молодых сербских фанатика.

2

Когда в Вену пришла весть об этом убийстве, начальник генерального штаба Конрад Гетцендорф тотчас же предложил объявить мобилизацию и использовать момент для сведения старых счетов с Сербией¹. Этого хотели также Берхтольд, Франц-Иосиф и другие австрийские государственные деятели, которые надеялись таким образом нанести одновременно удар и по национально-освободительному движению югославянских и других народностей Австро-Венгрии. Разгром национально-освободительного движения был первоочередной задачей, замышлявшейся в Вене войны против Сербии.

Однако австро-венгерское правительство не посмело предпринять такой решительный шаг без предварительного одобрения своего могущественного союзника.

30 июня германский посол в Вене Чиршский телеграфировал канцлеру, что очень много серьезных людей выражает желание «основательно поспороться с сербами», и прибавил: «Я пользуюсь всяким случаем, чтобы спокойно, но чрезвычайно энергично и серьезно предостеречь от неосмотрительных шагов»². На полях этой телеграммы Вильгельм II написал: «Теперь или никог-

да! Кто его уполномочил на это. Это очень глупо. Это совсем не его дело, Австрия должна сама решить, как ей поступить в этом деле; иначе, в случае неудачи скажут, что Германия не захотела. Пусть Чиршский прекратит этот вздор. Дело с сербами надо привести в полную ясность и притом быстро. Это самоочевидная истина». Получив, повидимому, еще ранее от министерства иностранных дел частным порядком сообщение о том, что кайзер недоволен его сдержанностью, Чиршский постарался исправить «свой промах». 4 июля он имел беседу с корреспондентом «Франкфуртер цейтунг» Ганном с очевидным намерением, чтобы его слова были переданы австрийскому министерству иностранных дел. Во время этой беседы Чиршский сказал: «Германия поддержит монархию независимо от того, что она решит предпринять против Сербии. И чем раньше, быстрее Австро-Венгрия бросится на Сербию, тем лучше. Лучше было бы вчера чем сегодня, но лучше сегодня чем завтра»³.

Для полного согласования вопроса с Берлином туда был послан начальник канцелярии Берхтольда граф Гойсс. Вместе с устными инструкциями граф Гойсс повез с собой меморандум с измененным планом Тиссы и письмо Франца-Иосифа кайзеру от 2 июля. Письмо Франца-Иосифа вкратце повторяло содержание меморандума, то есть плана Тиссы, и определяло политику монархии по отношению к Сербии в следующих выражениях: «Задачей моего правительства должно быть в дальнейшем изолирование и умаление Сербии. ...Недавние ужасные события в Боснии, надо полагать, убедили и вас в том, что о дружеском устраниении антагонизма между Австрией и Сербией говорить уже не приходится и что мирная политика всех европейских монархов находится под угрозой, доколе в Белграде будет оставаться безнаказанным очаг преступной агитации»⁴.

О том, как реагировал Вильгельм II на меморандум и письмо Франца-Иосифа, подробно говорит в своем донесении от 5 же июля австрийский посол в Берлине Сегени. По прочтении обоих документов кайзер сказал послу, что Франц-Иосиф «затрагивает чрезвычайно сложный европейский вопрос, и поэтому он не хотел бы давать определенного ответа, пока не посоветуется с канцлером». Во время той же аудиенции, повидимому, после сообщения графом Сегени устных разъяснений к меморандуму кайзер уже имел определенное решение. Посол об этом сообщает в своем донесении следующее:

¹ Konrad, Bd. IV, S. 30—31.

² Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914. I, № 7, Berlin. 1927.

³ O. U. A. Bd. VIII, № 10038.

⁴ Там же, № 9984, стр. 252.

«После завтрака, когда я снова подчеркнул серьезность положения, его величество уполномочил меня сообщить, что и в данном случае мы можем рассчитывать на полную поддержку Германии. Он должен, как он уже сказал, сначала выслушать мнение имперского канцлера, но он совершенно уверен, что Бетман-Гольвег будет с ним вполне согласен. Что касается нашего выступления против Сербии, то он полагает, что отладывать его нельзя»¹. Кайзер, далее, сказал, что если возможно выступление против Сербии необходимо, «что он будет жалеть, если мы упустим настоящий момент, который для нас так благоприятен»². В каком отношении момент был благоприятен, это разъяснил сам кайзер своему собеседнику: «Россия, несомненно, займет враждебную позицию, но к этому он уже подготовлен много лет, и если даже дело дойдет до войны между Австрией и Россией, то мы можем быть уверены, что Германия окажет нам поддержку, соблюдая свою обычную верность союзнику. К тому же в настоящий момент Россия, по его мнению, отнюдь не готова к войне и, несомненно, весьма серьезно подумает, прежде чем решиться взяться за оружие»³.

В дальнейшем кайзер одобрил политическую программу, изложенную в меморандуме, и обещал оказать ей полную поддержку.

Граф Гойос передал копии привезенных им из Вены документов помощнику статс-секретаря по иностранным делам Циммерману и изложил ему устные инструкции. Комментируя эти документы в духе своих инструкций, граф Гойос заявил, что его правительство намерено энергично заняться сербским вопросом, и сообщил по секрету Циммерману, что «Австрия собирается произвести полный раздел Сербии»⁴. После беседы с австрийским послом Вильгельм, как мы теперь знаем, вызвал к себе Бетман-Гольвега и Циммермана для обсуждения наставленных Веной вопросов. Как явствует из инструкции, посланной 6 июля Бетман-Гольвегом германскому послу в Вене Черинскому, канцлер был вполне согласен с кайзером насчет ответа Франц-Иосифу.

Большую часть инструкции канцлер посвятил данному им ответу Сегени по вопросу образования балканского союза. В конце своей инструкции канцлер пишет:

«Наконец в отношении Сербии его ве-

личество, конечно, не может занять никакой позиции в вопросах, касающихся Австрии и Сербии, потому что они выйдут за пределы его компетенции, но Франц-Иосиф может быть уверен, что его величество будет добросовестно поддерживать Австрию в соответствии с договорными обязательствами и старой дружбой»⁵.

Для полного определения позиции Германии в эти дни имеет чрезвычайно важное значение следующее место из сообщения Сегени: «В дальнейшей беседе я установил, что канцлер, так же как и император, считает немедленное выступление Австрии против Сербии наиболее радикальным и лучшим разрешением наших балканских затруднений. С международной точки зрения он считает настоящий момент более благоприятным, нежели какой-нибудь более поздний»⁶.

Кайзер не ошибся в своем канцлере. Он, точно так же как и кайзер, считал данный момент для выступления против Сербии «более благоприятным, с международной точки зрения, нежели какой-нибудь более поздний».

После совещания с австрийским послом, канцлером и Циммерманом кайзер, как мы теперь знаем, совещался в тот же день с прусским военным министром генералом Фалькенгеймом и капитаном Ценкером из морского штаба и 6 июля, утром, — с адмиралом Каппеле и генералом Бертрабом из генерального штаба.

Во время этих бесед кайзера с чинами военного и морского ведомства последние заверили Вильгельма II в полной готовности армии и флота. Оказалось, что на находящемся в Средиземном море «Гебеле» не совсем исправны котлы. Немедленно была направлена в Полу бригада монтеров для ремонта котлов.

Все эти совещания, имевшие место 5 и 6 июля в Потсдаме и Берлине, оказали роковое влияние на дальнейший ход событий. Именно здесь были приняты решения, которые привели к мировой войне. До этих дней инициаторов решительных действий в Вене удерживал страх, что Германия не поддержит военного выступления, и в Вене не могли решить самостоятельно вопрос о том, следует ли идти на войну с Сербией или ограничиться дипломатическим выступлением против нее. Об этом свидетельствуют все официальные документы, так же как и разговор Конрада с императором 5 июля. Соглашаясь с Конрадом, что война с Сербией неизбежна, но не решаясь одобрить его предложение напасть на Сербию, Франц-Иосиф заметил: «Да, все

¹ O. U. A. Bd. VIII, № 10058, стр. 306.

² Там же, стр. 307.

³ Там же, стр. 306.

⁴ D. D. I, №№ 18 und 61.

⁵ Там же, № 15.

⁶ O. U. A., Bd. VIII, № 10076, стр. 320.

это правильно, но как вы будете воевать, когда на нас все нападут, особенно Россия?» На вопрос Коппада: «Если ответ Германии будет гласить, что она на нашей стороне, тогда мы воюем с Сербией?», император ответил: «Тогда да, но если нам Германия такого ответа не даст, что тогда будет?»¹.

5 и 6 июля Германия обладеживала, подталкивала и тортила Австро-Венгрию начать энергичные действия. Она обещала ей свою поддержку и доказывала ей, что Россия неготова к войне в защиту Сербии, что у Франции нет тяжелой артиллерии, что Англия, по крайней мере в начале конфликта, останется нейтральной, а вмешательство ее во второй стадии войны не изменит хода кампании в худшую для центральных держав сторону. 5 и 6 июля Германия заверила Австро-Венгрию в том, что она может действовать решительно, не опасаясь быть оставленной в критический момент.

Это безоговорочное обещание со стороны Германии бесспорно решило вопрос о войне против Сербии и вместе с тем предрешило вопрос с развязывании мировой войны.

Ленин писал еще в августе 1908 года по поводу воинствующей политики великих держав: «Между тем при сети пыльных явных и тайных договоров, соглашений и т. д. достаточно незначительного щелчка какой-нибудь «державе», чтобы «из искры возгорелось пламя»².

3

Получив уверенность в поддержке Германии, австро-венгерское правительство тотчас же принялось за работу и стало уточнять цель военного похода против Сербии. На заседании объединенного совета министров от 7 июля 1914 года австрийский премьер-министр подчеркнул, что желательнее будет удалить из Сербии династию Карагеоргиевичей, отдать корону европейскому принцу и установить военную зависимость уменьшенного королевства от Австрии.

На этом же заседании граф Берхтольд, излагая международную ситуацию, сказал, что он отдает себе ясный отчет в том, что вооруженное столкновение с Сербией может иметь своим последствием войну с Россией. То, что война с Россией при системе союзов означала мировую войну, было не только ясно, но и желательнее в Вене и в Берлине.

Решения совета министров на второй день были уже известны в Берлине. 8 ию-

ля Чиршский телеграфировал в министерство иностранных дел: «Граф Берхтольд сказал, что если австрийский император присоединится ко взгляду о необходимости прежде всего предъявить Сербии требования, то он во всяком случае посоветует ему сформулировать их так, чтобы принятие их заранее было исключено»³.

Через два дня, 10 июля, Чиршский телеграфировал о новом своем разговоре с Берхтольдом. «Если бы сербы приняли все поставленные требования, — значит в телеграмме. — то это был бы для Берхтольда «чрезвычайно неблагоприятный исход». Он ломает себе голову еще над тем, какие можно было бы поставить Сербии требования, приемлемость которых была бы исключена»⁴. Против этих слов Вильгельм II написал: «Очистить Санджак. Тогда свалка немедленно налицо. Санджак Австрии должна во что бы то ни стало немедленно вернуть себе, чтобы помешать объединению Сербии с Черногорией и доступу Сербии к морю». Кайзер Вильгельм выражал неудовольствие тем, что Вена, по его мнению, действует слишком медленно.

Австрийским правительством был хладнокровно и подробнейшим образом разработан план нападения на Сербию. Ультиматум был составлен так, что ни одно государство, как бы ни было оно мало, принять его целиком не могло. Все это делалось с ведома и одобрения, а подчас и под непосредственным руководством Берлина. В цитированной выше телеграмме Чиршского имеется следующее место, подтверждающее роль Германии как непосредственного руководителя: «Министр охотно будет руководствоваться переданным по телеграфу графом Сегени предложением императорского правительства уже теперь настраивать через прессу общественное мнение страны против Сербии. Но это должно, по его мнению, делаться осторожно, чтобы преждевременно не встревожить Сербию». Все было предусмотрено германскими советчиками.

Берлин торопил и без того разгневался в драку венское правительство. 12 июля Сегени информировал Берхтольда, что все ответственные правительственные деятели «нас самым решительным образом ободрают не упускать настоящего момента и выступить против Сербии, чтобы покончить раз навсегда с заговорщическим гнездом»⁵.

В самой Германии военная машина была приведена в действие уже 6 июля. Для усыпления бдительности стран Антан-

³ D. D. Bd. I, № 19.

⁴ Там же, № 29.

⁵ O. U. A. Bd. VIII, № 12015, стр. 403.

¹ Коппад, Bd. IV, стр. 36.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XII, стр. 311.

ты германские военные и морской министры и начальник генерального штаба уехали на курорты. С этой же целью канцлер настаивал на отъезде кайзера в морскую поездку. Такая же провокационная комедия «миролюбия» была разыграна и Австро-Венгрией. «Военный министр, — телеграфировал Чиршский 10 июля, — с завтрашнего дня уйдет в отпуск, и барон Конрад фон Гетцендорф временно оставит Вену. Это делается, как сказал мне граф Берхтольд, умышленно, во избежание всякой тревоги»¹.

Когда все было готово, решено было проявить осторожность и отложить вручение ультиматума Сербии до отъезда находившихся с официальным визитом в Петербурге у царя французского президента республики Пуанкаре и председателя совета министров Франции Вивианш. Берлин и Вена устроили форменную охоту за Пуанкаре. Они не хотели, чтобы крик о помощи из Белграда донесся в Петербург во время пребывания там президента: это позволило бы России и Франции договориться о единой линии поведения.

Чиршский сообщил 14 июля в Берлин, что решено обождать с вручением ультиматума Сербии «до отъезда Пуанкаре из Петербурга». Сербии будут предъявлены такие требования, которые «заранее исключают их принятие», а затем «последует мобилизация»². Против слэв, где говорится об отсрочке предъявления ультиматума, кайзер Вильгельм написал на полях: «Какая досада!» Для успокоения вравшихся в бой берлинских подстрекателей граф Берхтольд попросил в тот же день Чиршского сообщить своему правительству, «что причиной отсрочки передачи ноты в Белграде является исключительно пребывание Пуанкаре в Петербурге и что в Берлине могут быть вполне уверены, что о медлительности или нерешительности здесь и речи быть не может»³.

Ввиду того, что в Берлине все-таки нервничали и торопили Вену, было решено вручить Сербии ультиматум 23 июля, в 5 часов пополудни, за час до отъезда Пуанкаре в Стокгольм. 22 июля германский посол в Петербурге граф Пурталес и военный атташе узнали точный час отъезда президента и панерегонки оба донесли об этом в Берлин⁴. Тотчас статс-секретарь по иностранным делам фон Ягов телеграфировал в Вену: «Если шаги будут предприняты в Белграде завтра в 5

часов пополудни, то они, следовательно, станут известны в Петербурге еще во время пребывания там Пуанкаре»⁵. На следующий день Чиршский поснешил успокоить фон Ягова, сообщив ему, что ультиматум будет передан на один час позже⁶.

Все предварительные приготовления Берлина и Вены к войне с момента убийства в Сараеве остались совершенно незамеченными дипломатией Антанты. Берлинская и венская дипломатия сумела ввести в заблуждение своих противников. Россия, Франция и Англия узнали содержание ультиматума Сербии лишь на второй день после его вручения, 24 июля. Это видно хотя бы из вопросов Пуанкаре и Вивианш. Из 17 вопросов, выдвинутых ими для обсуждения в Петербурге, австро-сербский конфликт («Австро-Венгрия: убийство эрцгерцога и Сербия») стоял на четырнадцатом месте⁷.

Правительства Антанты зашевелились лишь после того, как они ознакомились с содержанием ультиматума, на который Сербия должна была дать ответ через 48 часов.

24 июля русский совет министров принял решение: 1) обратиться ко всем державам с предложением побудить Австро-Венгрию предоставить Сербии отсрочку ответа на ультимативные требования и дать возможность правительствам изучить документы по поводу убийства; 2) «посоветовать сербскому правительству... не противодействовать вооруженному вторжению на сербскую территорию, если такое вторжение последует, и заявить, что Сербия уступает силе и вручает свою судьбу решению великих держав, и 3) в зависимости от хода дел объявить мобилизацию четырех округов против Австро-Венгрии»⁸. Царский министр иностранных дел Сазонов в тот же день посоветовал сербскому правительству «предоставить врагу занять без боя территорию и обратиться к державам с воззванием»⁹.

24 июля Сазонов обратился к правительствам Германии, Австро-Венгрии, Франции, Англии, Италии и Румынии с предложением пролить «поставленный Сербии для ответа срок»¹⁰.

25 июля Германия официально заявила, что она «поддерживает венский каби-

⁵ Там же, № 112.

⁶ Там же, № 126.

⁷ Documents diplomatiques français, 3-me serie. T. X, № 502.

⁸ «Международные отношения в эпоху империализма». 3-я серия. Т. V, № 19 (ниже.— М. О.).

⁹ Там же, № 22.

¹⁰ Там же, № 23.

¹ D. D. Bd. I, № 29.

² Там же, № 49.

³ Там же, № 50.

⁴ Там же.

нет, претензии которого она считает законными», и хочет, «чтобы этот конфликт был локализован»¹.

В ответ на предложение России и Англии предоставить Сербии отсрочку германское правительство лицемерно ответило, что оно «посоветовало» это сделать Вене. В действительности же оно торонило австро-венгерское правительство начать быстрее войну против Сербии. 25 июля Сегени телеграфировал Берхтольду: «Здесь видят в каждой проволочке открытия военных действий большую опасность вмешательства других держав. Нам советуют самым настоятельным образом немедленно выступить и поставить мир перед совершившимся фактом»².

После таких советов из Берлина нет ничего удивительного, что Австрия не признала удовлетворительным ответ Сербии, хотя та приняла все пункты ультиматума, кроме одного, по которому австрийские чиновники должны были получить право производить следствие об убийстве Франца-Фердинанда на сербской территории. Сербское правительство заявляло в своей ноте, что если австро-венгерское правительство не удовлетворится его ответом по этому пункту, то оно готово «пойти на мирное соглашение путем передачи вопроса на решение Гаагского международного трибунала или великих держав»³.

Такая уступчивость не спасла Серию, и через 30 минут после получения сербской ноты австрийский посланник со всем своим персоналом покинул Сербию.

Германские империалисты достигли своей цели: они подготовили агрессию с целью передела мира в свою пользу и сделали все для того, чтобы помешать урегулированию вопроса о сараевском убийстве мирным путем. Дальнейшие переговоры представляли лишь уловку и маскировку с целью переложения ответственности за нападение на противную сторону.

Методы, при помощи которых германское правительство вело переговоры в течение восьми последующих июльских, кризисных дней — от 25 июля до 1 августа, — настолько поучительны, что позволяют сделать некоторые политические выводы, пригодные и в наши дни для разоблачения кровавых замыслов германского фашизма.

¹ «Международные отношения в эпоху империализма». 3-я серия. Т. V, № 46 (ниже.— М. О.).

² О. У. А. Bd. VIII, № 10656, стр. 704.

³ М. О. № 74.

Германское правительство, принявшее такое деятельное участие в подготовке кровавой развязки сараевского конфликта, лицемерно заявляло, что в целях «локализации» австро-сербского конфликта все великие державы не должны вмешиваться в австро-венгерскую распрю. Сво требование от Англии и Франции, чтобы они оказали давление на Россию. Эти разговоры о «локализации» конфликта являлись не чем иным, как ловушкой, при помощи которой германские империалисты хотели прикритить свою роль главного поджигателя мировой войны.

Карл Маркс еще в сентябре 1870 года установил, что после захвата Пруссией Эльзас-Лотарингии и возведения ею войны в единственный метод разрешения национальных споров, после чудовищного преступления, совершенного прусскими господствующими классами, «состоящего в том, что во второй половине XIX столетия вновь вызвали к жизни политику завоеваний», не может быть в будущем «так называемых «локализованных» войн»⁴. Владимир Ильич, анализируя международную обстановку 1908 года, пришел к тому же заключению.

Надежды на «локализацию» рассеялись в тот же день, когда они были пущены в оборот. Английский министр иностранных дел Эдуард Грей заявил 25 июля германскому послу в Лондоне, что австро-сербский конфликт не задевает непосредственных интересов Великобритании до тех пор, пока австрийская мобилизация не вызовет русской мобилизации. Но с этого момента может наступить такое положение, которое заденет интересы всех держав, и «в этом случае Англия сохраняет за собой полную свободу действий»⁵. Устами Грея английский империализм заявил, что Англия не останется в стороне от мирового пожара, если в него будут втянуты другие великие державы. Все разговоры националистических германских историков и их подголосков о том, что английский империализм «обманывал» германский, обещал ему «локализацию» и «нейтралитет», ни на чем не основаны.

Последующие дни были заново обречены всякого рода проектами и предложениями о посредничестве для урегулирования конфликта мирным путем. Все они терпели неудачу из-за сопротивления Германии и Австро-Венгрии.

⁴ Карл Маркс. Избранные произведения в двух томах. Т. II, стр. 366 и 367. Партиздат. 1933.

⁵ М. О. 3-я серия. Т. V, № 53.

26 июля Сазонов предложил австро-венгерскому правительству договориться с ним непосредственно «о переработке некоторых статей австрийской ноты». Этим путем он надеялся найти формулу, «которая, будучи приемлемой для Сербии, дала бы вместе с тем удовлетворение требованиям Австрии по существу»¹.

Англия и Франция поддержали это предложение. 27 июля Грей предложил созвать конференцию в Лондоне из представителей незаинтересованных непосредственно великих держав: Англии, Франции, Германии и Италии, — «чтобы вчетвером обсудить возможные выходы из положения». На это предложение Россия ответила согласием², а Германия — отказом³, который она мотивировала тем, что не хочет «тащить Австрию на европейское судилище». Германия отказалась также поддержать в Вене предложение Сазонова о непосредственных переговорах с Австрией⁴.

Когда Грей прочел 27 июля полный текст сербского ответа, он тотчас вызвал к себе германского посла и заявил ему, что ответ по своей уступчивости превосходит все ожидания, что это произошло исключительно под давлением России, и предложил Германии оказать в свою очередь давление на Вену и добиться признания ответа Сербии удовлетворительным или хотя бы основой для дальнейших переговоров. Получив предложение Грея, Бетман-Гольвег в тот же день протелеграфировал его Черскому с прибавлением от себя: «Отклонением всех посреднических актов мы были бы всем миром признаны ответственными за пожар и были бы поставлены в положение действительных подстрекателей к войне. Этим создалось бы невозможное положение и в нашей собственной стране, где мы должны сохранить вид, что нас вынудили к войне». Канцлер, далее, как бы извинялся за передачу английского предложения Вене и признавался, что он это вынужден сделать потому, «что Лондон и Париж непрерывно воздействуют на Петербург»⁵.

Из этой приписки видно, что глава германского правительства больше всего был озабочен тем, чтобы свалить вину за войну на другую сторону и представить Германию перед общественным мнением в качестве «жертвы». Он ни одним словом не обмолвился о том, чтобы Австрия действительно пошла навстречу Англии, хотя он сам признавал, «что Сербия пошла на

широкие уступки». В этой же приписке 27 июля канцлер говорит о войне как о совершившемся факте.

В тот же день фон Ягов вызвал к себе Сегени и заявил ему, что германское правительство «решительно против принятия во внимание» предложения Грея. Оно передано в Вену лишь для того, чтобы канцлер «мог сделать сообщение английскому кабинету о том, что он не отклоняет английского пожелание, но даже передал его в Вену». Далее, он подчеркнул, что, выступая в качестве посредника, «германское правительство абсолютно не является сторонником принятия английского пожелания»⁶.

Бетман-Гольвег 27 июля поручил передать Грею, что им «тотчас начато посредничество в Вене»⁷, а 28 июля австро-венгерское правительство, пренебрегая всеми английскими и русскими предложениями, объявило войну Сербии.

С этого момента Сербия отошла на второй план. Наступил новый этап лжи, лести и лицемерия германской дипломатии с целью свалить ответственность за войну на противника и создать себе такую дипломатическую обстановку, которая облегчила бы ей быструю победу.

28 июля, в день объявления Австро-Венгрией войны Сербии, в Потсдаме у кайзера состоялось второе совещание (первое было 27 июля), на котором присутствовали начальники генерального и морского штабов, военный и морской министры, Бетман-Гольвег, фон Ягов и Циммерман. Было решено вернуть все войска в гарнизоны (из лагерей). 29 июля германское правительство поручило своему послу в Петербурге Пурталесу заявить Сазонову ультимативно: «... Если Россия будет продолжать свои военные приготовления, хотя бы и не приступая к мобилизации, Германия сочтет себя вынужденной мобилизоваться и в таком случае последует с ее стороны немедленное нападение». Сазонов на это ответил: «Теперь у меня нет больше сомнений относительно истинных причин австрийской непримиримости»⁸. В ответ на угрозу Германии в Петербурге было созвано совещание в составе Сазонова, военного министра Сухомина и начальника генерального штаба Янушкевича по вопросу о мобилизации. Во время совещания было получено известие о бомбардировке австрийцами Белграда. Совещание пришло к выводу, что «ввиду малого вероятия избежать войны с Германией необходимо своевременно вся-

¹ М. О. 3-я серия. Т. V, № 116.

² Там же, № 136.

³ Там же, № 134.

⁴ Там же.

⁵ D. D. Bd. I. № 277, стр. 241.

⁶ O. U. A. Bd. VIII, № 10793, стр. 778—779.

⁷ D. D. Bd. I, № 278.

⁸ М. О. Т. V. № 224, стр. 212—213.

чески подготовиться к таковой, а потому нельзя рисковать задержать общую мобилизацию впоследствии путем выполнения пыле мобилизации частичной». Царь согласился с этим предложением, однако в 11 часов вечера отменил по телефону всеобщую мобилизацию, оставив в силе частичную мобилизацию, против одной Австрии¹.

Германское правительство было твердо уверено, что оно легко справится с Россией и Францией. Но позиция Англии причинила ему беспокойство. Иметь Англию в числе врагов Германии не хотелось, и она сделала попытку привлечь ее на свою сторону обещаниями. Канцлер вызвал к себе английского посла Гошена и заявил ему, что если Англия останется нейтральной во все время «победоносной войны», то Германия не присоединит к себе французской территории в Европе и не затронет целостность Бельгии. Если последняя пропустит без сопротивления германские войска через свою территорию, то «после окончания войны целостность Бельгии не может быть затронута»². На вопрос посла даст ли канцлер заверение, что не тронет французских колоний, Бетман-Гольвег ответил, «что он не мог бы дать подобную гарантию в отношении колоний»³. В этот же день статссекретарь фон Ягов послал посланнику в Брюссель с фельд'егерем заготовленный еще 26 июля ультиматум для предъявления его после специального уведомления Бельгии. Все это делалось за день до того, как объявление в России частичной мобилизации стало известно в Берлине.

Попытка «купить» Англию за обещание заключить с ней после войны общеполитическое соглашение окончательно убедила Грея в преднамеренно агрессивном образе действий германского правительства. Германский империализм раскрыл свои карты, саморазоблачил себя. Это дало возможность Грею принять гордую позу и прочесть канцлеру мораль. 30 июля он поручил Гошену заявить канцлеру, что его плутовство разгадано и что его предложение «не может быть поддержано ни одной минуты».

«В самом деле, — продолжал Грей, — в то время как будут отбираться французские колонии и когда Францию будут бить, вы просит нас дать обязательство остаться в стороне до тех пор, пока Германия не начнет отбирать, помимо колоний, французскую территорию... Заключать такой торг с Германией за счет

Франции было бы для нас позором, от которого доброе имя нашей страны не освободилось бы никогда»⁴. Теперь уже стало ясно, что Англия не останется в стороне от общей сделки.

Однако и на этой стадии развития конфликта была еще возможность его уладить, поскольку страны Антанты не были готовы к войне и в данный момент ее не хотели. Все зависело от Германии. Серьезного нажима последней на Вену хватило бы для того, чтобы она дала согласие на разрешение конфликта мирным путем. Но как раз этого Германия не сделала. Все помыслы германской дипломатии в эти дни — 30—31 июля — были устремлены, по признанию баварского посланника в Берлине Лерхенфельда, на то, «как бы выставить Россию неправой»⁵ и взвалить ответственность за нападение на нее.

Правящие круги России были напуганы и боялись, как бы Германия, у которой мобилизационный аппарат действовал очень четко, не получила еще большего преимущества от того, что Россия отложила объявление всеобщей мобилизации. 30 июля Сазонов убедил царя подписать указ о всеобщей мобилизации. Янушкевич обещал разбить свой телефон, чтобы царь не смог его найти, если захочет вновь отменить указ о всеобщей мобилизации. Однако русская мобилизация не являлась достаточным поводом для объявления германской мобилизации. Законной или основательной причиной для объявления таковой могло явиться лишь состояние войны между Австро-Венгрией и Россией. Поэтому Мольтке вызвал 30 июля к себе австрийского военного атташе Винерта и сказал ему для передачи Конраду: европейская война является последним средством для спасения Австро-Венгрии. Необходимо, чтобы она отвергла все предложения о посредничестве и объявила всеобщую мобилизацию против России. В этом случае наступит *casus foederis* для союзной Германии, которая, безусловно, будет рядом. Если экзекансивный Янушкевич хотел «слопать» телефон, то рассудительный, философствующий Мольтке действовал более энергично. Его телеграмма произвела сильный эффект в Вене. Берхтольд воскликнул при ее прочтении: «Удалось!»⁶. Лавина стихнула с гор, никакая сила ее уже удержать не могла. Да никто этого и не хотел: ни в Берлине, ни в Вене. 31 июля Германия предъявила ультиматум

¹ М. О. Т. V. № 224, стр. 214.

² D. D. Bd. II. № 373.

³ British Documents on the origins of the War 1898—1914, Vol. XI, № 293. London. 1926.

⁴ D. D. Bd. XI, № 303.

⁵ Bayerische Documente zum Kriegsausbruch und zum Versailler Schuldsfrage, № 61, S. 170. Berlin. 1922.

⁶ K о n r a d, Bd. IV, стр. 153.

России и потребовала от нее демобилизации. В тот же день она ультимативно потребовала от Франции заявления, что последняя обязывается остаться нейтральной на все время войны с Россией. На тот случай, если бы Франция ответила положительно, послу фон Шену было поручено потребовать от нее в качестве гарантии ее нейтралитета передачи Германии крепостей Верден и Туль. 1 августа Германия объявила войну России, 3 августа — Франции, 3 августа германские войска вступили в Бельгию, 4 августа Англия объявила войну Германии. Зажженный германским империализмом пожар охватил в несколько дней всю Европу.

5

Таковы события, рисующие агрессивную и разбойничью роль германского империализма в развязывании мировой войны 1914—1918 годов. Цепь фактов и документов, разоблачающих лицемерие и ложь германской дипломатии, можно было бы продолжить бесконечно. Германское правительство лгало, лицемерно скрывало и нагло отрицало свою причастность к составлению австрийского ультиматума, утверждало, что оно не знало заранее его содержания. Германское правительство само выдвинуло формулу «остановка в Белграде» (*Halt machen in Belgrad*) и рекламировало ее, в то же время толкая Австро-Венгрию на быстрые действия. Когда на один момент казалось, что Франция останется нейтральной, а армию можно будет повернуть против одной России. Мольтке устроил форменную истерику кайзеру. У Мольтке не выдержали нервы, когда ему показалось, что Франция как противник отпадает.

Но и приведенных документальных данных вполне достаточно, для того чтобы раскрыть со всей очевидностью преступную роль германского империализма как зачинника мировой войны, наиболее агрессивную политику именно господствующих классов гогенцоллернской империи, спешивших опередить других империалистических хищников и использовать благоприятную, как им казалось, обстановку, чтобы переделить мир в своих интересах. Путем войны германский империализм надеялся в течение 1^{1/2}—2 месяцев одер-

жать решительную победу над Россией и Францией и продиктовать им свои условия мира. Перспектива богатой добычи придавала ему смелость и наглость.

В первые месяцы войны правительственные круги, пангерманские и хозяйственные организации монополистического капитала и даже профессора в Германии были заняты формулированием этих условий, изложением их в виде меморандумов.

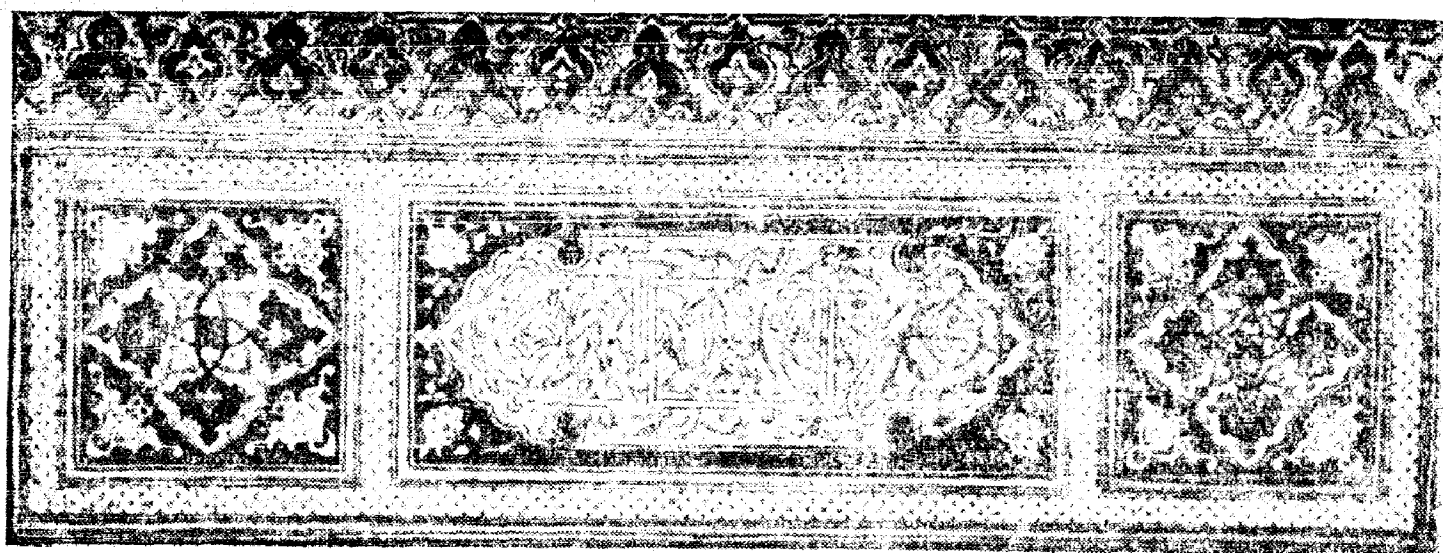
Присоединение к Германии Бельгии, северовосточных департаментов Франции по линии от Кале на севере до Бельфора на юге — со включением угольного и железорудного бассейнов — присоединение обширных пространств для немецкого поселения на востоке Европы, завоевание всех колоний и владений у Англии и Франции и наложение на побежденных чудовищных контрибуций — все эти захватнические планы излагались во всех официальных и полуофициальных документах. Германский империализм зажгет мировой пожар 24 года тому назад с целью создания «увеличенной Германии», образования сплошной Германской мировой империи, от Ламанша и до Персидского залива, с подчинением ей всех народов и континентов. Эта затея кончилась для германского империализма полным поражением и гибелью «второй империи» Бисмарка — Гогенцоллернов.

В настоящее время фашистские страны во главе с гитлеровской Германией готовят новую мировую войну, новую угрозу жизненным интересам трудящихся масс всего мира.

Но если фашистская «третья империя» развяжет новую империалистическую войну, то она погибнет в ней, как погибла в 1918 году «вторая империя» Бисмарка — Гогенцоллернов. Задача трудящихся состоит в том, чтобы предотвратить новую мировую войну посредством уничтожения ее носителя — мирового империализма — в его самом оголтелом выражении, в лице фашизма.

Рабочий класс всего мира во главе всех трудящихся, сплачиваясь в революционную армию под руководством Коммунистического Интернационала, сметет с лица земли фашизм и вместе с ним капитализм.

Е. Беляев

Ислам и арабский халифат VII—IX веков

1

Колыбелью ислама была Аравия, обширный полуостров, расположенный на югозападной оконечности Азиатского материка. Поверхность Аравийского полуострова равна $\frac{1}{4}$ поверхности Европы. Географические границы Аравийского полуострова: на западе — Красное море, на юге — Индийский океан, на востоке — Персидский залив, а на севере — Сирийская пустыня, клином вдающаяся в материк и отделяющая Сирию от Месопотамии. Этот пояс морей и пустынь отделял Аравийский полуостров от всего остального мира.

Представление об Аравийском полуострове как о необозримых пространствах песчаных и каменистых пустынь не соответствует действительности. На самом деле, большую часть полуострова занимают степи и полупустыни, имеющие растительный покров, при котором вполне возможно заниматься скотоводством. Наиболее распространенным видом домашнего животного является верблюд. Это выносливое и неприхотливое животное было неизменным спутником и самым надежным источником существования жителей аравийских степей — бедуинов. Бедуины перевозили на верблюдах свои палатки, свой скраб, своих жеп и детей. Верблюд снабжал этих кочевников-скотоводов молочными продуктами и мясом; из шерсти верблюда изготавливали палатки и одежду, из его кожи — обувь

и сбрую, а верблюжий помет служил топливом. Это полезное животное питалось колючими растениями пустыни и утоляло жажду грязной водой из редко встречающихся колодезь.

Знаменитые арабские лошади встречались гораздо реже, их мог иметь далеко не каждый бедуин: их надо было кормить ячменем, а главное, поить чистой водой. Воду же особенно трудно было находить в Аравии, в которой не было ни рек, ни озер. Только после дождей в некоторых местах образовывались значительные водоемы, которыми пользовалось население целых районов.

В тех местах, где подпочвенные воды выходили наружу, расцветали оазисы с рощами финиковых пальм и нивами, дававшими средства для существования оседлому, земледельческому населению. Земледельцы, составлявшие меньшинство населения Аравийского полуострова, жили разбросанно по оазисам и в тех немногих районах, в которых возможно было искусственное орошение почвы.

На центральном аравийском плоскогорье Неджд встречались поселения с оседлым населением, занимавшимся разведением финиковой пальмы. К юговостоку от этой области, доходя почти до Персидского залива, простиралась земледельческая область Немама. В западной Аравии, в области Хиджаз (часто неправильно называемой Геджасом), также имелся ряд цветущих оази-

сов, из которых наиболее значительными были Йериб (впоследствии Медина) и Таиф. Но в целом земледельческих оазисов было очень мало.

Наиболее крупной и цветущей земледельческой областью был Йемен, расположенный в юго-западном углу Аравийского полуострова. Эта страна еще в древности (в I-м тысячелетии до нашей эры) достигла высокого уровня хозяйственного и культурного развития. Ее близкостояние основывалось на сложной системе искусственного орошения, а рост ее городов был обусловлен положением этой страны на торговом «пути благовоний», соединившем Индию со странами Средиземноморья. Этот путь шел из Йемена через западную Аравию (Хиджаз). По поводу древнеарабских государств, образовавшихся в Йемене, Ф. Энгельс писал: «Там, где арабы жили оседло, на юго-западе, они были, по всем видимостям, таким же цивилизованным народом, как египтяне, ассирийцы и т. п.; это доказывают их постройки»¹. К периоду возникновения ислама эти постройки (дворцы, храмы и т. п.) были уже в развалинах, а значительная часть населения Йемена переселилась на север. «Во время Магомета, — писал К. Маркс Ф. Энгельсу, — торговый путь из Европы в Азию сильно изменился, и города Аравии, принимавшие большое участие в торговле с Индией и т. д., находились в коммерческом отношении в упадке»². В этом упад-

ке торгового значения южноарабских городов Маркс и Энгельс видели одну из причин возникновения ислама.

2

С незапамятных времен арабы западной и центральной областей полуострова жили в условиях родового строя, распадаясь на отдельные племена. Большинство арабских племен вело кочевой образ жизни. Земледельцы небольших оазисов обычно находились под покровительством какого-нибудь кочевого племени. Они ежегодно уступали своему покровителю часть продуктов своего труда; взамен этого племя защищало от посягательств других окрестных бедуинов их посева, стада и жилища.

В V—VI веках арабское родовое общество уже находилось в состоянии разложения. В бедуинском скотоводческом хозяйстве (а отчасти и в земледелии) применялся рабский труд. Рабы поступали преимущественно из Африки; в рабство обращались также пленные, захваченные бедуинами при их набегах на соседние территории. Рабовладельцами были главным образом родовые аристократы, т. е. члены господствующих родов в каждом племени. Обладание рабами позволяло родовой аристократии увеличивать поголовье своих стад и захватывать лучшие пастбища.

На почве имущественного неравенства все сильнее стали обнаруживаться противоречия между родовой аристократией и племенной массой. Появились бедуины, ли-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс «О религии и борьбе с нею». Т. I, стр. 296.

² Там же, стр. 297.

Арабы на верблюдах.

Со старинной миниатюры 1230 года.

Мекка.

лишенные скота, которые нередко поднимали восстания против родовой аристократии, стремясь захватить ее имущество. В VI веке в результате развития этих противоречий в бедуинских племенах назрел кризис.

Особенно остро проявлялись противоречия между родовой аристократией и родовой демократией в городе Мекке, населенном племенем курейш (курейшиты). Мекка расположена в котловине, сдавленной бесплодными холмами, за которыми простираются песчаные равнины, лишенные воды и растительности. Здесь невозможно было заниматься ни земледелием, ни скотоводством. Мекка возникла в незапамятные времена у источника горьковато-солончатой воды как одна из станций на международном торговом «пути благовоний». Основным занятием племени курейш в V—VI веках была торговля, которая велась с Йеменом и с Сирией. На основании кратких указаний, имеющих в Коране (CVI, 2), можно заключить, что мекканские курейшиты отправляли ежегодно две торговых экспедиции. Из сообщений арабских историков известно, что зимой караваны отправлялись в Йемен, а летом — в Сирию. Арабский историк Табари отмечает, что число верблюдов, составлявших такой караван, иногда доходило до 2500; при них находилось до 300 купцов, проводников и стражников. В снаряжении таких торговых экспедиций обычно принимали участие все жители Мекки. Но львиную долю прибыли получали представители мекканской родовой аристократии, так называемые курейшиты центра, среди которых руководящую роль играл род омейя (смейяды).

Мекканские родовые аристократы занимались не только торговлей и ростовщи-

чеством: они владели также большими стадами скота и рабами. Население цветущего города — оазиса Таифа — и родовая аристократия многих бедуинских племен Хиджаза, принимавших самое деятельное участие в мекканской торговле, находились в тесной зависимости от «курейшитов центра».

В конце VI века Йемен был завоеван персами, войско которых прибыло на кораблях из Персидского залива к югозападным берегам Аравии. В Хиджазе и особенно в Мекке в связи с этим создалось очень тяжелое положение. Транзитная торговля через Йемен и вывоз туземных продуктов из этой страны сильно сократились. Сокращение торговли отрицательно отразилось на благосостоянии мекканской родовой демократии, в состав которой входили средние и мелкие торговцы, существовавшие почти исключительно торговлей. Курейшитская родовая аристократия искала выхода из создавшегося кризиса в усилении ростовщической деятельности и расширении сношений с бедуинскими племенами Хиджаза. Опираясь на родовую аристократию бедуинов, курейшиты получали от этих племен продукты их скотоводческого хозяйства, которые они вывозили в Сирию и в Ирак.

Мелкие торговцы — курейшиты — стали жертвами ростовщического хищничества своих богатых соплеменников. Именно в этих демократических слоях населения Мекки зародилось движение, принявшее форму пачального ислама.

Ислам возник как движение протеста мекканской родовой демократии против родовой аристократии племени курейш. Мухаммед (Магомед), выступив в роли пророка, особенно энергично проповедывал

против богатых ростовщиков, забравших в свои руки мелких торговцев; ростовничество он признавал недопустимым грехом, в то время как торговля рассматривается в Коране как занятие, угодное богу. Мухаммед призвал на свою сторону часть рабов и многих бедняков, которые ненавидели «курейшитов центра» и готовы были всемерно поддержать любое движение, направленное против них.

Однако начальный ислам вовсе не ставил своей целью уничтожение рабовладельческого строя, не стремился поднять восстание рабов и бедных против господствующих родов. Как видно из мекканских сур (глав) Корана, имущественное неравенство считалось установленным самим Аллахом. Верующие призывались к терпению и должны были утешаться надеждой, что богатые «грешники» после смерти попадут в ад. Самое слово «ислам» означает «покорность» в смысле безусловного подчинения ничем не ограниченной воле Аллаха.

В Мекке движение было подавлено. Мухаммед со своими сторонниками был вынужден переселиться в Ясриб, вскоре после этого получивший название «Медина», (по-арабски это значит «город» и является сокращением более раннего названия «Мединат-ан-наби» — «город пророка», т. е. Мухаммеда). Это событие, относимое мусульманскими историками к 622 году нашей эры, известно под названием «хиджра» (или «гиджра»), что значит «переселение» (перевод словом «бегство» неточен).

В Медине стала создаваться община мусульман (т. е. исповедующих ислам). Руководящую роль в ней играли «мухаджирры» (т. е. «переселенцы» из Мекки), а основное ядро составляли «ансары» («помощники»), два мединских арабских племени: аус и хазрадж, — постепенно переходивших в ислам. Помимо этих двух племен в Ясрибе — Медине — жили три земледельческих еврейских племени. В течение первых пяти лет своего пребывания в Медине Мухаммед изгнал (а частью истребил) эти племена, а их земли роздал мухаджиррам и ансарам. Этим он создал экономическую базу и усилил свое влияние среди арабских племен Мединны.

Борьбу против Мекки мусульмане начали тотчас же после своего переселения в Медину, захватывая мекканские торговые караваны. В 624 году это привело к вооруженному столкновению с мекканцами при Бедре, в котором мусульмане одержали победу. Но в следующем (625) году мекканцы разбили войско Мухаммеда при горе Охд, близ Медины. Еще через два года (627 год) «курейшиты центра», собрав зависимые от них бедуинские племена, оса-

дили Медину. Однако они не смогли взять город, так как мусульмане (по совету одного перса) прибегли к новому для того времени способу защиты, выкопав ров. После этой неудачи мекканцев мусульмане, используя противоречия между курейшитской родовой аристократией и бедуинскими племенами, стали привлекать последних на свою сторону, распространяя среди них ислам. В 630 году Мекка капитулировала: «курейшиты центра» и все прочие мекканцы приняли ислам и вступили в мусульманскую общину. В этой общине, создавшейся в Медине, люди объединялись не по признаку кровного родства (как в племенах), а как последователи новой религии — ислама.

Во главе этой «общины верующих» стояли Мухаммед и его ближайшие «сподвижники» из числа мекканцев-мухаджиров. Они составляли руководящую верхушку общины. Из ее среды вышли наиболее близкие и наиболее активные сотрудники Мухаммеда, которые после его смерти стали во главе арабского государства. Ядром этого государства была мусульманская община, которая могла возникнуть только в условиях разложения родовых отношений, в условиях распада кровных связей. «Когда появляется такая особая группа людей, — пишет В. И. Ленин, — которая только тем и занята, чтобы управлять, и ко-

Проповедь имама.

Со старинной миниатюры 1237 года.

Арабские знаменосцы и музыканты. Со старинной миниатюры.

торая для управления нуждается в особом аппарате принуждения, подчинения чужой воли насилью — в тюрьмах, в особых отрядах людей, войске и пр., — тогда появляется государство»¹. Капитуляцию Мекки ни в коем случае нельзя рассматривать как безусловную сдачу на милость победителя. «Курейшиты центра» подчинились Мухаммеду и приняли ислам на определенных условиях, обеспечивавших их интересы. Прежде всего религиозное значение Мекки и ее храма Ка-бы сильно увеличилось: раньше этот город был религиозным центром только некоторых хиджазских племен, теперь он стал главным мусульманским «святым городом», паломничество в который было объявлено одной из основных религиозных обязанностей каждого мусульманина.

Мекканская родовая аристократия была поставлена в мусульманской общине в привилегированное положение; в последние годы жизни арабского пророка и после его смерти их назначали на высокие и выгодные посты, оказывали предпочтительное внимание при дележе добычи и при распределении прочих доходов.

Арабскому государству впоследствии в Европе дали название «халифат», произве-

дя это название от слова «халиф». Халифами назывались преемники Мухаммеда, арабские мусульманские государи.

Основными провинциями халифата стали территории вне Аравии, завоеванные арабами уже после смерти Мухаммеда (632).

Внешние завоевания начались при первом преемнике Мухаммеда — халифе Абу-Бекре (632—634), при котором были объединены центральная и восточная Аравия и началось вторжение бедуинских племен в соседние области Ирана и Сирии. Бедуины охотно шли на завоевания, которые вывели их на новые территории и обещали богатую добычу. Земледельцы же (например в Йемене) подчинились мусульманам только после упорного сопротивления.

Настоящим создателем халифата считается второй халиф, Омар (634—644), при котором арабы завоевали Ирак, западный Иран, Палестину и Сирию (кроме побережья) и вторглись в Египет.

Основная причина военных успехов арабов крылась в крайне бедственном положении трудящихся масс Ирана и азиатско-африканских провинций Византии, истощенных длительными войнами и хозяйственной разрухой. Местное крестьянство и трудящиеся слои горожан смотрели на арабов как на избавителей. При Омаре в завоеванных областях туземные трудящиеся массы стали жить гораздо лучше

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 366.

чем при прежнем иранском или византийском господстве.

Арабы-завоеватели не слились с покоренным населением и не принимали никакого участия в общественном производстве. Оставив обитателей покоренных стран в их городах и на их землях, предоставив им полную свободу религиозных убеждений и отправления их культов, арабы занимались сбором податей и контрибуций и завоеванием новых территорий.

После смерти Омара, при третьем халифе Османе (644 — 656), происходившем из рода омейи, представители которого занимали господствующее положение в доисламской Мекке, курейшитская аристократия проявила вполне определенные стремления к захвату командных должностей во вновь образовавшемся государстве и к присвоению земель в завоеванных странах, которые при первых двух халифах считались собственностью всех мусульман. Противодействие арабской родовой демократии этой политике завершилось восстанием в Медине и убийством Османа. Халифом стал представитель родовой демократии Али (656—661), сделавший своей базой Ирак. Но он не получил признания со стороны курейшитской аристократии, опиравшейся на арабские племена Сирии.

После смерти Али от руки убийцы, посланного хариджитами (являвшимися последовательными представителями крайних демократических течений в халифате), верховную власть захватил Муавия, основатель династии Омейядов.

3

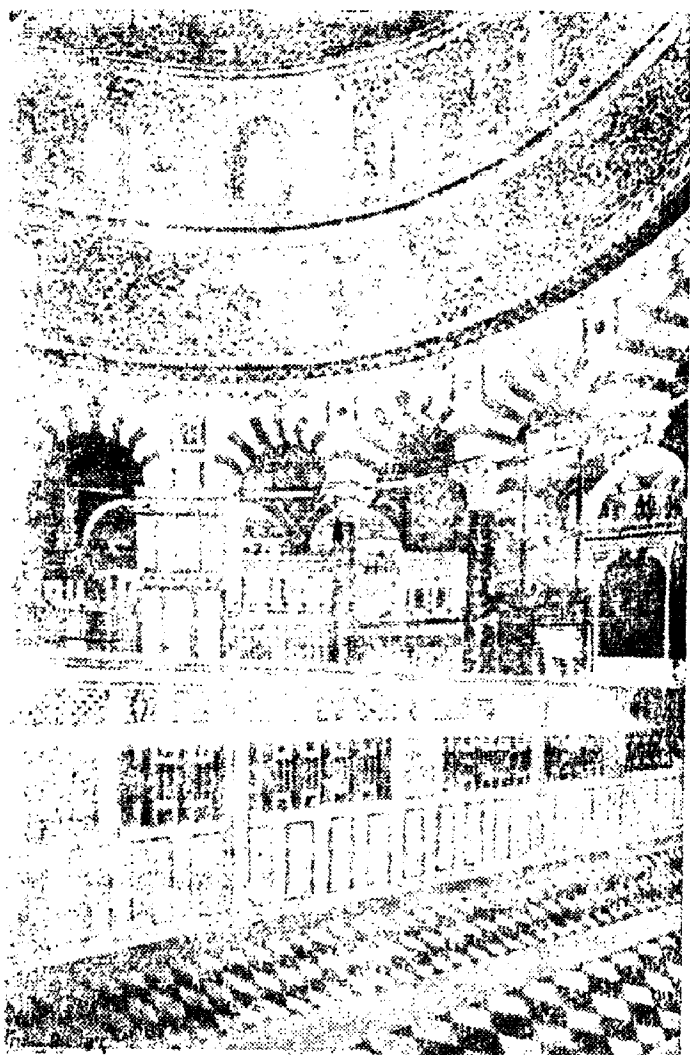
Династия Омейядов (661 — 750) имела своей основной базой Сирию. Столицей халифата стал город Дамаск. При этой новой династии арабы одержали ряд крупных военных побед. Наибольшего военного могущества халифат достиг в первые десятилетия VIII века, когда арабские войска одновременно сражались во Франции и в Западном Китае, совершали набеги на северную Индию и осаждали Константинополь. Только объединенные силы франкского рыцарства под командой Карла Мартелла, разбившего арабов при Пуатье (732) и отбросившего их в Южную Францию, остановили дальнейшее движение арабов на Западную Европу.

Арабский военный и торговый флот при Омейядах всецело находился в руках туземного населения сирийского побережья, жители которого издавна пользовались славою отважных, предприимчивых, опытных мореплавателей и искусных кораблестроителей. Кедровые леса Ливана снабжали их великолепным материалом для кораблестро-

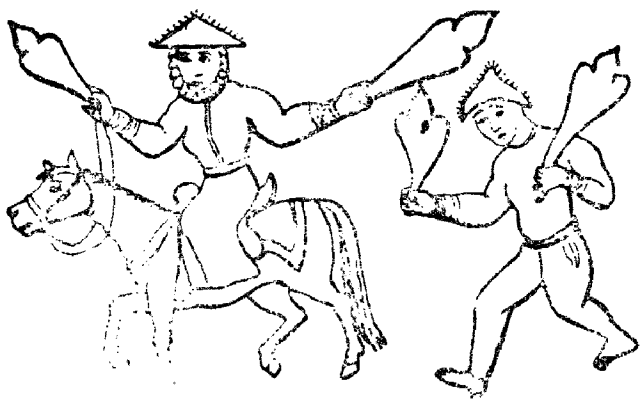
ения. Развитие сирийского судоходства при Омейядах привело к тому, что в восточной части Средиземного моря стал преобладать арабский флот. Арабы захватили остров Кипр (649) и остров Родос (654), проникли в Эгейское море и создали угрозу Константинополю.

Первая осада византийской столицы войсками халифа Муавии (661 — 680) началась в конце 668 года, когда арабы разбили свой лагерь на азиатском берегу Босфора. Но чума и голод, истребившие арабское войско, заставили их отступить летом 669 года несмотря на подкрепления, присланные из Сирии. Вторая осада Константинополя, проводимая арабами с суши и с моря и продолжавшаяся целых 5 лет (673—678), тоже кончилась неудачей. Осенью 716 года арабская армия при поддержке своего флота еще раз осаждала Константинополь, но была отбита выдающимся византийским военачальником императором Львом Исавром, который оттеснил арабские войска от своей столицы и вынудил их очистить всю Малую Азию. Во время второй и третьей осад Константинополя арабский флот подвергся жестокому разгрому со стороны византийцев, применявших «греческий огонь».

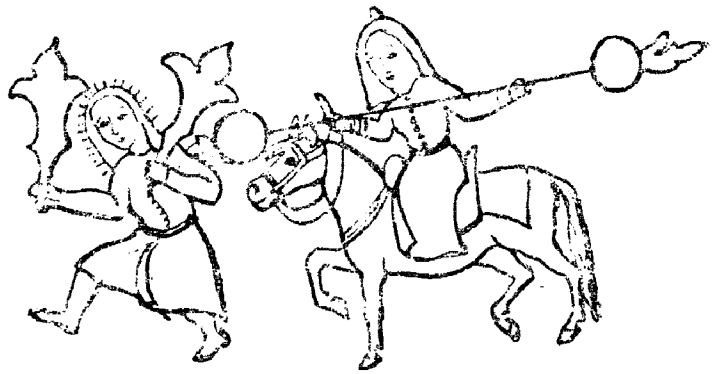
Арабы-завоеватели застали в покоренных ими провинциях Византийской империи сильные пережитки античного рабовладельческого способа производства. Постепенно

Внутренность мечети Омара.

Арабские всадники — метатели огня.

Со старинной миниатюры.
Парижская национальная библиотека.

Омейяды и арабская племенная аристократия также начинают применять в своих владениях рабский труд. Захватывая пустошорожные земли, они переходят к обработке их путем эксплуатации десятков тысяч рабов. Так, уже Муавия, имевший в своих хиджасских владениях около 4 тысяч рабов, широко применял рабский труд для орошения и возделывания земель, присвоенных им из государственного фонда в Сирии и Месопотамии.

Помимо земледелия мы можем наблюдать широкое применение труда рабов в самых разнообразных ремеслах и в строительных работах. Рабы изготовляли одежды, обувь, оружие, сбрую и т. п. С ними, правда, успешно конкурировали свободные ремесленники из туземного христианского населения Сирии. Раб-ремесленник платил дариба (ежедневную подать) в пользу своего господина. Другой распространенной формой эксплуатации рабов — земледельцев и ремесленников — являлась выплата им содержания около 1 дирхема (25 копеек) в день при условии полного отчуждения продукта их труда. Победы арабских войск на восточных и западных рубежах омейядского халифата сопровождалась захватом большого количества пленных, которые, как правило, обращались в рабов.

Наряду с захватом пленных, поступавших на невольничьи рынки или непосредственно в аравийские или сирийские владения Омейядов и аристократии арабских племен, средством обогащения господствующей военной рабовладельческой верхушки являлись также контрибуции, налагавшиеся на побежденных, и разные другие виды добычи. Государственная казна, находившаяся в бесконтрольном распоряжении омейядского халифа, пополнялась следующими видами поступлений: 1) поземельным и подушным налогами; 2) закатом (поимущественный налог), взимавшимся только с мусульман; 3) военными контрибуциями; 4) $\frac{1}{5}$ частью военной добычи; 5) таможенными сборами; 6) конфискациями и штрафами.

Указанные статьи доходов арабской казны отражают всю политику омейядского халифата.

«Правительства на Востоке, — писал Ф. Энгельс в своем письме К. Марксу, — всегда имели только три ведомства: финансовое (ограбление собственного населения), военное (грабеж внутри и в чужих странах) и ведомство общественных работ (забота о воспроизведении)»¹.

При Омейядах довольно хорошо действовали только первые два ведомства (финансовое и военное). О процветании третьего ведомства дамасские халифы совершенно не заботились. Даже в Сирии, которая при Омейядах находилась в привилегированном положении, все заботы о воспроизведении были возложены всецело на местное население. Крестьянские общины сами должны были заботиться о надлежащем состоянии оросительной системы со всеми ее сооружениями, а также об исправности дорог, мостов, колодезь и пр. Городское население должно было поддерживать благоустройство своих городов с их базарами, водопроводами и общественными зданиями. Покоренному населению было предоставлено самое широкое самоуправление, которое выражалось в том, что туземные аристократы, крупные купцы, ростовщики и высшее духовенство сохраняли значительные экономические и политические prerogatives по отношению к местным трудящимся массам крестьян и ремесленников. Для угнетения и эксплуатации последних туземный господствующий класс имел в своем распоряжении полицию и суды. Арабские халифы и их наместники энергично вмешивались во внутренние дела туземного населения только в тех случаях, когда сокращалось поступление податей. Тогда представители омейядских властей не останавливались перед применением самых жестоких мер для выколачивания непожатых; несправные плательщики податей подверга-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс «О религии и борьбе с нею», стр. 297.

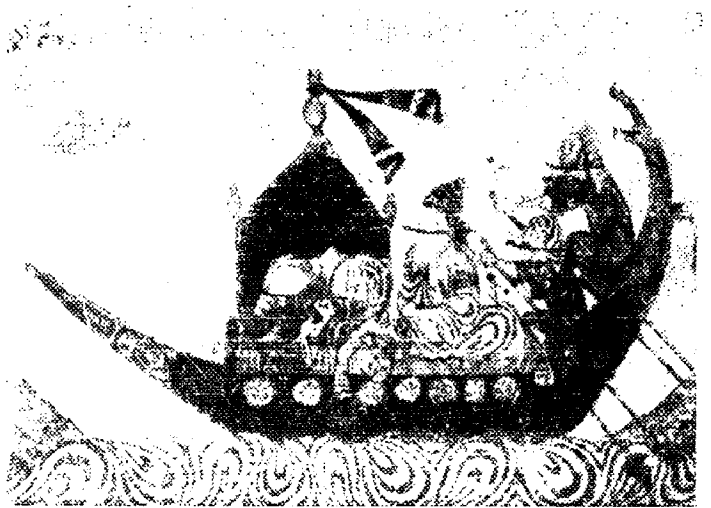
лись истязаниям и пыткам вроде поливания головы кипящим маслом и т. д.

Халифские наместники провинций брали в свою пользу немногим меньше того, что они отсылали в халифскую казну.

Охраняя свои собственные интересы, омейядские халифы прибегали к частому смещению наместников и к конфискации их имущества, как незаконно приобретенного; иногда смещенных наместников подвергали пыткам, требуя выдачи припрятанных богатств. Более серьезную меру по борьбе с хищничеством наместников, заключающуюся в отделении должности провинциального сборщика податей от должности наместника, халифам удалось осуществить только частично. Подобные меры встречали решительное противодействие со стороны племенной аристократии, из которой выходили наместники, возглавлявшие оба ведомства (военное и финансовое).

В наиболее тяжелом положении находились отличавшиеся естественными богатствами и развитием различных отраслей производства бывшие иранские провинции: эксплуатация туземного крестьянства принимала здесь крайне жестокие формы, а хищнический произвол наместников проявлялся особенно грубо. В этих провинциях наместники очень мало считались и с интересами туземного господствующего класса: иранские феодалы должны были отдавать арабскому халифу и его наместникам значительную часть податей, которые они получали с зависимых от них крестьян. Вполне естественно, что в Иране гораздо раньше чем в других областях омейядского халифата назрел и активно проявился массовый протест против арабского господства. Поэтому-то Омейяды назначали верховными наместниками в Куфу (военно-административный центр Ирака и западного Ирана) своих наиболее преданных и беспощадных агентов, снабжая их вицецарскими полномочиями. При Муавии здесь действовал Зияд, а при Абд-ал-Мелике (685—705) и Велиде I (705—715) здесь свирепствовал знаменитый Хиджадж, прозванный местным населением «Залим-тиран».

Успешная эксплуатация иранских областей позволила Омейядам поставить Сирию в сравнительно привилегированное положение. Но этими привилегиями пользовались исключительно только остатки туземной аристократии, местные торгово-ростовщические слои и христианское духовенство. Омейядская Сирия была окружена кордоном таможен, охранявших интересы местных торговцев и ремесленников. В то же время для сирийских продуктов был открыт свободный доступ на рынки Ирана, Средней Азии и Закавказья. При первых Омейядах в Сирии не наблюдалось восстаний и волнений, улучшилось состояние

Гребцы. Арабская миниатюра 1230 года.

земледельца, страна достигла относительно благосостояния благодаря развитию производства и оживлению обмена. Сирийские льняные ткани, шёлк и стекло пользовались большим спросом в Египте и Иране. Поэтому верхние слои туземного торгового и ремесленного населения, а также остатки старого византийского чиновничества и представители самых разнообразных свободных профессий ревностно поддерживали Омейядов и охотно сотрудничали с ними. Особенно хорошо чувствовали себя при Омейядах сирийские ростовщики, хищничество которых не знало препятствий, а также высшее духовенство и в особенности верхний слой монашества, которым были предоставлены самые широкие возможности для материальной эксплуатации и духовного порабощения христианского трудящегося населения.

Наиболее крепкой и надежной опорой господства и военного могущества Омейядов являлись сиро-арабские племена. Эти племена, которые до арабского завоевания выполняли функции византийских пограничных войск на рубежах Аравии, прошли сравнительно хорошую военную школу и испытали на себе влияние высокой византийской культуры. Они отличались большей дисциплинированностью и более высокой боеспособностью сравнительно с арабскими племенами других провинций. Эти племена вели свою родословную от белунов древнего культурного племени и считали себя принадлежащими к племенному союзу бенукельб. Поэтому в европейской научной литературе они известны под именем кельбитов. Интересно, что некоторые из этих племен, например таглиб, танух, и при Омейядах оставались христианами, но пользовались всеми правами и преимуществами наравне с арабами-мусульманами, в то время как сприйцы, которые приняли ислам, не приобретали политических и экономических прав, свойственных арабам.

Кельбиты, которых омейядские халифы

Судья.

Арабская миниатюра 1230 года.

высоко ценили, были поставлены в лучшие материальные условия и имели гораздо больший политический вес чем северо-арабийские племена, пришедшие в Сирию в качестве завоевателей и известные под общим именем кайситов. Постоянное соперничество между кельбитами и кайситами (не только в Сирии, но также в Иране и в Андалузии), приводившее их к вооруженным столкновениям, вызывалось не только борьбой за эксплуатацию завоеванных стран, но вытекало также из стремлений применить две взаимоисключающие системы этой эксплуатации.

В основном коренное различие их политико-экономических программ сводилось к тому, что кельбитская племенная аристократия считала необходимым дальнейшее развитие производительных сил в завоеванных странах и установление тесного сотрудничества с туземным господствующим классом, в то время как предводители кайситских племен выступали носителями более примитивных хищнических способов эксплуатации покоренных народов и не заботились об экономических и социальных последствиях.

Первое крупное столкновение между кайситами и кельбитами произошло еще при первых Омейядах в связи с борьбой вокруг кандидатур на халифский престол, когда эти враждующие племена вступили в ожесточенное сражение на равнине Мардж-Рахит (634), к северо-востоку от Дамаска. Кайситы были наголову разбиты,

но борьба на этом не прекратилась и впоследствии послужила одной из причин падения династии Омейядов.

Процесс дальнейшего расслоения в арабских племенах был тесно связан с методами эксплуатации покоренного населения, при котором племенная аристократия (наряду с отдельными выскочками и ловкачами из демократических слоев) грабила не только покоренные народы, но также и свои собственные племена. На этой почве еще в период борьбы халифа Али с Муавией возникло движение хариджитов, которые были носителями леводемократических тенденций в раннем исламе, выставляя требования о выборности халифа из числа всех «добрых мусульман» и о предоставлении мусульманской общине права низлагать халифов, так как община выше халифа. Имея сильную социальную базу в лице антиомейядского движения угнетенных масс крестьянства Ирана и Ирака, хариджиты становились все более грозной силой, непобедимой и неуловимой для халифских войск.

Более умеренные противники Омейядов примкнули к шиитскому движению, которое первое время было движением арабских умеренно-демократических слоев, борющихся против омейядской аристократии.

Положение Омейядов начиная с третьего десятилетия VIII века становилось все более шатким. Когда дамасские халифы усилили эксплуатацию сирийского кре-

стьянства в целях получения средств для борьбы с пракским крестьянским движением, в Сирии, этой твердыне Омейядов, разгорелся пожар классовой борьбы.

Первое крупное восстание сирийского крестьянства вспыхнуло при Абд-ал-Мелике в Палестине, во второй четверти VIII века. Восстания стали повторяться в более широких размерах и в других районах Сирии. Наряду с крестьянскими восстаниями происходили бунты горожан, вызванные сокращением вывоза местных продуктов в восточные провинции халифата. Последний халиф из династии Омейядов, Мерван II (744—750), в целях борьбы с восстаниями горожан приказал срыть крепостные стены крупных сирийских городов и, считая опасным местопребывание центрального правительства в Сирии, перенес столицу в Харран (в Месопотамию).

Непрекращающаяся борьба между кайситами и кельбитами в Сирии ослабила военные силы последнего сирийского представителя династии Омейядов. Окончательный удар господству Омейядов был нанесен из иранской провинции Хорасана. В Хорасане местные феодалы скорее чем в других провинциях Ирана оправились от разгрома, нанесенного арабами, и тесно сплотились в защиту своих классовых интересов, сильный ущерб которым наносило арабское господство.

Осуществление своих классовых интересов иранские феодалы видели в приобретении монопольного права на эксплуатацию иранского крестьянства. Тот факт, что значительную часть продукта, отчуждаемого у крестьян, иранские феодалы должны были уступать арабам, толкал их на враждебные выступления против арабской племенной аристократии и возглавлявшей ее династии Омейядов. Но главной силой восстания против арабского господства было хорасанское крестьянство, которое находилось под двойным гнетом: халифских наместников и туземного господствующего класса. Последние в целях осуществления своих классовых интересов возглавляли движение местного крестьянства, направив его по антиарабскому руслу. Выставляя правителей арабского халифата как единственных виновников всех народных бедствий, хорасанские феодалы одновременно достигали двух целей: использовали революционную энергию подвластного им крестьянства для борьбы с омейядскими халифами и в то же время отвлекали крестьянство от борьбы против местных поработителей, т. е. от самих себя.

Успех восстания против Омейядов был окончательно обеспечен, когда хорасанские

отряды, вступив в Месопотамию, нашли активную поддержку со стороны местного крестьянства, в особенности со стороны наиболее организованной его части — хариджитов. В 749 году в соборной мечети города Куфы был провозглашен новый халиф курейшит — Абу-л-Аббас — и состоялась церемония присяги. А в начале 750 года командующий хорасанскими отрядами Абу-Муслим, получив военную помощь от месопотамцев, двинулся в Сирию и при реке Большом Забе (восточный приток Тигра) нанес решительное поражение халифу Мервану II. Старый халиф, считавшийся талантливым и опытным военачальником, оставшись после поражения без войска, вынужден был поспешно отступить, сопровождаемый малочисленным отрядом своих личных приверженцев. После неудачной попытки удержаться в Палестине халиф отступил в Египет, где претерпел последнее поражение и был убит; его труп был распят на виселице.

Первый аббасидский халиф из династии Аббасидов Абу-л-Аббас (750—754), по прозвищу ас-Саффах (кровапроливец), прославился беспощадным истреблением многочисленных членов фамилии Омейядов, которых ловили в Сирии, Иране и Египте и казнили, бросая их трупы на съедение собакам. Даже трупы умерших омейядских халифов были извлечены из могил и сожжены, а их пепел развеян по ветру.

Арабские монеты I—VII ввков.

Истинным основателем халифата Аббасидов с полным основанием считается второй халиф этой династии, Мансур (754—775), являвшийся выдающимся государственным деятелем. Создаваемая при нем административно-финансовая и военно-политическая структура халифата как восточной деспотии получила свое дальнейшее развитие при его ближайших преемниках и окончательно оформилась при пятом аббасидском халифе, Харуне (786—809). Этот халиф, без всяких к тому оснований прозванный лживым придворным историком «Рашидом» (справедливым), был ограниченным человеком и жестоким деспотом, которого ненавидели его подданные. Образ Харуна-ар-Рашида, данный в популярных сказках «1001 ночь», видимо мало соответствует исторической действительности.

Центральной провинцией аббасидского халифата стала провинция «двух Ираков» (т. е. Ирака арабского и Ирака аджемского, или персидского). В этой провинции, недалеко от того места, где раньше находился политический центр державы Сасанидов, Мансур основал Багдад (762).

К концу VIII века процесс феодализации получил дальнейшее развитие. Основным производителем окончательно становится крестьянин, формы эксплуатации которого приобретают все более феодальный характер. Процесс феодализации VIII—IX веков развивался одновременно в двух направлениях. Внутри земледельческих общин развивались отношения музараата, приведшие

го к распаду родовой общины. Музараат представлял собой такую систему общинной обработки земли, при которой одни члены общины участвовали в этой обработке своим личным трудом, а другие предоставляли сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот или семена. Такая система сама по себе уже создавала почву для эксплуатации, так как члены общины, предоставлявшие инвентарь, скот или семена, стали требовать себе большее количество продукта сравнительно с теми, кто мог предоставлять только свою рабочую силу. В дальнейшем с усилением эксплуатации внутри общины в последней выделялся паразитический слой. Отчуждение продукта в условиях музараата постепенно привело к взиманию ренты.

Одновременно с развитием этих отношений музараата процесс феодализации проводился также и сверху. С приходом Аббасидов к власти преобладающее значение получил верхний слой иранских феодалов, с помощью которых было низвергнуто государство Омейядов. Эти феодалы выступили носителями совершенно иных общественных отношений и развивали способы и формы эксплуатации, отличные от тех, какие практиковались в период господства арабской племенной аристократии. Вместо дани и добычи, являвшихся при Омейядах основными источниками обогащения господствующего класса, появился налог-рента, взимавшийся преимущественно в натуральной форме. Взимание налогов-ренты уже при Мансуре является общепринятой формой эксплуатации труда земледельца. По введенной этим халифом системе «мукасама», земледельческие общины платили натурой $\frac{1}{4}$ урожая.

Наряду с этой системой стала применяться другая система — масаха, по которой налог взимался в зависимости не от урожая, а от размера площади обрабатываемой земли. Налог в размере $\frac{1}{2}$ урожая взимался с тех земельных участков, которые орошались непосредственно из государственных оросительных каналов. Если земледельцы сами копали канал для орошения своего поля, налог снижался на 50% и 75% (т. е. составлял $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$ урожая).

При халифе Мамуне (813—833) был издан закон (820), согласно которому крестьяне должны были платить государству в среднем $\frac{2}{3}$ урожая. К этому времени уже твердо установились три вида земельного обложения: 1) по объему посевной площади (масаха) — размер налога был точно установлен и вносился натурой и деньгами, 2) по размеру урожая (мукасама) — налог составлял определенную часть урожая (обычно $\frac{2}{3}$) и вносился натурой, 3) налоги, платимые согласно ста-

Арабы на верблюдах.

Улица Багдада.

С картины Ф. Ладен.

рым, ранее заключенным условиям и договорам об аренде.

Поземельные налоги являлись самой крупной и самой устойчивой статьей прихода государственного бюджета багдадского халифата в конце VIII и начале IX века. Относительно размеров этого бюджета мы находим сведения у трех писателей: Ибн-Халдуи определяет ежегодные поступления в халифскую казну за 775—786 годы в количестве 411 миллионов дирхемов; по сведениям Кудамы, относящимся к 819—820 годам, эти поступления равнялись 371,5 миллиона дирхемов; Ибн-Хурдадбех приводит цифру в 293 миллиона дирхемов за период 845—874 годов.

Самой доходной провинцией являлся Севад (южный Ирак), который вносил, согласно Ибн-Халдуни, 90 480 тысяч дирхемов, Кудаму и Ибн-Хурдадбех называют цифры в 109 457 тысяч дирхемов и 79 309 тысяч дирхемов. Следующий по доходности провинцией при первых Аббасадах была Месопотамия. Севад и Месопотамия, являвшиеся центральными провинциями багдадского халифата, в последней четверти VIII века давали более 35% государственного дохода. Больше половины бюджетных доходов поступало из иранских провинций, из которых наиболее доходными были Хорасан и Хузистан.

Наряду с денежными поступлениями из иранских провинций шли весьма разнообразные натуральные поступления, на осно-

вании которых можно составить правильное представление об естественных богатствах и о развитии различных отраслей производства в каждой из этих провинций. Так например Хузистан доставлял 30 тысяч фунтов сахара; Фарс — 30 тысяч бутылок розовой воды и 20 тысяч фунтов сушеного винограда; Керман — 500 кусков иеменской материи, 20 тысяч фунтов фиников, тысячу фунтов тмина; Хорасан — тысячу серебряных слитков, 4 тысячи вьючных животных, 27 тысяч комплектов нижнего платья; Табаристан — 600 ковров, 200 кафтанов, 300 платков, 300 серебряных чаш; Гилян — тысячу рабов, 12 тысяч мер меда, 10 соколов, 20 кафтанов; Армения — 20 ковров, 10 тысяч штук морской рыбы, 200 мулов, 30 соколов; Палестина — 300 тысяч фунтов растительного масла.

Поземельный налог (в трех видах) являясь самой крупной доходной статьей аббасидской казны, не был единственным источником ее пополнения. Помимо поземельного налога-ренты взимались следующие налоги: 1) иномушественный налог (закат, садака), 2) десятина с кораблей, 3) $\frac{1}{5}$ дохода с рудников и лугов-пастбищ, 4) подушный налог с немусульман (джизия), 5) таможенные и дорожные пошлины, 6) налоги с добывания соли и пользования рыбными ловлями, 7) арендная плата за торговые и ремесленные помещения на городских базарах, улицах и

Внутренность арабского дворика.

площадах, 8) налог на мельницы и кустарные предприятия, 9) налоги на предметы роскоши (мускус и другие косметические изделия). Кроме того казна получала еще значительные доходы от мощетных дворов.

Сравнение общих сумм поступлений, приводимых Ибн-Халдуном, Кудамой и Ибн-Хурдадбеком, показывает постепенное и довольно значительное падение доходов аббасидской казны. Это явление вовсе не говорит об экономическом упадке провинций все еще обширного государства Аббасидов. Сокращение доходов центральной казны объясняется развитием феодального института, известного под названием икта. Взимание налога-ренты центральным правительством и его распределение между представителями господствующего класса начинают сменяться пожалованием земель (икта) за военную и гражданскую службу. Это пожалование земель (икта) с судьями на них крестьянами вызывает настойчивое стремление господствующего класса закрепить крестьянство. Развитие отношений икта, особенно заметное начавшееся в правление Харуна-ар-Рашида, приводит к усилению феодальной эксплуатации. Одновременно растет противодействие этому процессу со стороны общины, облегчавшей крестьянам возможность коллективных, массовых выступлений против политики феодализации.

Введение системы икта сопровождалось политическим распадом государства Аббасидов. С самого своего возникновения багдадский халифат не включил в свой состав провинций, завоеванных арабами на крайнем западе. В Андалусии (как арабы называли Пиренейский полуостров) с 755 года утвердилось династия Омейядов, основатель которой Абдаррахман I спасся от аббасидских преследований. В Северной Африке, известной у арабских географов под именем «Магриб» (запад), вскоре возникли тоже самостоятельные династии — Идрисиды в Марокко (с 788 года) и Аглабиды в Алжире и Тунисе (с 800 года). Сами Аббасиды не выказывали серьезного стремления удержать Андалусию и Магриб в составе своего халифата.

Экономический, административно-финансовый и политический строй государства Аббасидов в период ее расцвета (с конца VIII до середины IX века) напоминал организацию державы Сасанидов, как бы достигшей своего высшего развития и охватившей все те территории, которыми стремились обладать иранские «цари царей». Багдадские халифы восприняли и идеологию сасанидского деспотизма. Эта идеология, получив при Аббасидах дальнейшее развитие на основе усложнившихся общественных отношений, была оформлена в виде мусульманской теократии. В отличие от

омайядских халифов, бывших только главами арабской племенной аристократии, аббасидские халифы приобрели все характерные черты восточных деспотов. Государственные заботы возлагались на везира (или визаря), должность которого была учреждена при Мансуре.

В течение полувека эта должность занималась Вармекидами, представителями известной иранской жреческой фамилии. На обязанности везира лежало верховное наблюдение за администрацией, финансами и войском. Во всех этих областях управления он имел самые широкие полномочия, ограниченные только произволом халифа, самостоятельно решал важные государственные дела, назначал и смещал наместников и военачальников и обязан был докладывать о своих решениях и распоряжениях только халифу. Везир был хранителем государственной печати, которая прикладывалась к важным официальным документам и заменяла собою собственноручную подпись халифа. Наместники провинций давали отчет в своей деятельности везиру, который потом докладывал халифу. Государственный контроль тоже находился в ведении везира. Этот контроль осуществлялся с помощью особого ведомства почты (барид), которое по своему назначению и по своей организации являлось дальнейшим развитием подобного же сасанидского ведомства.

Своим названием это ведомство обязано тому, что оно перевозило казенную (а иногда и частную) корреспонденцию. По всему халифату были разбросаны 930 почтовых станций, при которых находились экспедиторы, курьеры, а также верховые и вьючные животные. Станциями каждой провинции ведал провинциальный почтмейстер, который, имея в своем распоряжении соответствующий штат информаторов, соглядатаев и шпионов, обязан был регулярно доносить в центральное ведомство почты об общем положении провинции, о деятельности администрации, о настроениях местного населения, о состоянии земледелия и искусственного орошения, о работе монетного двора и о количестве вычеканенной золотой и серебряной монеты. Главный «начальник почты» в Багдаде делал доклад везиру на основании сообщений своих провинциальных агентов, которые подчинялись только центральному ведомству почты и были независимы от наместников и иных провинциальных властей.

Шпионажем, слежкой и доносами занимались не только профессиональные агенты почтового ведомства: сыск, наушничество и клевета глубоко вкоренились во все стороны жизни и быта и получали особенно большое распространение при халиф-

ском дворе и в придворных сферах, где низменные страсти и непрерывная борьба за должности и доходы создавали атмосферу самых подлых интриг.

Опасаясь за свой трон и за свою жизнь, аббасидские халифы усиливали охранные войска. Уже Мансур окружил себя хорасанской гвардией; впоследствии ее сменили наемные берберские отряды. Гвардия из наемников и рабов, отличавшихся большой пестротой в смысле своего этнического состава, первое время являлась надежной силой аббасидского деспота в его борьбе с непокорными подданными. Исключительная политическая роль выпала на долю тюркской гвардии, с которой халиф Мутасим (833—842) поселился в построенной им резиденции Сурра-ман-раа (Самарра), куда он бежал от все учащавшихся восстаний багдадского населения. Эта гвардия в лице своих начальников начиная со второй половины IX века проявляла стремление захватить в свои руки политическую власть, вмешиваясь в разрешение вопросов престолонаследия. В начале X века халифы уже всецело находились в руках тюркских военачальников. Усилившийся политический вес последних выразился в учреждении новой должности — «эмира эмиров», являвшегося фактическим правителем халифата. Правда, к этому времени багдадский халифат уже распался политически в результате победы феодальных элементов.

Однако политическое распадение багдадского халифата в IX—X веках не нарушило тех экономических связей, которые прочно установились между различными областями этого обширного государства в предшествующий период его политического единства. Международное экономическое значение багдадского халифата обуславливалось его срединным положением на путях международного торгового обмена. Через Иран, Ирак, Сирию и Египет индийские и китайские товары перевозились в Европу. Кроме того упомянутые страны, входившие в состав багдадского халифата, вывозили в Западную и Восточную Европу продукты своей ремесленной промышленности (главным образом текстильные и металлические изделия).

Политическое распадение багдадского халифата не послужило также препятствием и для дальнейшего развития арабской культуры. Выражение «арабская культура» следует понимать условно. Это не была культура, созданная исключительно арабами. Народы, завоеванные арабами, двигали дальше развитие этой культуры, пользуясь при этом усвоенным ими арабским языком.

Вплоть до конца IX века развитие фео-

ладельских отношений тормозилось остатками рабовладельческого уклада. Труд рабов применялся на наиболее тяжелых работах, выполнять которые невозможно было заставить еще не закрепощенного крестьянина.

Проведение каналов с целью осушки болот в южном Ираке, очистка почвы от соленчаков, добывание руды — во всех этих тяжелых областях труда, в каторжных условиях работали и гибли рабы. Это были преимущественно черные рабы африканского происхождения, так называемые зинджи, т. е. привезенные с невольничьих рынков Занзибара (по-арабски аз-Зиндж). Большое количество зинджей, привезенных работниками на кораблях, скоплялось обычно в Басре. В окрестностях этого города в 869 году вспыхнуло мощное восстание зинджей, которое быстро распространилось по южному Ираку и соседнему Хузистану. Во главе восстания стал Али-ибн-Мухамед, араб-шиит родом из окрестностей города Рея (близ теперешнего Тегерана). Рабовладельцы и феодалы надежды его кличкой «Хабис», что значит «изверг». Овладеть Басрой, которая была опоясана высокими стенами и имела сильный гарнизон, повстанцам удалось только осенью 871 года. К этому времени все районы, прилегавшие к Шатт-ал-арабу, и Хузистан вплоть до Ахваза, который открыл свои ворота повстанцам, были охвачены восстанием. Рабы сбрасывали оковы, убивали своих владельцев и целыми толпами примыкали к вооруженным отрядам Али-ибн-Мухаммеда.

С самого начала восстания зинджи нашли сильного и надежного союзника в лице иракского и хузистанского крестьянства; городская беднота тоже оказывала им решительное содействие. Халифские войска, посылавшиеся на борьбу с зинджами, неизменно терпели поражения. Военные успехи зинджей объясняются не только их тактикой стремительных ночных нападений: главной причиной их побед являлись развал и восстания в халифских войсках, в значительной своей части состоявших тоже из зинджей. Очень часто состоявшие из рабов войска халифа почти целиком не-

реходили на сторону восставших, увеличивая этим их силу и боеспособность. В 879 году войска зинджей проникли уже за город Васит и, очутившись на пути к Багдаду, создали реальную угрозу аббасидской столице.

Восстание было подавлено только благодаря внутреннему разложению государства зинджей. Восставшие зинджи не выступали носителями более совершенного социального строя: руководители восстания, выдвинувшиеся из массы рабов, не представляли себе такого общественного строя и такого способа производства, при котором отсутствовала бы эксплуатация труда рабов. В среде зинджей началось расслоение, выделилась господствующая верхушка, и предводитель восстания Али-ибн-Мухаммед в 879 году объявил себя халифом. Он приказал произносить свое имя в мечетях во время богослужения и стал чеканить монету со своим именем. Все это вызвало недовольство большей части восставших и внесло раскол в их ряды. Зинджи начали терпеть поражения. Продвижение халифских войск теперь задерживалось только благодаря ряду крепостей, которые были построены зинджами еще в первые годы восстания.

Уже в 880 году халифские войска взяли штурмом несколько таких укрепленных опорных пунктов. Крепость ал-Мухтара, построенная зинджами к западу от Басры и являвшаяся их главной штабквартирой, выдержала трехлетнюю осаду, но в 883 году была взята штурмом войсками Муваффака, которому принесли голову ненавистного «Хабиса».

После подавления восстания зинджей отмирание рабовладельческого уклада значительно ускорилось, хотя рабство в странах Арабского Востока продолжало существовать еще долгое время. Развитие феодальных отношений пошло более быстрыми темпами, приводя к усилению закрепощения крестьянства. Это вызывало рост крестьянских антифеодальных движений, которые не прекращались и после окончательной победы феодальных элементов, выразившейся в установлении военно-ленной системы при сельджуках.

Раскол на II съезде РСДРП и левые в германской социал-демократии

1

Тридцать пять лет назад, на II съезде РСДРП, образовалась большевистская партия. Минувшие три с половиной десятилетия являются периодом упорной, напряженной, героической борьбы большевистской партии, которая, в беспощадной борьбе против всякого оппортунизма, привела через три революции к победе диктатуры пролетариата, к построению в основном социалистического общества, нашедшего свое оформление в великой Сталинской Конституции.

Образование большевистской партии на II съезде РСДРП — результат всей предшествующей десятилетней борьбы Ленина за революционную пролетарскую партию, за партию нового типа.

Уже в своей замечательной работе в 1894 году «Что такое «друзья народа» Ленин определил великую задачу русского пролетариата: «...русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции»¹.

Определив исторические задачи, стоящие перед пролетариатом России, и пути их осуществления, Ленин выдвинул перед рабочим классом задачу организации самостоятельной социалистической рабочей партии, без которой рабочий класс не выполнит своей исторической миссии.

На Западе социалистические партии возникли в период сравнительно «мирного» развития, когда развитие капитализма шло по восходящей линии. Большевистская пар-

тия возникла в новую историческую эпоху, эпоху империализма, когда все противоречия капитализма обострились до крайности. «...когда старый период подготовки рабочего класса к революции уперся и перерос в новый период прямого штурма капитализма»².

В этих условиях с особой остротой проявилась борьба революционного и оппортунистического течений в рабочем движении.

Глашатаям ревизионизма выступил в конце XIX века Бернштейн сперва в отдельных статьях, а затем в своей книге «Предисловие к социализму».

Бернштейн отрицал нарастание противоречий капитализма, абсолютное и относительное обнищание пролетариата. Он пытался доказать, что по мере развития капитализма жизненный уровень рабочего класса неуклонно повышается, его благополучие растет и классовые противоречия все более сглаживаются.

Таким образом, Бернштейн отрицал необходимость и неизбежность крушения капитализма и замены его социализмом, отрицал теорию классовой борьбы, считая ее несовместимой с «демократическим» обществом, отрицал необходимость насильственного низвержения капитализма и установления диктатуры пролетариата.

Исходя из этих положений, Бернштейн считал, что социал-демократическая партия должна отказаться от подготовки революции, от самого понятия конечной цели, которое, по его мнению, является устаревшим. Он ставил задачей партии борьбу за социальные реформы исключительно мирными, «законными» средствами.

Вопросы о ревизионизме, о «теории» Бернштейна стояли в центре внимания ряда партийных съездов германской социал-демократии начиная с 1898 года.

Но каждый раз, выступая против ревизионистов, германская социал-демократическая партия не применяла к Бернштейну и его единомышленникам никаких организационных мер, оставляла их на руководящих постах в партии, партийной прессе и профсоюзах.

Официальный теоретик германской социал-демократической партии Каутский, находившийся в начале XX века на левом крыле партии, включился в полемику против Бернштейна крайне неохотно, под давлением Бебеля и Розы Люксембург, и со всевозможными оговорками.

По решающему пункту о диктатуре пролетариата Каутский в своем «Антибернштейне» заявил, что беспокоиться тут нечего, ибо решение этого вопроса можно преспокойно предоставить будущему.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 3. Партиздат, 1935.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 194.

Говоря об относительном обнищании пролетариата в условиях капитализма, Каутский умолчал об абсолютном его обнищании. Эту трусливую полемику «против» Бернштейна совершенно правильно оценил Ленин: «Это не полемика против Бернштейна, а, в сущности, уступка ему, сдача позиций оппортунизму, ибо оппортунистам пока ничего большего и не надо, как «вполне спокойно предоставить будущему» все коренные вопросы о задачах пролетарской революции»¹.

Каутский считал вполне естественным, закономерным и допустимым существование внутри партии разных течений: революционного и оппортунистического. Он говорил, что противоречия между ними на практической работе партии никак не отражаются и разногласия касаются только теории.

Подобная оценка ревизионизма руководителями и теоретиками II интернационала не единична и не случайна.

В начале XX века в германской социал-демократии под влиянием революционизирования рабочего класса возникло левое течение (так называемые левые радикалы) во главе с Розой Люксембург, Кларой Цеткин, Карлом Либкнехтом, Францем Мерингом и другими.

Характеристику левых в германской социал-демократии дал товарищ Сталин.

Левые в германской социал-демократии представляли собой «слабую и немощную группу, организационно не оформленную, идеологически не подкованную группу, боящуюся даже выговорить слово «разрыв», «раскол»². Но одновременно товарищ Сталин указывал на то, что левые с.-д. имели за собой также большие и серьезные революционные дела... «Именно поэтому, — писал товарищ Сталин, — и считались с ними большевики, как с левыми, и поддерживали их, толкали их вперед. Но это не уничтожает и не может уничтожить того факта, что левые с.-д. в Германии вместе с тем имели за собой целый ряд серьезнейших политических и теоретических ошибок, что они не освободились еще от меньшевистского груза и нуждались ввиду этого в серьезнейшей критике со стороны большевиков»³.

Роза Люксембург, Клара Цеткин, Меринг не только гораздо резче критиковали ревизионистов, нежели это делали руководство партии и Каутский, но и вели эту критику с иных позиций. Роза Люксембург вскрывала классовую сущность ревизиониз-

ма: «Программа, тактика, отношение к государству, к внешней политике, к милитаризму — все ставится вверх ногами, и из революционной международной партии социал-демократия превращается в национально-мелкобуржуазно-социал-реформистскую партию»⁴, — писала она.

Для понимания различия критики ревизионизма Каутским и левыми радикалами исключительно характерно письмо Розы Люксембург к Каутскому, написанное ею из тюрьмы в 1904 году, в связи с предстоящим партийным съездом в Бремене. Роза предполагала, что на этом партийном съезде произойдут новые схватки с ревизионистами, и по этому поводу она писала Каутскому:

«Насколько я понимаю создавшееся положение, они (ревизионисты.—**О. Б.**) собираются взять реванш в Бремене, и в этом мы должны им помешать! Поэтому меня сердит, что ты завидуешь моему сидению! Что ты осповательно разобьешь Курта, Георга (ревизионисты Эйснер и Градлауэр.—**О. Б.**) и К^о — я несколько не сомневаюсь. Но ты должен это делать с радостью и охотой, а не как тягостное интермеццо, потому что публика всегда чувствует настроение борющихся, а радость в бою придает чистоту звуку и моральное превосходство»⁵.

Роза Люксембург, Клара Цеткин, Франц Меринг искренно и страстно с первых шагов своей деятельности боролись с оппортунистами. Однако ни Роза Люксембург, ни ее соратники не поняли связи реформизма с новой империалистической эпохой, не поняли роли рабочей аристократии как социальной опоры ревизионизма, не вскрыли его корней, его роли в рабочем движении, его международного характера.

«Ревизионизм, — писал Меринг в 1900 году, — никогда не мог пустить прочных корней в этих (т. е. рабочих.—**О. Б.**) массах... он никогда не имел ни малейшего влияния на их практическое движение. Классовая борьба пролетариата обладает слишком крепким здоровьем, чтобы возиться с одними настроениями. А больше чем настроением, ревизионизм никогда не был в Германии»⁶.

Во всем Интернационале один только Ленин вскрыл социально-экономические и политические корни ревизионизма и его международный характер. Первые же выступления Ленина связаны с борьбой про-

⁴ Р. Люксембург. Избранные сочинения. Т. I. Ч. 1-я, стр. 178.

⁵ Р. Люксембург. Письма к Каутским, стр. 73 (подчеркнуто мной.—**О. Б.**).

⁶ Меринг «История германской социал-демократии». Т. IV, стр. 302 (подчеркнуто мной.—**О. Б.**).

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 444.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 468—469.

³ Там же, стр. 472.

тив струвизма и экономизма, этих русских разновидностей бернштейнианства.

Будучи в ссылке и узнав о «стедо» Кусковой, Ленин немедленно же организовал товарищей, вскрыл классовую сущность этого «нового направления в социал-демократии» и резко выступил против него с «Протестом 17 социал-демократов».

Еще в 1897 году Ленин по выходе из тюрьмы на собраниях социал-демократов в Петербурге резко выступал против «молодых» членов «Союза борьбы», защищавших идеи экономизма.

В июне 1899 года Ленин, находясь в ссылке в селе Шушенском, в письме к Потресову возмущался тем, что Плеханов, сотрудничавший в журнале легальных марксистов «Наше слово», оставил без всякого ответа статью Струве «Международный конгресс по вопросам законодательной охраны рабочих», в которой он утверждал, что в марксовской теории многое уже устарело и что теория «социальных катастроф» является ненаучной и не соответствует ходу исторического развития.

«Не понимаю только одного, как мог Каменский (т. е. Плеханов. — **О. Б.**) оставить без ответа статьи Струве и Булгакова в «Новом Слове» против Энгельса. Не объясните-ли Вы мне этого»¹, — писал Ленин из далекой Сибири.

Ленин негодовал: почему Плеханов решительно не высказывается против неокантанства, которое протаскивали в среду российских социал-демократов Струве и Булгаков. Ленин довел свою критику ревизионизма до конца, до исходного пункта разногласий революционеров и ревизионистов, до разногласий в философии.

И Ленин, который со всей остротой поставил вопрос о том, что «без революционной теории не может быть революционного движения», последовательно и решительно боролся против недооценки опасности бернштейнианства во II интернационале и в первую очередь в России, против узкого делчества и попыток теоретически разрушить пролетариат.

Ленин повседневно и упорно боролся против легальных марксистов, за чистоту классового сознания пролетариата, против бернштейнианской «теории» смягчения классовых противоречий.

Вся борьба Ленина с Плехановым внутри редакции «Искры», включение в программу, по настоянию Ленина, пункта о диктатуре пролетариата, постоянное, настойчивое требование Ленина сперва отгородить, выделить только пролетариат, а затем уже привлекать, звать других — эта твердая и неуклонная линия на гегемонию

пролетариата — все это направлено непосредственно против Бернштейна и его последователей.

Ленин доказал с исчерпывающей полнотой, как распря различных направлений внутри социализма из национальной впервые превратилась в интернациональную.

Последовательная и непримиримая борьба революционных социал-демократов во главе с Лениным против оппортунистических течений была первой настоящей схваткой революционной социал-демократии с оппортунизмом не только в России, но и на Западе.

Эта схватка привела к расколу на II съезде РСДРП и образованию большевистской партии, партии нового типа. Порывав с меньшевиками в 1903 году, большевики показывали пример революционным элементам пролетариата Запада, как надо на деле бороться с оппортунистами, где искать выход из реформистского болота, куда оппортунисты стремились совлечь рабочее движение.

2

Этот пример беспощадной борьбы и раскола с оппортунистами в РСДРП мог оказаться опасным для оппортунистов, все более усиливавших свои позиции во II интернационале. Вот почему исполнились руководящие деятели II интернационала, вот в чем корни их активного вмешательства в русские дела и настойчивого их стремления «примирить большевиков с меньшевиками».

Весь II интернационал встал на сторону меньшевиков против большевиков.

Швейцарский социал-демократ Грейлих обратился в Международное социалистическое бюро с предложением путем вмешательства II интернационала способствовать прекращению раскола в РСДРП. По его инициативе Бебель 3 февраля 1905 года написал письмо Ленину от имени правления немецкой партии. В этом письме, предлагая устроить третейский суд, Бебель указывал, «что известие о расколе» вызвало среди интернациональной социал-демократии большое смущение и определенное недовольство, и выражал уверенность, что большевики будут рады «положить конец расколу и взаимной борьбе между партийными товарищами, стоящими на одинаковой принципиальной почве»².

В своем ответе Бебелю Ленин, естественно, отказался от третейского суда, заявив, что спор между большинством и меньшин-

² Раскол на II съезде и II интернационал. Сборник документов, стр. 143 (подчеркнуто мной. — **О. Б.**).

¹ Ленинский сборник IV, стр. 34.

ством может решить только партийный съезд, но никак не третейский суд. Бюро комитетов большинства в ответ на предложение Бебеля писало: «Немецкие товарищи, по видимому, недостаточно осведомлены о сущности той внутрипартийной борьбы, которая, к сожалению, возникла среди русской социал-демократии, в противном случае они, конечно, не предложили бы посредничества в форме суда там, где пред нами столкновение политических идей. Дело идет об объединении российской социал-демократии под знаменем одной из двух партийно-политических тенденций, охватывающих область политической тактики и организации»¹.

К ответам Ленина и Бюро комитетов большинства присоединилось подавляющее большинство местных партийных организаций, товарищ Сталин и III съезд. На III съезде партии предложение Международного социалистического бюро об устройстве третейского суда между большевиками и меньшевиками специально не обсуждалось, но многие делегаты в своих выступлениях касались его, высказывая полную солидарность с ответом Бюро комитетов большинства.

Отрицательное отношение руководителей германской социал-демократической партии к расколу в РСДРП проявлялось и в том, что вся немецкая социал-демократическая пресса охотно предоставляла свои страницы меньшевикам и отказывалась в то же время печатать статьи большевиков. Пользуясь этим, меньшевики в своих статьях искажали факты и возводили на Ленина и его сторонников всяческую клевету.

В мае 1904 года Каутский, бывший в то время редактором теоретического журнала партии «Die neue Zeit», отказался поместить в журнале статью Лядова о расколе в РСДРП.

Поместив на страницах «Die neue Zeit» статью Розы Люксембург против большевиков, Каутский отказался печатать ответ Ленина на эту статью.

Сам же Каутский выступил в немецкой печати и в меньшевистской «Искре» против большевиков.

«Если бы на вашем съезде,—писал Каутский Лядову в 1904 году,—мне пришлось выбирать между Мартовым и Лениным, то на основании всего опыта нашей деятельности в Германии я решительно высказался бы за Мартова».

В статье «Раскол в русской социал-демократии», помещенной в «Die neue Zeit»

за 15 июня 1905 года и в меньшевистской «Искре», Каутский предлагал не допускать распространения резолюций III съезда партии среди немецкого и вообще европейского пролетариата². Подобное отношение к партийному съезду РСДРП и к большевизму со стороны Каутского, пользовавшегося большим авторитетом в германской социал-демократии, признанного официально ее теоретиком, препятствовало тому, чтобы социал-демократические рабочие Германии разобрались в положении дел и правильно поняли сущность борьбы и раскола в РСДРП.

Симпатии Каутского были полностью на стороне меньшевиков. Ленин в письме к Центральному комитету РСДРП 12 июля 1905 года писал: «Каутский опять поместил преподлую статью по поводу немецкого издания «Известия»»³.

Ленин дал резкую отповедь Каутскому в «Открытом письме в редакцию газеты «Leipziger Volkszeitung» (июль 1905 года): «Мы энергично протестуем против попытки заглушить наш голос в немецкой социал-демократической печати путем такого грубого, механического, неслыханного приема, как бойкот брошюры, которая содержит только перевод резолюций III съезда РСДРП... Каутский не имеет права говорить о своем беспристрастии. Он был всегда пристрастным в теперешней борьбе внутри российской социал-демократии... Но тому, кто пристрастен, лучше не говорить слишком много о беспристрастии, чтобы не быть обвиненным в лицемерии»⁴.

Редакция газеты не напечатала этого письма Ленина. Подобное отношение к серьезнейшим принципиальным разногласиям, к борьбе двух различных направлений в РСДРП, большевики встречали со стороны всего II интернационала, вплоть до левых радикалов.

Роза Люксембург совершенно не поняла организационных принципов большевизма, значения демократического централизма, централизованной единой партии, железной партийной дисциплины, роли Центрального комитета как боевого штаба партии.

Ленинскую борьбу против мелкобуржуазного индивидуализма, против анархической «свободы», против интеллигентской расхлябанности, Роза Люксембург оценивала как «слишком механическое представление о социал-демократической организации».

Организационные принципы Ленина Роза Люксембург квалифицировала как «ультрацентрализм».

Ответная статья Ленина «Шаг вперед, два шага назад» на статью Р. Люксембург

¹ Раскол на II съезде и II интернационал. Сборник документов, стр. 105 (подчеркнуто мной.—О. Б.).

² Там же, стр. 146.

³ Там же, стр. 115.

⁴ Там же, стр. 111.

«Организационные вопросы русской социал-демократии» была направлена им в «Die neue Zeit», но не была напечатана редактором Каутским под тем смехотворным предлогом, что в ней разбирается ссора в русской социал-демократии, обсуждать которую не нужно, даже вредно, ибо «эта ссора такого рода, что немецкие партийные товарищи ее никогда не поймут. Ссора же, сущность которой не понята, действует отгалкивающе»¹.

Так было понято Каутским политическое значение деления российской социал-демократии на большевиков и меньшевиков, деление, выражающее две принципиально различные линии, две тактики в революции.

В вопросе о создании партии нового типа левые радикалы выступили также против большевиков, что было тотчас же использовано меньшевиками.

В письме к Аксельроду Потресов писал: «Как бить Ленина, вот вопрос. Прежде всего, мне думается, следует на него выпустить авторитетов — Каутского (уже имеется), Розу Люксембург и Парвуса»².

В письме к Розе Люксембург Потресов откровенно рассказывал, почему русским меньшевикам в их плане «Бить Ленина» нужна помощь именно левых, в частности помощь самой Розы.

Прося Розу дать отзыв о брошюре Ленина «Шаг вперед, два шага назад», Потресов подчеркивал, что «нам весьма важно получить этот отзыв именно от Вас, которая, с одной стороны стояла до сих пор в стороне от наших внутрипартийных споров, а с другой «оставлена западноевропейскими ревизионистами как бланкистка. Быть может, вы именно в связи с брошюрой Ленина и коснулись бы вопроса о заговорщической и социал-демократической организации»³.

Статья Розы Люксембург «Организационные вопросы русской социал-демократии» и явилась выполнением заказа меньшевиков.

Ответ Ленина Розе Люксембург «Шаг вперед, два шага назад», написанный в сентябре 1904 года, вскрывал грубые ошибки, допущенные Розой Люксембург в оценке дел русской социал-демократии и вопиющие извращения марксовой диалектики в ее статье.

«Роза Люксембург, — пишет Ленин, — хочет говорить о теперешнем положении нашей партии и совершенно игнорирует при этом наш партийный съезд, который,

собственно, и заложил подлинный фундамент нашей партии... ее статья противоречит азбуке диалектики. Эта азбука утверждает, что никакой отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна. Тов. Роза Люксембург величественно игнорирует конкретные факты нашей партийной борьбы и великодушно занимается декламацией о вопросах, которые невозможно серьезно обсуждать»⁴.

Ленин в кратких словах дает точное и глубокое объяснение классовой природы и сущности раскола на II съезде: «Кто не хочет закрывать глаза на то, что произошло на нашем съезде, тот должен понять, что наше новое разделение на меньшинство и большинство является только вариантом старого разделения на пролетарски-революционное и интеллигентски-оппортунистическое крылья нашей партии»⁵.

В заключение Ленин дает суровую, но справедливую и совершенно заслуженную оценку «ультрацентрализму» и прочих определений Розы Люксембург, которые «конкретно и практически являются насмешкой над нашим съездом, абстрактно же и теоретически (если здесь можно говорить о теории) являются прямым опощением марксизма, извращением настоящей диалектики Маркса»⁶.

Меньшевистские ошибки в организационном вопросе сохранились у Розы Люксембург и после революции 1905—1907 годов, о чем достаточно свидетельствует ее выступление на V съезде РСДРП, в котором она утверждала, что «присутствие и даже деятельность кучки оппортунистов в наших рядах для нас совершенно безопасна». Она порицала большевиков за то, что они, как она выразилась, не прощали германской социал-демократии того, что последняя не вытолкнула Бернштейна из рядов партии⁷.

Роза, как и все левые, понимала партию по образцу партий II интернационала, в которых уживаются оппортунистические и революционные течения.

Для понимания позиции левого радикализма в организационном вопросе чрезвычайно характерен доклад соратника Розы Люксембург в Польше — Тышко — о работе социал-демократии Польши и Литвы (СДП и Л) внутри РСДРП, сделанный им на VI съезде СДП и Л.

«Руководящая линия нашей работы, — говорил Тышко, — выражалась в стремле-

¹ Раскол на II съезде и II интернационал. Сборник документов, стр. 140.

² «Социал-демократическое движение в России», стр. 125.

³ Там же, стр. 127.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 91.

⁵ Там же, стр. 95.

⁶ Там же, стр. 96.

⁷ Sprawozdanie Z. VI. Zjazdu SDKP i L, стр. 144 (подчеркнуто мной. — О. Б.).

нии к вытеснению организованных фракций, подрывающих единство партийного действия и к замене их борьбой неорганизованных идейных течений, к объединению большевиков и меньшевиков в общей работе во всех кампаниях ЦК, во всех учреждениях, им создаваемых»¹.

Этот совершенно четко сформулированный Тышко взгляд на борьбу большевиков и меньшевиков, это стремление к «единству во что бы то ни стало», эта попытка перестроить российскую социал-демократию по типу западноевропейских партий характерны для всех левых радикалов.

Парвус сделал очень откровенное признание: он признавался, что в спорах русских марксистов последних лет многого не понимает и не научится понимать, ибо для этого нужно разучиться думать по методу западноевропейского социализма.

Хорошо сказано. Вот именно в том и суть, чтобы перестать понимать партию «по методу западно-европейского социализма», как конгломерат фракции и разных течений. Только отказавшись от этого взгляда, можно понять, что такое партия нового типа, боевая большевистская партия, без организации которой пролетариат не может победить.

Таким образом, в понимании организационного вопроса, который в то время имел исключительное значение, ибо он решал вопрос о типе партии, левые социал-демократы не отличались от всего II интернационала. Пытаясь занять «среднюю линию», стать «выше фракций», они вольно или невольно тем самым поддерживали меньшевиков.

Товарищ Сталин, анализируя полуменьшевистские ошибки левых радикалов, писал:

«Своей формулировкой о членстве в партии большевики хотели создать организационную узду против наплыва непролетарских элементов в партию... Русские меньшевики отстаивали противоположную позицию, открывающую широко двери партии непролетарским элементам. Ввиду важности вопросов русской революции для мирового революционного движения западно-европейские социал-демократы решили вмешаться в дело. Вмешались и левые с.-д. в Германии, Парвус и Роза Люксембург, тогдашние лидеры левых. И что же? Оба они высказались против большевиков»².

¹ Sprawozdanie. Z. VI. Zjazdu. SDKP и L, стр. 145 (подчеркнуто мной.— О. Б.).

² См. Парвус. Сборник «Россия и революция», стр. 152. (Подчеркнуто мной.— О. Б.).

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 470.

Большевики во главе с Лениным всемерно стремились расширить влияние большевизма на международной арене, изолировать оппортунистов и привлечь на свою сторону революционные элементы западноевропейского пролетариата. Именно с этой целью большевики послали своего представителя на Дрезденский партийтаг в 1903 году, представили специальный доклад Амстердамскому конгрессу о расколе в РСДРП и добились самостоятельного представительства в Международном Социалистическом бюро. Последнее они использовали как трибуну для пропаганды большевизма и арену для борьбы с ревизионизмом и центризмом во II интернационале.

3

Новые условия эпохи империализма особенно остро поставили вопрос о роли субъективного фактора в подготовке революции, о партии пролетариата, об ее роли и взаимоотношениях с классом.

Новая обстановка, поставившая в порядок дня прямой штурм капитализма, требовала, чтобы пролетариат действительно был авангардом, чтобы партия не только умела, не отрываясь от масс, идти вперед и вести их за собой, но чтобы она, организовывая пролетариат и привлекая его союзников, организационно и технически подготовила победу революции.

Ленин всегда бичевал всякое преклонение перед стихийностью в рабочем движении.

«Социал-демократия не состоит в одном служении стихийному рабочему движению... социал-демократия состоит в соединении социализма с рабочим движением»⁴, — писал Ленин в проекте заявления в редакции «Искры» и «Зари».

На II съезде борьба вокруг вопросов программы заняла больше половины всей работы съезда. Одним из центральных вопросов этой борьбы был вопрос о соотношении между сознательностью и стихийностью в рабочем движении. По существу это был вопрос о типе партии, о ее направлении.

Ленинизм учит, что без внесения сознательности в стихийное рабочее движение пролетариат никогда не выполнит своих исторических задач.

Преклонение оппортунистов перед стихийностью, отказ от внесения в рабочее движение социалистической сознательности означают на деле отказ от гегемонии пролетариата, стремление подчинить рабочий класс буржуазии, поставить его в хвост либеральной буржуазии. Требование эконо-

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 9.

мистов «свободы критики» на деле означало стремление легализовать оппортунизм в партии, свободу внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов.

Стихийное рабочее движение ведет к тред-юнионизму, писал Ленин, а тред-юнионизм это и есть идейное порабощение рабочих буржуазией. Задача социал-демократии состоит в «борьбе с стихийностью, состоит в том, чтобы совлечь рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии».

Но именно ленинское понимание соотношения между стихийными и сознательными элементами движения является единственно правильным, научным продолжением и дальнейшим развитием взглядов Маркса и Энгельса в этой области.

В полемике против экономистов Ленин писал: «Они (сторонники экономизма.— О. Б.) не понимают, что «идеолог» только тогда и заслуживает названия идеолога, когда идет впереди стихийного движения, указывая ему путь, когда он умеет раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы, на которые «материальные элементы» движения стихийно наталкиваются. Чтобы действительно «считаться с материальными элементами движения», надо критически относиться к ним, надо уметь указывать опасности и недостатки стихийного движения, надо уметь поднимать стихийность до «сознательности»¹.

Эту позицию Ленина в борьбе против меньшевистской теории стихийности отстаивал и обосновывал товарищ Сталин.

В брошюре «Вскользь о партийных разногласиях», написанной в начале 1905 года, товарищ Сталин раскрывает большевистское отношение к вопросу о стихийности и сознательности в рабочем движении, о роли революционной теории в классовой борьбе пролетариата: «Стихийное рабочее движение — движение без социализма неизбежно мельчает и принимает тред-юнионистскую окраску — подчиняется буржуазной идеологии...

Мы, социал-демократы, должны помещать стихийному рабочему движению путь по тред-юнионистскому пути, должны вводить его в социал-демократическое русло. Внести социалистическое сознание в это движение и сплачивать передовые силы рабочего класса в централизованную партию. Наш долг — всегда и везде руководить движением, энергично бороться со всеми — будет ли то враг, или «друг» —

кто становится на пути к осуществлению нашей святой цели»².

Вот до этого ленинско-Сталинского понимания взаимоотношения между стихийным и сознательным левые радикалы никогда не могли подняться, ибо они недооценивали фактор сознательности и переоценивали стихийность в рабочем движении.

Не понимала роли партии в революции и сама Роза Люксембург, вождь и теоретик левых радикалов.

Еще на Штутгартском партийном съезде 1898 года, выступая против Бернштейна, отрицавшего неизбежность падения капитализма путем насильственной революции, она говорила, что «капиталистическое общество запуталось в неразрешимых противоречиях, которые в конечном счете сделают неизбежным взрыв, крушение, при котором мы (т. е. партия.— О. Б.) будем играть роль стряпчего, ликвидирующего дела обанкротившегося общества»³.

В этих словах ясно видна фаталистическая установка на неизбежный приход революции, на стихийное рабочее движение. Партии предоставлялась роль стряпчего, «ликвидирующего дела обанкротившегося общества», но никак не роль организатора революции. Роза Люксембург вообще не понимала задачи «организации революции», чего прямо требовали Ленин, большевики.

Для нее задача партии заключалась в том, чтобы агитацией и пропагандой воспламенить массы, привлечь их в партию, повысить их классовую сознательность. Организация масс, считала Роза, придет сама собой, в процессе стихийного рабочего движения.

Даже после опыта революции 1905—1907 годов, мощного подъема рабочего движения в Западной Европе и революций на Востоке левые радикалы оказались не в состоянии понять значения организационного вопроса в подготовке революции.

Недооценка роли партии привела к тому, что стиралась всякая грань между партией-авангардом и классом, между методами работы внутри партии и с беспартийными массами. Это, с одной стороны, растворяло партию в классе, а с другой — приводило к сектантству, ибо ко всему рабочему классу, ко всем его разнообразным прослойкам применялся тот же подход, предъявлялись те же требования, что и к членам партии.

² И. Сталин «Вскользь о партийных разногласиях». Цитирую по книге Л. Берния «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 48. Партиздат. 1938.

³ Р. Люксембург. Избранные сочинения. Т. I, Ч. 1-я, стр. 134.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 341.

Только этими сектантскими чертами можно объяснить тот факт, что польская социал-демократия, в которой люксембургянство было господствующей доктриной, в период революции 1905—1907 годов вела борьбу против создания в Польше советов рабочих депутатов или же в 1906 году держала курс на построение на предприятиях партийных профсоюзов.

Между тем «...партийные профессиональные союзы вырывают яму между сознательными и несознательными рабочими. Все знают, что имеются такие рабочие, которые ни к какой партии не принадлежат... Разве не нужно привлечь их?»¹

Товарищ Сталин писал это в 1906 году против дашнаковцев, но с полным основанием эти слова могут быть отнесены и к левым радикалам, насаждавшим в рабочем движении Польши партийные профсоюзы. Таким образом, пресловутая меньшевистская тактика-процесс, которую поддерживали и левые радикалы, противопоставляя ее большевистской тактике-плану, приводила на практике к хвостизму, к сектантству, препятствуя подлинной подготовке пролетариата к решающим схваткам с капиталом.

Непонимание роли партии как организатора революции, недооценка организационной работы проявлялась у левых радикалов, особенно в вопросе об отношении к вооруженному восстанию.

Левые радикалы, и в частности Роза Люксембург, не отрицали необходимости вооруженной борьбы за власть.

Роза не в бровь, а в глаз била оппортунистов, когда говорила: «Мы добиваемся полной перестройки существующего капиталистического экономического строя, которая может быть достигнута только путем захвата государственной власти, а никак не посредством социальных реформ, осуществляемых в недрах современного общества»².

В брошюре «Реформа или революция», направленной против Бернштейна, Роза писала, что ни Маркс, ни Энгельс никогда не сомневались в необходимости захвата политической власти пролетариатом и что только Бернштейн мог додуматься до того, чтобы «курятник буржуазного парламентаризма» считать тем органом, «которому суждено осуществить грандиознейший, всемирно-исторический переворот: перевести

общество от капиталистических форм к социалистическим»³.

Признавая неизбежной вооруженную борьбу, Роза Люксембург отрицала ее организацию, ее техническую подготовку.

В вопросе подготовки вооруженного восстания левые солидаризировались с Каутским и соскальзывали на позиции меньшевиков, предлагавших вооружать массы только сознанием необходимости вооружения, но не самым оружием.

Роза рассматривала восстание как исключительно стихийный процесс, как революционную самостоятельность масс, не понимая марксистско-ленинского отношения к восстанию как к искусству.

Большевистская тактика и стратегия учат тому, что восстание должно быть тщательно подготовлено политически, организационно, технически.

В своем изумительном по глубине и четкости анализе отличия марксистского отношения к восстанию от бланкистского Ленин писал:

«Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых половинок и нерешительных друзей революции. Это в-третьих. Вот эти три условия постановки вопроса о восстании и отличается марксизм от бланкизма. Но раз есть налицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию, как к искусству, значит изменить марксизму и изменить революцию»⁴.

Левые социал-демократы, в частности Роза Люксембург, упрекали Ленина в недооценке самостоятельности масс, стихийного движения.

Ленин больше чем кто бы то ни было, в полном соответствии с взглядами великих основоположников марксизма, постоянно подчеркивал роль стихийного движения, революционной самостоятельности масс.

Именно Ленин подчеркивал, что восстание может победить, опираясь не на заговор, не на партию, а на класс, что необходимой предпосылкой успеха является революционный подъем народа.

Но в то же время Ленин подчеркивал, что партия пролетариата должна вести

¹ И. Сталин «Профессиональные союзы в Тифлисе». Цитирую по книге Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 51.

² Р. Люксембург. Речь, стр. 26 (подчеркнуто мной. — О. Б.).

³ Р. Люксембург. Избранные сочинения. Т. I. Ч. 1-я, стр. 99.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 195

массы, а не только регистрировать их стихийное движение, вносить в движение сознательность, поднимать отставших до уровня большинства, поднимать уровень большинства до уровня передовых—организовать массы на борьбу.

Вскрывая различие двух тактик в революции 1905 года: большевистской и меньшевистской,—Ленин писал: «Есть самостоятельность и самостоятельность. Есть самостоятельность пролетариата революционно инициативного, и есть самостоятельность пролетариата неразвитого и ведомого на помочах, есть самостоятельность сознательно-социал-демократическая и самостоятельность зубатовская. И есть социал-демократы, которые даже в настоящий момент с благоговением созерцают именно этот второй вид самостоятельности, которые думают, что от прямого ответа на злободневные вопросы можно отделаться, повторяя бесчисленное количество раз слово «классовый»¹.

Вот до такого понимания самостоятельности масс, которое не только не исключает, но, наоборот, предполагает руководящую и организующую роль пролетарского авангарда, Розе Люксембург никогда не удалось подняться.

Левые социал-демократы считали, что самая постановка вопроса о выборе момента восстания есть разрыв с марксизмом, бланкизм, якобинство. Иначе решал вопрос Ленин.

В споре с Мартыновым он писал: «Не может быть назначена народная революция, это справедливо... Но назначить восстание, если мы его действительно готовили и если народное восстание возможно, в силу совершившихся переворотов в общественных отношениях, вещь вполне осуществимая. Постараемся пояснить это для новокровцев простым примером. Можно ли назначить рабочее движение? Нет, нельзя, потому что оно складывается из тысячи отдельных актов, порождаемых переворотом в общественных отношениях. Можно ли назначить стачку? Можно, несмотря на то... что каждая стачка является результатом переворота в общественных отношениях. Когда можно бывает назначить стачку? Тогда, когда организация или кружок, назначающие ее, пользуются влиянием среди массы данных рабочих и умеют правильно оценить момент растущего недовольства и раздражения в массе рабочих... «Народная революция не может быть заранее назначена». Восстание может быть назначено, когда назначающие его

пользуются влиянием среди массы и умеют правильно оценить момент»².

Вопрос об умении выбрать момент восстания, момент нанесения решающего удара, вошел в железный фонд большевистской стратегии и тактики как необходимое условие победы пролетариата. Анализируя условия правильного стратегического руководства, товарищ Сталин одним из условий выдвигает: «Выбор момента решающего удара, момента открытия восстания, рассчитанный на то, что кризис дошел до высшей точки, что готовность авангарда биться до конца, готовность резерва поддержать авангард и максимальная растерянность в рядах противника — имеются уже налицо»³.

Октябрьское восстание 1917 года явилось классическим образцом реализации на практике Лениным — Сталиным марксовского отношения к восстанию как к искусству.

* * *

Тридцатипятилетний путь борьбы партии Ленина — Сталина за освобождение пролетариата, за диктатуру пролетариата, за социализм свидетельствует с наибольшей убедительностью о правильности большевистской стратегии и тактики, большевистских организационных принципов.

Практика классовой борьбы разбила все теории оппортунистов, доказала полную непригодность и вред люксембургского преклонения перед стихийностью, недооценки субъективного фактора революции.

Отдавая должное светлой памяти Розы Люксембург, Карла Либкнехта и других левых социал-демократов, оставшихся до конца своих дней верными бойцами пролетарской революции, необходимо еще раз вскрыть их ошибки, без преодоления которых братские компартии не могли бы стать подлинно большевистскими партиями.

Тридцать пять лет назад Ленин и Сталин дали пролетариату несравненное оружие, без которого невозможны были бы достигнутые в СССР всемирноисторические победы социализма.

Это оружие — боевая, дисциплинированная, централизованная партия нового типа, вооруженная самой передовой революционной теорией, партия, беспощадно громившая и разгромившая всех врагов, в том числе и презренных наймитов фашизма — трокистско-бухаринских шпионов и диверсантов. Эта партия Ленина — Сталина непобедима.

² Там же, стр. 112.

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 55.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. VII, стр. 113 (подчеркнуто мной. — О. Б.).

Л. Бычков

Пламенный большевик В. Р. Менжинский

1

Вячеслав Рудольфович Менжинский, злодейски умерщвленный гнусными, трижды проклятыми извергами антисоветского «право-троцкистского блока», был замечательным представителем старой большевистской гвардии, одним из выдающихся участников Великой Октябрьской социалистической революции, славным чекистом, верным и самоотверженным борцом за генеральную линию партии Ленина — Сталина, за дело социализма.

Тов. Менжинский (псевдоним — Степинский) родился 1 сентября 1874 года в семье учителя. Еще юношей, с 1895 года, он принимал активное участие в студенческом революционном движении. В 1902 году Менжинский вступил в ряды РСДРП и работал членом Ярославского комитета партии. После II съезда РСДРП он примкнул к большевикам-ленинцам. Во время первой русской революции 1905 — 1907 годов Менжинский вел активнейшую революционную работу в петербургской военной организации большевистской партии. В 1906 году петербургская военная организация большевиков была раскрыта и ее руководители, в том числе и тов. Менжинский, были арестованы царской охранкой.

После 4-месячного предварительного заключения тов. Менжинскому удалось освободиться, скрыться от царского суда и таким образом избежать грозившей ему казни. В конце 1907 года тов. Менжинский был вынужден эмигрировать за границу (с 1907 по 1917 год). Жил в Бельгии, Швейцарии и Франции. Находясь в эмиграции, тов. Менжинский продолжал принимать активное участие в работе партийных организаций.

Человек огромного ума и революционной страсти, превосходно образованный марксист, тов. Менжинский обладал большой и всесторонней культурой. Он свободно владел больше чем 10 иностранными языками. Наряду с занятиями марксизмом он находил время для занятий высшей математикой и другими науками. По образованию он был юрист.

После февральской буржуазно-демократической революции, в 1917 году, тов. Менжинский возвратился из эмиграции в Россию и принял под руководством Ленина самое активное участие в борьбе за победу Великой пролетарской социалистической революции. Он был избран членом бюро военных организаций большевистской партии и работал в петроградской военной организации. Кроме того тов. Менжинский

редактировал газету «Солдат». Большевистская партия и лично Ленин и Сталин высоко ценили Менжинского за его беззаветную преданность делу партии, за его непримиримость к врагам революции.

Сейчас же после победы Великой социалистической революции тов. Менжинский по инициативе Ленина был назначен на пост руководителя министерства финансов советской республики.

13 ноября (31 октября) 1917 года в газете «Известия» было опубликовано постановление о назначении Менжинского временным заместителем народного комиссара по министерству финансов:

«Приказ по Министерству финансов

Совет Народных Комиссаров назначает Временным Заместителем Народного Комиссара по Министерству Финансов Вячеслава Рудольфовича Менжинского.

Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ульянов (Ленин)»¹.

Товарищ Менжинский проделал в чрезвычайно тяжелых условиях громадную работу по созданию нового финансового аппарата советской республики. Почти весь высший персонал банков встал на путь саботажа, отказываясь открывать банки и выдавать денежные средства советскому правительству. Государственный банк, который хотя и не был официально открыт, расплачивался с рабочими по расчетным ордерам заводов и фабрик.

Ленин совместно с Менжинским принял решительные меры, чтобы сломить контрреволюционный саботаж буржуазных банковских воротил. 13 ноября (31 октября) было опубликовано постановление за подписями товарищей Ленина и Менжинского об открытии банков, в котором говорилось:

«Частные банки закрыты. Служащие и директора собираются, но дверей банков для публики не открывают. Рабочие лишены возможности получить заработанную плату, так как банки денег не выплачивают по чекам заводов и фабрик. Такое положение терпимо быть не может. Рабочее и крестьянское правительство предписывает открыть завтра, 31 октября, банки в обычные часы с 10 часов утра до 2-х с половиной часов дня. В случае, если банки не будут открыты и деньги по чекам не будут выдаваться, все директора и члены правлений банков будут арестованы, во все банки будут назначены Ко-

¹ Первоначально народным комиссаром финансов декретом II съезда советов от 8 ноября (26 октября) 1917 года был назначен тов. И. И. Скворцов-Степанов.

миссары Временного Заместителя Народного Комиссара по Министерству Финансов, под контролем которого и будет производиться уплата по чекам, имеющим печать подлежащего фабрично-заводского комитета.

Для обеспечения порядка во все банки будут введены достаточные воинские караулы».

В течение часа после опубликования этого постановления банки были открыты. Нужно было еще открыть казначейства, причем полевое казначейство уже к этому времени удалось открыть.

Старые буржуазные банковские служащие и высшие чины министерства финансов всячески сопротивлялись мероприятиям советского правительства. Тотчас после Октябрьской социалистической революции состоялось контрреволюционное собрание бывших чиновников министерства финансов, которые в принятой резолюции заявляли, что не подчинятся советской власти, и отказывались входить в служебные отношения с большевиками. Они угрожали ответить забастовкой на мероприятия советской власти в области финансов.

21 (8) ноября 1917 года тов. Менжинский сделал доклад ВЦИК о саботаже служащих Государственного банка. По его инициативе ВЦИК в своем постановлении предложил Совету народных комиссаров «принять самые энергичные меры для немедленной ликвидации саботажа контрреволюционеров Государственного банка» и призывал «служащих, верных делу народа», оказать содействие советской власти.

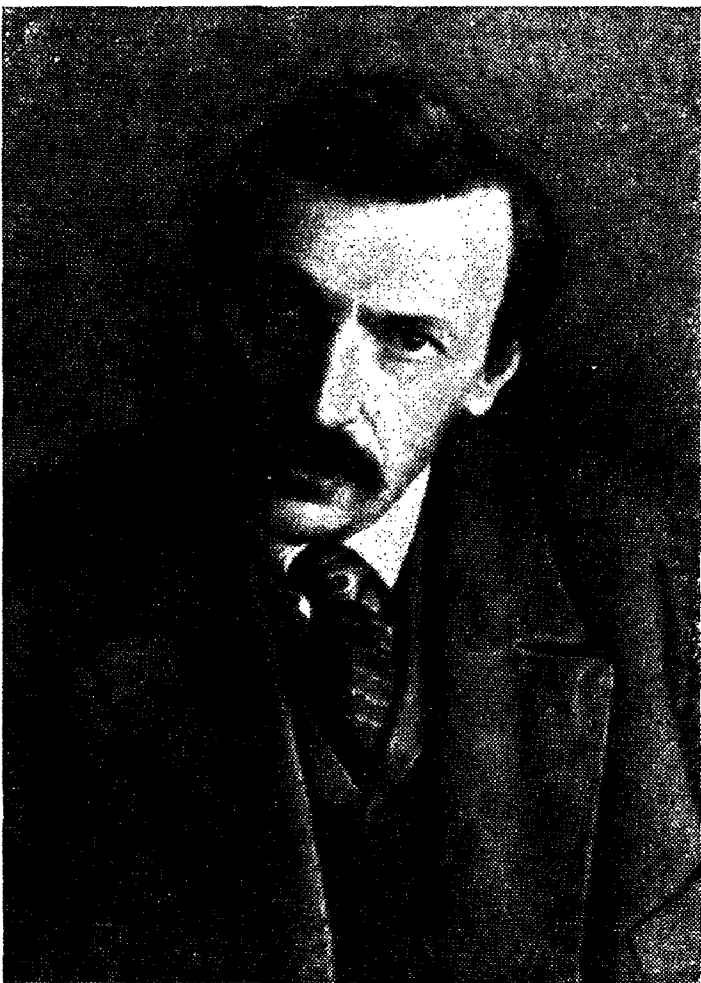
24 (11) ноября 1917 года контрреволюционно настроенные члены правления Государственного банка отказались подчиняться представителям советской власти.

В ответ на эту наглую антисоветскую вылазку тов. Менжинский принял решительные меры: 25 (12) ноября 1917 года приказами за подписями Ленина и Менжинского 8 главарей контрреволюционных забастовщиков в Государственном банке «за отказ признать власть Совета Народных Комиссаров» были уволены от занимаемых ими должностей без права на пенсию.

Ликвидируя саботаж контрреволюционных банковских чиновников, тов. Менжинский налаживал финансовый аппарат советского государства.

26 (13) ноября 1917 года Советом народных комиссаров был издан декрет за подписями Ленина, Менжинского и др., в котором говорилось:

«Во исполнение постановления Ц. И. К. Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов 2-го созыва от 8-го ноября с. г. Совет Народных Комиссаров по представлению заместителя Народного Комиссара по

В. Р. Менжинский.

1924 год.

Министерству Финансов постановил: предоставить комиссару Государственного банка... право, в виде временной и исключительной меры, выдать с текущего счета Департамента Государственного Казначейства краткосрочный аванс Совету Народных Комиссаров в размере 25 000 000 руб. (двадцать пять миллионов рублей), с отнесением их на текущий счет Совета Народных Комиссаров.

Настоящий декрет входит в силу немедленно».

28 (15) ноября 1917 года в Государственном банке снова началась забастовка, работала только часть служащих. Чтобы обеспечить выдачу заработной платы рабочим, служащим и армии, Совнарком 30 (17) ноября издал декрет за подписями Ленина, Сталина, Менжинского и др. народных комиссаров о производстве уплаты денежных сумм Петроградской конторой Государственного банка по документам, предъявляемым казенными и общественными учреждениями, торгово-промышленными предприятиями, а также по ордерам Совета Народных Комиссаров с последующим оформлением этих выдач по книгам банка.

4 декабря (21 ноября) 1917 года было издано подписанное Лениным и Менжинским постановление об организации специального финансового отдела при Совете народных комиссаров.

В заседании Совета Народных Комиссаров 8 декабря (25 ноября) 1917 года во

исполнение декретов о земле и об уничтожении сословных учреждений, по предложению тов. Менжинского, Совнарком принял декрет об упразднении «Дворянского земельного банка» и «Крестьянского земельного банка». Так советское правительство ликвидировало главную экономическую базу классового господства помещиков, капиталистов и кулаков.

На этом же заседании, по докладу тов. Менжинского, был принят также декрет об упразднении Совета министра финансов.

24 (11) декабря 1917 года Совнарком принял декрет о прекращении выдачи пенсий, превышающих 300 рублей. Этот декрет имел целью ликвидировать огромные пенсии, назначенные царским и буржуазным Временным правительством всякого рода помещичьим, буржуазным и бюрократическим элементам.

Вместе с тем декрет давал право Народному комиссару финансов удовлетворять пенсиями лиц, действительно нуждающихся, из трудовой среды:

«В издание общего положения Народному Комиссару поручается, по выяснении обстоятельств и оснований назначения отдельных свыше указанных размеров пенсий, делать, в заслуживающих уважения случаях, распоряжения о продолжении производства их, но в размерах, не превышающих вышеозначенной предельной суммы».

Так советская власть, всемерно заботясь об удовлетворении интересов трудящихся, вместе с тем решительно пресекала источники буржуазно-помещичьего тунеядства, осуществляя великий принцип «Не трудящийся да не ест».

Все эти мероприятия в области финансовой политики представляли подготовительные шаги к проведению национализации банков.

Национализация банков была поставлена Лениным тотчас же после Октябрьской социалистической революции как одна из ближайших и важнейших задач советского государства.

Декрет о национализации банков был принят 27 (14) декабря 1917 года; еще ранее, в тот же день, банки были заняты отрядами красногвардейцев.

В декрете о национализации банков говорилось, что эта мера проводится «в интересах правильной организации народного хозяйства, в интересах решительного искоренения банковской спекуляции и всемерного освобождения рабочих, крестьян и всего трудящегося населения от эксплуатации банковым капиталом, и в целях образования подлинно служащего интересам народа и беднейших классов единого народного банка Российской республики...»

Декрет объявил банковое дело государственной монополией; было постановлено, что все частные акционерные банки и банкирские конторы обязаны объединиться с Государственным банком.

31(18) декабря 1917 года Совет народных комиссаров принял декрет об открытии кредита в 200 миллионов рублей для выдачи ссуд городам и земствам под контролем местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на покрытие неотложных расходов по удовлетворению насущных жилищных и бытовых нужд трудящегося населения.

В целях дальнейшего подрыва экономической силы буржуазии 5 января 1918 года (23 декабря 1917 года) Совнарком принял также «Декрет о прекращении платежей по купонам и дивидендам», который гласил:

«1. Впредь до издания общего узаконения о дальнейшей национализации производства, а также о порядке и размерах оплаты процентов по фондам и дивиденда по акциям и паям частных предприятий, всякая оплата купонов временно приостанавливается.

2. Все сделки с ценными бумагами воспрепятствуются.

3. За нарушение настоящего декрета виновные подлежат преданию суду и конфискации всего их имущества».

Эти декреты имели колоссальное значение, так как они подрывали экономические позиции частнокапиталистических элементов и официально уничтожали институт банкиров, ростовщиков и франтъе.

Приведенные документы ярко рисуют роль тов. Менжинского как одного из выдающихся участников Великой Октябрьской социалистической революции и строителя первого в мире пролетарского социалистического государства. Они показывают четкую классовую линию, проводившуюся тов. Менжинским в его огромной творческой работе.

Ленин в своих статьях и речах всегда подчеркивал огромное значение мероприятий в области финансовой политики, проведенных в первый период пролетарской диктатуры при непосредственном участии тов. Менжинского, для дела социалистического преобразования страны. В начале января 1918 года в одной из своих статей Ленин писал, что «...рабочий контроль и национализация банков начали проводиться в жизнь, а это именно и есть первые шаги к социализму»¹.

В своем докладе о деятельности Совета народных комиссаров на III всероссийском съезде советов 24(11) января 1918 года Ленин снова указал на огромное значение

политики советской власти в области финансов.

«Одной из первых мер,—говорил Ленин,—направленных к тому, чтобы не только исчезли с лица земли русской помещики, но и для подрыва в корне господства буржуазии и возможности гнета капитала над миллионами и десятками миллионов трудящихся,—был переход к национализации банков. Банки — это крупные центры современного капиталистического хозяйства. Тут собираются неслыханные богатства и распределяются по всей громадной стране, здесь — нерв всей капиталистической жизни. Это тонкие и сложные органы, они выросли веками, и на них направлены были первые удары Советской власти, которая встретила сначала отчаянное сопротивление в Государственном банке. Но это сопротивление не остановило Советской власти. Нам удалось основное в организации Государственного банка, это основное в руках рабочих и крестьян, и от этих основных мер, которые еще долго придется разрабатывать, мы перешли к тому, чтобы наложить руку на частные банки»².

Тов. Менжинский, один из лучших соратников великих вождей Ленина и Сталина, под их непосредственным руководством закладывал основы строительства советской финансовой политики.

2

В апреле 1918 года, после работы на ряде ответственных участков, тов. Менжинский был назначен генеральным консулом РСФСР в Берлине. В ноябре 1918 года, по возвращении в Москву, он работал в Народном комиссариате по иностранным делам, а с мая 1919 года — народным комиссаром Рабоче-крестьянской инспекции на Украине.

В августе 1919 года, в момент наибольшего обострения гражданской войны, партия направила тов. Менжинского на руководящую работу во Всероссийскую чрезвычайную комиссию (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией.

Тов. Менжинский в качестве члена президиума ВЧК, а затем (с 18 сентября 1923 года) первого заместителя председателя коллегии ОГПУ являлся ближайшим соратником и лучшим помощником великого рыцаря революции — Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Раскрытие и ликвидация крупного военного заговора в Петрограде, организованного английским шпионом Поль Дюксом в период наступления Юденича (1919 год), раскрытие и ликвидация контрреволюционной организации «национального центра»,

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 155.

² Там же, стр. 214.

разгром подрывных планов польской и германской разведок, подавление контрреволюционных кулацких восстаний и бандитских выступлений — вся доблестная работа органов ВЧК в период гражданской войны 1919—1921 годов неразрывно связана с именами товарищей Дзержинского и Менжинского.

В условиях мирного социалистического строительства ВЧК была реорганизована в конце 1921 года в ОГПУ, которое под руководством Дзержинского и Менжинского так же твердо и последовательно продолжало борьбу с контрреволюционными заговорами, шпионами, диверсантами и вредителями, зорко охраняя советскую власть и диктатуру пролетариата.

Ленин очень высоко ценил тов. Менжинского за его беззаветную преданность делу пролетарской революции, за его кристальную чистоту, за его революционную непримиримость и беспощадность к врагам рабочего класса, за его острую революционную бдительность.

В своей борьбе против врагов рабочего класса тов. Менжинский проявлял громадную энергию, мужество и бесстрашие. Интересы пролетарской революции, благо народа были для него высшим законом. Но беспощадный к врагам, он проявлял огромную чуткость в отношении товарищей. Ленин очень часто обращался к Менжинскому, когда нужно было помочь кому-либо. Так, 25 июня 1921 года Ленин просил Менжинского помочь Алексею Максимовичу Горькому в вопросе об экспертной комиссии, созданной Советом труда и обороны в июне 1921 года для рассмотрения работ заграничного издательства.

«Горький, — писал Ленин Менжинскому, — был вчера у меня и говорил, что Вы обещали ему помочь по делу, кажется об Экспертной Комиссии... Помочь Горькому надо и быстро, ибо он из-за этого не едет за границу, а у него кровохарканье»¹.

После смерти Ф. Э. Дзержинского, с 30 июля 1926 года, Менжинский становится председателем ОГПУ. Всею своей кипучей деятельностью тов. Менжинский продолжал боевые традиции своего учителя, первого чекиста — Феликса Дзержинского.

Тов. Менжинский искусно разоблачал контрреволюцию, под какой бы маской она ни скрывалась. Под его руководством ОГПУ разгромило банду шахтинских вредителей, связанных с иностранными разведками, разгромило «Промпартию», которая представляла разветвленную шпионско-вредительскую организацию, уничтожило партию кулацкой контрреволюции — банду коцдратьевцев и чаянцев. Процессы эти уже тогда показали, что контрре-

волюционеры в своей вредительской, шпионской работе смыкались с подлыми предателями и изменниками — Бухариным, Рыковым и Томским.

В 1931 году ОГПУ разоблачило и разгромило вредительско-шпионскую организацию меньшевиков.

Подобно Дзержинскому Менжинский непримиримо боролся против всех и всяких уклонов от ленинизма, он был верным защитником генеральной линии большевистской партии Ленина—Сталина, преданным и верным ее сыном.

«Пять лет как нет Дзержинского, — писал в 1931 году тов. Менжинский. — Но живо его дело, живы его мысли, жива его тактика... он, честный, преданный и скромный в своем героическом величии партийный деятель, умел быть диалектиком в своей работе, научился диалектике в революционной борьбе, на каторге и ссылке, в партийном содружестве с Лениным и Сталиным — и он жив, он до сих пор оплодотворяет дело борьбы за коммунизм»².

Тов. Менжинский беспощадно вскрывал и разоблачал антипартийные, антисоветские, контрреволюционные дела презренных предателей и изменников — троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев. Не раз вскрывал он связи троцкистско-бухаринских шпионов, предателей и изменников с буржуазно-кулацкими контрреволюционерами.

Незадолго до XV съезда ВКП(б), в период ожесточенной борьбы с контрреволюционными троцкистами, на заседании объединенного Пленума ЦК и ЦК ВКП(б) в октябре 1927 года тов. Менжинский выступил со специальным сообщением, в котором разоблачал антисоветские, контрреволюционные махинации троцкистских шпионов, предателей и изменников, двурушнически рядившихся тогда в тогу «оппозиционеров».

Под руководством тов. Менжинского была раскрыта организованная троцкистами антипартийная, антисоветская нелегальная типография. Был установлен факт блока троцкистов с буржуазными контрреволюционными интеллигентами — Щербаковым, Тверским, Большаковым и др., а через них непосредственно связь с прямыми контрреволюционерами и бывшими колчаковскими офицерами — Костровым, Новиковым и др.

Сообщение тов. Менжинского на Пленуме имело решающее значение.

«Сообщение тов. Менжинского с показаниями арестованных, — сказал товарищ Сталин, — не оставляет никакого сомнения в том, что одна часть «работников» нелегальной антипартийной типографии

² В. Р. Менжинский «Два слова о Дзержинском». «Правда» от 20 июля 1931 года.

¹ Ленинский сборник XX, стр. 324. Подчеркнуто Лениным.

троцкистов связала, безусловно связана, с контр-революционными элементами из бело-гвардейцев. Пусть оппозиция попробует опровергнуть эти факты и документы»¹.

XV съезд ВКП(б) выбросил из рядов большевистской партии троцкистско-зиновьевских изменников.

Пламенный борец социалистического строительства, верный сын большевистской партии и советской власти, талантливый чекист В. Р. Менжинский был избран XV и XVI съездами ВКП(б) в члены Центрального комитета партии.

Менжинский также разоблачал антипартийные, контрреволюционные заговоры бухаринско-рыковских изменников, пытавшихся сорвать победоносное социалистическое строительство, пытавшихся добиться восстановления капиталистических порядков в нашей стране.

Стоя на боевом посту руководителя ОПУ, В. Р. Менжинский был грозой для всех и всяких врагов пролетарской диктатуры, и враги бешено ненавидели его.

Но советский народ окружал тов. Менжинского громадным уважением и любовью.

10 мая 1934 года В. Р. Менжинского не стало. Как теперь выяснилось, этот пламенный большевик был злодейски умышленно контрреволюционными бандитами из антисоветского «право-троцкистского блока» — фашистским агентом, изменником Ягодой и его сподручными — фашистами-врачами Левиным и Казаковым.

Со смертью В. Р. Менжинского большевистская партия, советское правительство и весь советский народ понесли тяжелую утрату.

Центральный комитет ВКП(б) выразил скорбь всего народа в своем извещении «о смерти виднейшего представителя старой большевистской гвардии, непримиримого революционера и борца, крупнейшего организатора и руководителя борьбы с контрреволюцией — председателя Об'единенного Государственного Политического Управления СССР товарища Вячеслава Рудольфовича Менжинского».

Огромна была скорбь всех трудящихся при вести о смерти горячо любимого тов. Менжинского. На последнее прощание с В. Р. Менжинским пришли в Колонный зал Дома союзов многотысячные массы трудящихся. С 9 часов утра до 10 часов вечера 11 мая 1934 года мимо гроба с прахом тов. Менжинского прошло свыше 160 тысяч человек.

Последнюю смену почетного караула у гроба тов. Менжинского несли товарищи

Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Куйбышев, Андреев, Микоян, Жданов.

Похороны В. Р. Менжинского состоялись на Красной площади 13 мая 1934 года.

Траурный митинг открыл тов. Жданов. Горячую речь произнес на митинге тов. В. В. Куйбышев, ярко обрисовав незабываемый образ Вячеслава Рудольфовича Менжинского, отдавшего 40 лет своей жизни революционному движению.

«Весь свой громадный ум, свои обширные знания, свои выдающиеся силы т. Менжинский отдал на охрану социалистической революции от внешнего и внутреннего врага. Он боролся, как ленинец. Он вскрывал и преследовал троцкизм, как контрреволюционную партию. Перед прахом т. Менжинского, — закончил свою речь тов. Куйбышев, — надо собрать все силы, сомкнуться теснее и идти дальше, вперед — на защиту социализма! Да здравствует революция! Да здравствует социализм!»².

Прах Вячеслава Рудольфовича Менжинского — стального чекиста, пламенного большевика, верного сына партии Ленина — Сталина — был похоронен в пантеоне пролетарской революции — седой кремлевской стене.

Органы НКВД, органы советской разведки, руководимые сталинским наркомом Н. И. Ежовым, доблестно продолжают боевые традиции Дзержинского и Менжинского.

Советская разведка разгромила змеиные гнезда троцкистско-бухаринских шпионов, террористов, диверсантов и провокаторов.

Перед всем человечеством разоблачены чудовищные злодеяния право-троцкистской банды.

Это они, троцкистско-бухаринские изверги, убили лучших сынов советского народа: С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького, — готовили убийства руководителей партии и правительства, стремились восстановить господство помещиков и капиталистов.

Имена троцкистско-бухаринских предателей и убийц навеки прокляты великим советским народом и мировым пролетариатом.

Память о великих сынах большевистской партии и советского народа — о тт. Кирове, Менжинском, Куйбышеве и А. М. Горьком — будет вечно жить в сердцах трудящихся всего мира, призывая к беспощадной борьбе против заклятых врагов коммунизма.

¹ И. Сталин «Об оппозиции», стр. 729,

² «Правда» от 14 мая 1934 года.

Дореволюционные годы Вячеслава Рудольфовича МЕНЖИНСКОГО

(Воспоминания)

1

Вячеслав Рудольфович Менжинский был сыном преподавателя истории. Дед его с материнской стороны тоже был историком. Этим, может быть, объясняется его увлечение историей и исторический подход к событиям, характерный для всей его деятельности. В раннем детстве он был задумчивым, не любившим шумных игр мальчиком. Дружил только с сестрами, и эта дружба прошла глубокой бороздой через всю его жизнь. В детские годы он особенно близок был с младшей сестрой Людмилой: они вместе играли, вместе слушали по вечерам рассказы матери, которая пересказывала им сказки, детские рассказы и художественные произведения. На ее столике всегда была какая-нибудь книга, из которой она черпала материал для вечерних рассказов. Она же научила их обоих читать, занималась с ними до самого поступления в гимназию и долго еще внимательно следила за их гимназическими занятиями. Начитанная и образованная, яркая общественница в молодости, одна из основательниц первого высшего учебного заведения для женщин, Бестужевских курсов, она не терпела обывателейщины, мещанства, компромиссов. Из глубины шестидесятых годов она вынесла горячую любовь к свободе, активное сочувствие к униженным и эксплуатируемым народам и классам. Болезнь не позволила ей непосредственно принять участие в борьбе, но взгляды ее оказали сильное влияние на слагавшееся мировоззрение детей.

С момента, когда Вячеслав Менжинский научился читать, в его жизни открылась новая страница: он начал поглощать все, что ему попадалось под руку: детские рассказы, исторические книги из шкафа своего отца, романы, газеты. Большое впечатление производили на него стихи. Лю-

бимым поэтом его в детстве был Лермонтов, позднее — Некрасов, которого он знал наизусть и любил декламировать. Он внимательно читал и изучал русских поэтов конца XIX и начала XX века, интересуясь не только содержанием, но и формой их произведений. С восьми лет он сам писал стихи, списывая ими целые тетради. Быть писателем казалось ему тогда высшим призванием человека.

Рано разбуженная чтением любознательность не находила себе пищи в классической гимназии, которая стремилась воспитать из молодежи покорных исполнителей царской власти. Преподаватели требовали не понимания предмета, а исключительно зубрежки. Гимназисты должны были выучивать учебники наизусть, это касалось и таких предметов, как история литературы. Сочинения писались для изощрения в формальном мышлении, всякое откровенно высказанное мнение преследовалось. Понятно, что в результате всего этого у любознательных юношей параллельно с гимназической шла другая жизнь. Часто можно было застать Вячеслава Менжинского в такой позе: на столе учебник, а на коленях совершенно посторонняя гимназическая учебная книга. Весь Достоевский, критики, полулегальные брошюры были прочтены таким образом. Сочинения Писарева, Добролюбова, Чернышевского, которые в то время были изъяты из обращения, передавались из рук в руки и продолжали оказывать свое влияние на молодежь.

Восьмидесятые годы прошлого столетия, в которые протекала гимназическая жизнь Вячеслава Менжинского, были годами реакции, безвременья, годами проповеди малых дел. «Исполняй свою работу, обслуживай свою семью и сиди тихонько в своем уголке, — твердила вся пресса, — старшие за тебя все обдумают». Самодержавие предприняло ряд шагов, чтобы восстановить крепостное право. Был введен институт земских начальников, имевших право пороть крестьян. Революционеры, если они не были заключены в тюрьмы и сосланы, уходили в глубокое подполье. Либералы из старшего поколения твердили о достижениях так называемой эпохи великих реформ, обращая свои взгляды назад. Требовалась большая вдумчивость, чтобы разобраться в этих вопросах и найти звено, за которое можно было ухватиться.

Менжинского возмущали лицемерные речи, которыми самоуслаждались либералы, в которых они хотя и задевали остроумно правительство, но намеренно не затрагивали основ существующего общества. Его мучила социальная несправедливость. Он часто думал об уходе из семьи, где он все же пользовался некоторыми привиле-

ниями сравнительно с крестьянами и рабочими, но в конце концов решил остаться и продолжать учение, считая, что принесет больше пользы народу, если станет служить ему, приобретя необходимые знания.

В старших классах гимназии были ученики, интересовавшиеся социальными проблемами и организовавшие в кружки для изучения социальных вопросов. Менжинский вел один из таких кружков, в котором были объединены учащиеся различных гимназий. Занятия эти требовали от руководителя большой подготовки и заставляли глубоко продумывать основные вопросы, так как члены кружков были очень активны и засыпали руководителя вопросами и возражениями. В последних классах гимназии под влиянием талантливого преподавателя древних языков Вячеслав Менжинский усиленно работал над усвоением классических языков и таким образом положил основательный фундамент своим дальнейшим лингвистическим занятиям. Чтение античной литературы осталось до конца жизни одним из любимых его занятий. Мною времени он посвятил и математике, что дало ему впоследствии возможность самостоятельно заниматься высшей математикой.

После блестящего окончания гимназии в 1893 году Вячеславу Менжинскому предстояло решить, какое высшее учебное заведение даст ему возможность выбрать работу по душе. Больше всего его прельщало быть врачом. Врач по своему положению в то время мог ближе подойти к рабочим на заводе или к крестьянам в деревне. Он не осуществил этого намерения, но даже в последние годы своей жизни жалел, что не занялся вплотную медициной, перед которой стояло и стоит столько неразрешенных вопросов.

Однако стремление изучать социальные науки заставило его предпочесть юридический факультет Петербургского университета. Университет сравнительно с гимназией предоставлял молодежи больше свободы в деле изучения науки. Исчезло мелочное наблюдение за каждым шагом, студент мог посещать лекции на любом факультете, мог заниматься самостоятельно и был связан только обязательством — вовремя сдавать зачеты. На юридическом факультете был ряд хороших профессоров, в увлекательных лекциях знакомивших студентов с достижениями буржуазной юридической науки.

Менжинский посещал лекции и на других факультетах: химия, физика, анатомия, психология привлекали его внимание. Но скоро он перенес свои занятия из стен университета главным образом в публич-

В. Р. Менжинский-гимназист. 1884—1885 годы.

ную библиотеку, где поглощал целые кипы книг. Он читал чрезвычайно быстро; все наиболее интересные книги конспектировал или писал на них возражения. Впоследствии, когда у него составила своя библиотека, он испещрял поля книг заметками, ироническими восклицаниями, вопросительными и восклицательными знаками.

Между ним и сестрой Людмилой шла соревнование, кто больше прочтет книг за год. Оба соревнующиеся в конце учебного года выложили по кипе книг. Кипа сестры оказалась выше, но Вячеслав спокойно предъявил длинный список книг, прочитанных в публичной библиотеке. Победа осталась за ним.

Студенческие годы Вячеслава Менжинского совпали с периодом дискуссий, которые вели легальные народники и марксисты. Вопросы о рынках, о роли капитализма, о крестьянстве и общине, о том, имеет ли капитализм будущее в России или ей предстоит перепрыгнуть прямо в царство социализма, очень волновали молодежь. В Вольно-экономическом обществе устраивались дискуссии на эти темы. На докладе Туган-Барановского марксисты одержали верх, доказав существование капитализма в России.

Во время этих докладов приходилось говорить эзоповским, условным языком. Более ясно и резко высказывались в кружках и на больших студенческих собраниях,

В. Р. Менжинский.

1900 год.

где бывали студенты всех типов учебных заведений. Здесь раздавались революционные речи. Конечно, шпики проникали несмотря на конспиративные приемы устройств и доносили кому следовало. И часто бывало, что выступивших ораторов впоследствии не досчитывались.

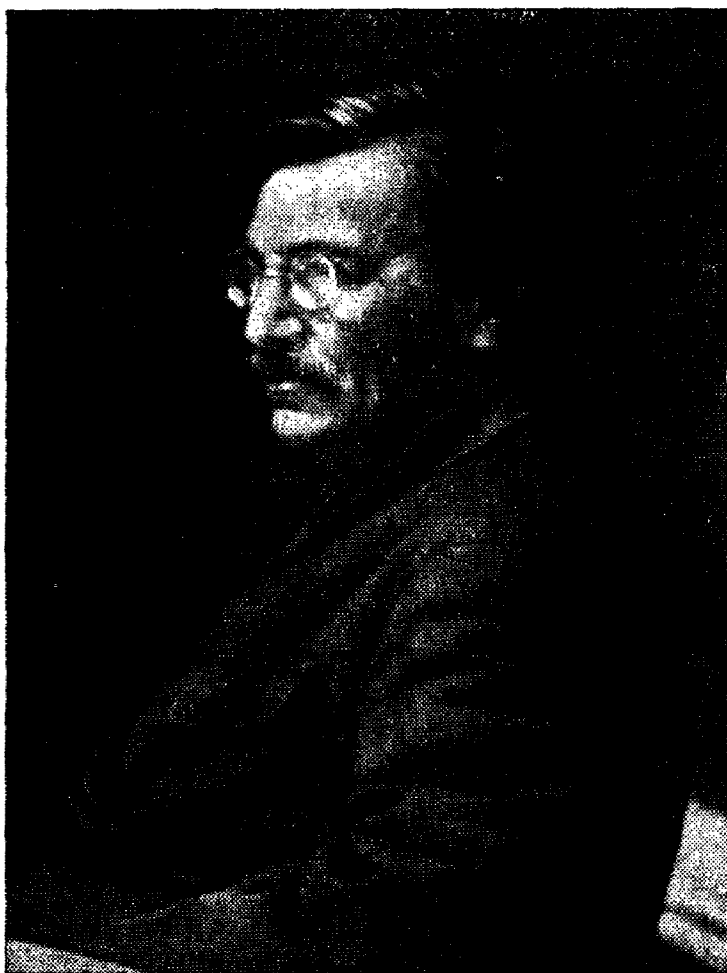
На этих собраниях происходили схватки между представителями различных партий, но так как собиралось лишь революционно настроенное студенчество, то основным мотивом была жгучая ненависть к существующему режиму, к царизму, к бюрократии, к эксплуататорам. Вечера носили характер митингов. Более глубокая проработка волнующих вопросов шла в кружках. Так, в одном из кружков по политической экономии, в котором участвовал Менжинский, изучали историю каждой экономической проблемы начиная с Адама Смита и кончая Марксом. Усилился среди молодежи интерес к социал-демократии. Менжинский перевел для общего пользования с немецкого языка на русский Эрфуртскую программу и отчеты об Эрфуртском съезде.

Изучение Маркса, главным образом его «Капитала» и работы «К критике политической экономии», оставило на всю жизнь глубокий след на мировоззрении Менжинского и определило его принадлежность к большевистскому крылу социал-демократической рабочей партии.

Наряду с разработкой вопросов полити-

ческой экономии Менжинский заложил основательный фундамент по изучению юридических и исторических наук и сильно увлекался высшей математикой. К тому же периоду относится начало его интенсивных занятий языками. Он интересовался японским, а затем китайским языками и стал изучать их самостоятельно. Будучи эмигрантом, он посещал восточный факультет Сорбонны и овладел этими языками настолько, что мог читать книги как древних философов, так и современные романы и газеты. Наряду с этими языками Менжинский не оставлял своих занятий европейскими языками. За французским и немецким последовали английский, финский, польский, чешский и другие славянские языки, затем датский, норвежский, шведский, испанский, итальянский. В общем он знал девятнадцать языков. Если считать, что изучение языков он начал со времени поступления в гимназию, то окажется, что на овладение каждым языком у него уходило года три. Но, конечно, подсчет этот очень приблизительный, так как иногда он занимался несколькими языками сразу, и бывали годы, когда при всей трудоспособности Менжинского ему приходилось оставлять изучение языков надолго. На многих из этих языков он мог говорить, на всех — читать научные книги и беллетристику. Так, он читал Гегеля по-немецки, Шекспира — по-английски, Ибсена — по-шведски, Якобсена — по-датски. На всех этих языках он следил за прессой.

В бытность свою заместителем и председателем ВЧК — ОГПУ Вячеслав Рудольфович начинал свой день с просмотра десятков газет на всех языках. Его кровать и весь пол около кровати ежедневно покрывались прочитанными и просмотренными газетами. Если прибавить к этому чтение изо дня в день телеграмм ТАСС и других агентств, то делается понятной его глубокая осведомленность в международной конъюнктуре, знание экономического и политического положения европейских и внеевропейских стран. В ряде стран (Финляндии, Бельгии, Швейцарии, Италии, Англии, Америке, Германии и особенно во Франции) он жил подолгу и имел возможность доскопально изучать прессу и литературу этих стран. У него была своя система изучения иностранных языков: он брал книгу в подлиннике и близкий перевод на русский или на созвучный оригиналу язык и вначале читал, не прибегая к словарю. Словарь появлялся вместе с грамматикой уже во второй стадии изучения. Затем он читал все новые и новые книги, возвращаясь иногда к прочитанной для лучшего усвоения.

В. Р. Менжинский.

1933 год.

Первое время по окончании университета, в 1898 году, Вячеслав Рудольфович работал в суде, потом в качестве помощника присяжного поверенного. Одновременно он преподавал историю в Смоленских классах для рабочих, за Невской заставой, на тракте, как тогда назывался проспект, тянувшийся между заводами, вдоль Невы, по направлению к Шлиссельбургу. Это было предместье, сплошь застроенное крупнейшими заводами и заселенное исключительно рабочими. Долгое время оно не имело никакого культурного центра. Наконец, благодаря энергии нескольких преподавателей и присоединившегося к ним заводчика-радикала Варгунина была создана вечерняя воскресная школа для рабочих, которая привлекала к себе в качестве учителей радикально настроенную студенческую молодежь и передовое учительство. В 1899 году, когда там начал работать Вячеслав Рудольфович, число учащихся в этой школе и филиалах (в школе для женщин-работниц и школе близ Обуховского завода) превышало 1300 человек; число преподавателей равнялось 100. Рабочие приходили с очень разнообразной подготовкой: были и чрезвычайно начитанные и совершенно неграмотные. Поэтому они разделялись на много групп, которые занимались в разных классах. Занятия шли вечерами и по воскресеньям. Народу набиралось так много, что от духоты гасли лампы, и даже зимой приходи-

лось заниматься при открытых форточках. Состав преподавателей был очень пестрый. Были чистые культурники, боявшиеся преступить букву закона, чтобы не повредить школе, не подвести ее под закрытие. Более левая часть преподавателей, к которой принадлежал Менжинский, стояла за самовольное расширение рамок преподавания, за ведение революционной пропаганды под флагом разрешенных предметов, за использование помещения школы для партийных целей. Школа за Невской заставой давала возможность на легальной почве близко подойти к питерским рабочим.

Эти же годы были годами усиленной литературной работы Менжинского. Напечатаны были только один рассказ и роман, в котором он изображал переход культуртрегера к революционной деятельности. В романе он описал довольно мрачными красками школу за Невской заставой.

2

В 1902 году Менжинский вступил в партию.

В 1903 году он переехал в Ярославль на работу при строительстве Вологодско-Вятской железной дороги. Будучи членом Ярославского комитета партии, он занимался пропагандой и агитацией и проводил большую работу с пропагандистами и агитаторами, повышая их квалификацию путем докладов и бесед. Одновременно он работал в имевшей тогда большое значение газете «Северный край».

В 1906 году Вячеслав Рудольфович возвратился в Петербург и работал сначала районным пропагандистом, затем членом Военного комитета и одним из редакторов газеты «Казарма». Время было чрезвычайно горячее. Пропаганда в войсках велась почти открыто, конспирация отсутствовала. Пленумы военной организации устраивались на дачах без всяких предосторожностей.

Летом 1906 года восстания возникали одно за другим: сначала вспыхнуло кронштадтское, затем свеаборгское (порт близ Гельсингфорса). Решено было выпустить обращение к войскам о поддержке свеаборгского восстания и экстренный номер «Казармы». Для обсуждения организационных вопросов в окончательной редакции воззвания 20 июля была созвана расширенная редакция «Казармы» с представителями Военного комитета.

Собрались на квартире одного из комитетчиков. Нагрянула полиция с обыском, с ордерами на арест собравшихся. Один из представителей района заметил засаду и расставил по прилегающим улицам патрули, которые должны были предупреждать

приходивших о засаде. Но основные работники были уже налицо. Написать воззвание было поручено Менжинскому. Так как из предыдущих собраний очень жаловались на неразборчивость его почерка, то на этот раз он написал воззвание крупными буквами и через строчку. Вышла объемистая тетрадь.

Не успел он раскрыть ее, как появилась полиция. Большинство присутствующих стало спешно уничтожать документы, бросая клочки на пол, полиция кое-что удалось подобрать. Но разорвать целую тетрадь было невозможно. Сохранить ее — значило подвести под суровую кару не только себя, но и всех присутствующих. Менжинский, как бы подготавливаясь к личному обыску, хладнокровно снял с себя сюртук, предварительно засунув тетрадь во внутренний карман и, аккуратно сложив, повесил на спинку стула. После продолжительного обыска всем присутствующим было предложено одеваться. В суматохе сюртук остался незамеченным.

Всех рассадили по каретам, посадив с каждым по городовой. Тот городовой, который ехал с Менжинским, слышал, как он назвал себя Диковским, — первая фамилия, которая пришла ему в голову, дать же настоящую фамилию он не хотел, чтобы не вызвать обыска у сестер. Он знал, что у них в этот день для обсуждения того же вопроса, о свеаборгском восстании, было назначено заседание большевистского центра, на котором должны были быть Ленин, Крупская, Иннокентий и ряд других товарищей.

В карете городовой подвинулся к Менжинскому и, улыбнувшись, спросил: «Вы из каких же это Диковских, не из рязанских ли? Недалеко от нашей деревни хороший помещик Диковский жил...»

Обрадованный этой неожиданной удачей, Менжинский подтвердил свое «рязанское» происхождение. Поддакивая разговаривавшемуся собеседнику, расспрашивая его о деревенских делах, Менжинский сказал, что ему очень душно, и попросил спустить окно кареты.

— Не дозволено... Да уж как вы из Диковских...

Окно было спущено, и моментально из открытого окна вылетела тетрадь с воззванием. Увлеченный воспоминаниями о деревне, городовой даже не заметил этого.

В предварительном заключении Менжинский пробыл несколько месяцев. Выпущенный после 13-дневной голодовки на поруки до суда, он бежал за границу.

Полгода Менжинский провел в Финляндии, а затем, по предложению большевистского центра, выехал через Гельсингфорс

за границу. Первое время он жил в Брюсселе, где наблюдал партийную и профессиональную жизнь Бельгии. Его поразило отнюдь не революционное, самоудовлетворенное настроение рабочих организаций Брюсселя.

Из Бельгии Менжинский переехал в Швейцарию: сначала в Цюрих, затем, по вызову редакции «Пролетария», — в Женеву. Вместе с редакцией «Пролетария» он переехал затем в Париж. Здесь наряду с работой в редакции он имел возможность бывать в публичной библиотеке, посещать лекции в Сорбонне, различные собрания рабочих организаций. Он написал большой роман из жизни «военки» (к сожалению, все его рукописи и книги остались в Париже). От времени до времени Вячеслав Рудольфович находил возможность работать в художественных и скульптурных мастерских. С группой товарищей он предпринял путешествие пешком из Швейцарии в Италию. Так как денег ни у кого не было, то пристанище на ночь они часто находили в крестьянских сараях и на сеновалах. Даже итальянские трактирчики были для них слишком дороги; питались они всю дорогу всухомятку. Наконец, дошли до Рима. Впечатление от искусства Рима, даже после художественных музеев Парижа и всего виденного раньше Менжинским, было ошеломляющее.

Вернувшись в Париж, он продолжал изучение по первоисточникам истории Франции, в особенности истории французской революции. Только последние два — три года в эмиграции Менжинский имел заработок. В общем же жизнь в эмиграции была тяжелой, полной лишений, и особенно тяжелы были оторванность от родины и неуверенность в возможности когда-нибудь вернуться туда.

Вернуться в Россию Менжинскому удалось только в 1917 году, уже после июльских дней. С момента приезда Менжинский с головой окунается в горячую работу по подготовке вооруженного восстания. Менжинский работал в «военке», был членом редакции газеты «Солдат», вел огромную агитационную и пропагандистскую работу.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции партия направляла Менжинского на ряд ответственных и трудных участков работы, требующих той громадной политической выдержанности и дисциплинированности, той неуклонной бдительности и революционности, той беззаветной преданности делу революции, которыми в полной мере обладал Вячеслав Рудольфович Менжинский. За эти свойства его высоко ценила партия, Ленин и Сталин, за это его горячо любил великий советский народ.

А. Фохт

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ НА УРОКАХ ИСТОРИИ

1

Выступая на Первом всесоюзном совещании работников высшей школы 15 мая 1938 года, тов. В. М. Молотов в своей речи «О высшей школе» особенно выделил значение идейно-политического воспитания. «Мы, большевики, считаем,—говорил тов. Молотов,—что верным компасом в исторических событиях может служить ленинизм, раскрывающий их действительную сущность. Овладеть ленинизмом—в этом важнейшая задача работников высшей школы, в этом важнейшая задача советского студенчества». И далее: «Без усвоения такого учения, как марксизм-ленинизм, освещающего генеральный путь исторического развития, раскрывающего смысл современных событий, нельзя быть сознательным участником исторических событий нашего времени». (Разрядка моя — А. Ф.).

Громадное значение преподавания гражданской истории в школах СССР как раз и заключается в том, что оно помогает раскрыть генеральный путь исторического развития и подготавливает учеников к сознательному усвоению ленинизма — великого учения Ленина — Сталина.

Мы живем в обстановке напряженной борьбы двух систем: системы социализма, господствующей в СССР, и системы капитализма, господствующей в остальных странах. Фашизм — это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала — стремится к войне против СССР. Товарищ Сталин в своем ответе тов. Иванову писал: «Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застичь нас врасплох».

Преподаватели гражданской истории должны использовать все средства для выполнения этой чрезвычайно важной и от-

ветственной задачи. Для этого нужно, во-первых, всячески развивать горячее стремление нашей молодежи защищать свою прекрасную социалистическую родину. Нужно при изучении истории уделять большое внимание фактам героической борьбы народа за независимость своей страны и особенно изучению истории революций и гражданской войны в СССР.

Во-вторых, на уроках истории необходимо разоблачать обман и предательство со стороны господствующих классов, ту маскировку и те приемы, к которым они прибегают для того, чтобы скрыть от трудящихся свое истинное разбойничье лицо, свои захватнические планы.

Наконец, в-третьих, для этой цели необходимо на уроках истории показать героическую вооруженную борьбу трудящихся против своих эксплуататоров в революциях и гражданских войнах прошлого.

Часто можно встретить указание, что политическое воспитание будто бы возможно только на материале истории нового времени, с того момента, как началась классовая борьба индустриального пролетариата. Это глубоко неверно, как показывает опыт.

Возьмем историю древней Греции. Излагая историю греко-персидских войн, учитель должен прежде всего указать, что они были попыткой отсталой страны (Персии) подчинить себе самый передовой и культурный народ того времени (греков). Несмотря на господствовавшее в Греции рабовладение борьба греков за свою независимость носила прогрессивный характер. Афинская демократия привела к расцвету (в V—IV веках до нашей эры) культуры древней Греции, ставшей на долгие столетия образцом для всех стран и народов. Но нужно при этом подчеркнуть классовый рабовладельческий характер тогдашней греческой культуры, чтобы учащиеся не идеализировали древнюю Грецию. Рабовладельческий характер греческой демократии можно вскрыть, указав, что в демократических Афинах среди свободных граждан, господствовало отношение к труду как к делу, недостойному свободного человека. При подлинной же социалистической демократии

в СССР, труд есть дело чести, доблести, славы и геройства, труд есть обязанность всех граждан СССР. Пренебрежительный взгляд на труд—это взгляд рабовладельцев.

Для того чтобы показать ограниченность даже передовой афинской культуры, можно остановиться на том, что и в Афинах всечески преследовалось безбожие. Следует привести пример процесса Сократа, который был присужден к казни, в частности за свое отрицание традиционных богов.

Далее, учитель обращает внимание учеников на напряженную классовую борьбу, которая развертывалась в древней Греции. Он делает элементарный, доступный пятиклассникам, анализ событий того времени и приводит учащихся к выводу о классовой основе рабовладельческой культуры. Древнегреческие граждане относились с презрением не только к рабам: они свысока смотрели на все народы, говорившие на других языках, объединяя их под общим презрительным названием «варваров». Даже наиболее передовым представителям того времени было абсолютно чуждо чувство интернациональной солидарности. Наоборот, каждый грек был уверен, что только его город (полис) является лучшим городом-государством в Элладе.

Изучая с учениками события древнегреческой истории, мы воспитываем в них понимание классового характера тогдашнего строя. Ученики должны знать, что и демократия Афин, и аристократия Спарты, и монархия Филиппа Македонского имели одну и ту же классовую базу, а именно—рабовладение. На учащихся всегда производит громадное впечатление указание на то, что на одного свободного гражданина в Афинах приходилось примерно десять рабов, за счет эксплуатации которых он существовал.

В результате анализа истории всех государств древнего мира, изучаемых в 5-м классе (Египет, Междуречье, Греция), учитель подводит учеников к тому обобщению, которое дает Ленин в своей лекции «О государстве». «В рабовладельческом государстве,—пишет Владимир Ильич,—мы имеем монархию, аристократическую республику или даже демократическую республику. В действительности формы правления бывали чрезвычайно разнообразны, по сути дела оставалась одна и та же: рабы не имели никаких прав и оставались угнетенным классом, они не признавались за людей»¹. Задача преподавателя заключается в том, чтобы дать это чрезвычайно важное обобщение марксизма-ленинизма в форме, доступной пониманию пятиклассников.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 370.

В VI и VII классах в 1938—1939 учебном году учащиеся будут изучать историю древнего Рима. История эта полна войн; среди них выделяются три крупных войны: пунические войны, в частности поход Ганнибала в Италию, война рабов под предводительством Спартака против Рима и завоевание Галлии Юлием Цезарем. На военной истории Рима, как показал опыт, можно провести чрезвычайно важную политико-воспитательную работу.

Пунические войны были войнами двух крупнейших тогдашних рабовладельческих государств из-за господства на Средиземном море. Но Рим по сравнению с Карфагеном был более прогрессивным государством и имел лучшую военную организацию, поэтому он вышел из этой борьбы победителем. Рим вышел победителем, несмотря на то что у Карфагена был такой талантливый полководец, как Ганнибал, который проделал выдающийся поход из Испании в Италию через Альпы и уничтожил всю римскую армию при Каннах. Рим в то время был еще республикой с демократическим строем, опять-таки рабовладельческим. Римский народ в войне против Ганнибала, в частности римские крестьяне, боролся за свою независимость. Для карфагенских же наемных войск поход Ганнибала не носил характера борьбы за родину. В этом главная причина поражения Карфагена.

Переходим к войне Рима против Спартака, в которой Рим выступал уже как открыто контрреволюционная сила, охраняя господство рабовладельцев. В этой героической войне рабов против своих поработителей революционной силой являлись рабы. Впоследствии именно революция рабов и уничтожила Римскую империю. На уроке о восстании Спартака учитель должен подробно остановиться на военной организации восставших, на сознательной дисциплине войска Спартака, на интернациональном характере армии рабов, в которой была уничтожена национальная рознь. Нужно также подчеркнуть замечательный военный талант Спартака и его героическую храбрость. Только вследствие измены и предательства части подкупленных рабов Риму удалось подавить великое восстание спартаковцев.

На последнем обстоятельстве, на предательской, подрывной работе римских шпионов в стане восставших рабов, следует остановить внимание учащихся.

Третья война—завоевание Галлии талантливым полководцем Юлием Цезарем—является типично завоевательной со стороны Рима. В этой войне предки совре-

менных французов, галлы, боролась за свою независимость. И мы понимаем, почему вождь галлов в этой войне Верцингеторикс и до сего времени считается одним из национальных героев Франции. Ему сооружен памятник в Алезии, где он потерпел поражение и был взят в плен Цезарем, после чего Галлия и потеряла свою независимость. В этой войне на стороне Рима было политическое и военно-техническое превосходство, и это обусловило его победу над разрозненными галльскими племенами, боровшимися за независимость. Объединение галлов, созданное Верцингеториксом, было еще слишком слабо, чтобы противостоять централизованному Риму.

Таким образом, на детальном разборе и обобщении трех качественно различных войн, которые вел Рим, можно провести чрезвычайно важную политико-воспитательную работу.

Изучение этих римских войн учит ребят конкретно подходить к каждой войне, определять прежде всего ее классовую сущность и отсюда уже выводить свое отношение к ней. Об этом писал Ленин: «Выяснение характера войны является для марксиста необходимой предпосылкой, чтобы решить вопрос о своем к ней отношении. Для такового же выяснения необходимо, прежде всего, установить, каковы объективные условия и конкретная обстановка данной войны»¹.

Проходя историю Рима, учителя останавливаются также на национальной политике Рима, на его принципе — раздай и властвуй, — который лежит в основе и современной национальной политики буржуазных государств.

Изучение тем о гибели Рима вследствие революции рабов и о возникновении на его развалинах крепостнического общества подводит учеников к пониманию значения революций рабов в мировой истории. При этом очень важно усвоить то обобщение о революциях рабов, которое сделал товарищ Сталин в своей «Речи на I съезде колхозников-ударников»².

Изучение войн имеет еще и то громадное воспитательное значение, что именно в военном деле наиболее ярко проявляется зависимость техники от экономики, наиболее быстро отражаются изменения в классовой структуре общества. Об этой зависимости военной техники от экономики писал Энгельс в «Анти-Дюринге» (II отдел. Гл. III. «Теория насилия»). Поэто-

му при изучении войн на протяжении всей истории учитель обращает внимание учащихся на зависимость армии от классовой структуры данного общества, на зависимость военной техники от развития промышленности.

3

В VIII классе в 1938—1939 учебном году учащиеся будут проходить вторую часть истории средних веков. Гуситские войны XV столетия являются типично крестьянскими войнами. Поднявшиеся чешские крестьяне восстали против феодальной крепостнической монархии. Крестьянская пехота под руководством Яна Жижки наносила поражение за поражением тяжелой рыцарской коннице. Этим было положено начало созданию пехоты и артиллерии, которые вскоре стали основными видами буржуазной армии.

Помимо чисто военных вопросов, о которых сказано выше, судьба гуситских войн ярко показывает основную причину поражения всех без исключения прежних крестьянских войн, именно отсутствие пролетарского руководства. Исторически типична измена чешской буржуазии, которая сперва было присоединилась к восставшим крестьянам, пытаясь использовать крестьянскую войну в своих классовых целях, а затем повела переговоры с германским императором и предала восставших. Диверсионно-шпионские методы германских императоров XV столетия очень схожи с методами современных фашистов. Против восставших чешских крестьян совместно с немецкими феодалами выступали международные псы-рыцари, призванные папой римским на Крестовый поход против чешских крестьян. Этот факт дает возможность учителям снова показать учащимся реакционную роль церкви.

Курс истории средних веков дает громадный материал для антирелигиозной работы. Бесчисленные сожжения еретиков, преследование святейшей инквизицией свободной науки, сожжение великого ученого Джордано Бруно, чешского патриота Яна Гуса, тюремное заключение Галилея и Кампанеллы, бесчисленные списки запрещенных книг — все это используется учителем для антирелигиозного воспитания учеников.

При изучении английской революции XVII столетия необходимо обратить внимание учеников на то, что революционная английская армия «крутлоголовых» во главе с Кромвелем создала новую военную

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 49.

² См. И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 527.

тактику благодаря которой она и разгромила сторонников реакции. При изучении революции в Англии в XVII столетии необходимо указать ученикам на то, что французская монархия всячески помогала английским роялистам в их контрреволюционных заговорах и мятежах. Французский абсолютизм помогал английским контрреволюционерам и деньгами и оружием и т. п.

В курсе «Новой истории» (VIII класс) большое воспитательное значение имеет изучение французской буржуазной революции 1789 — 1794 годов. Одним из ярких эпизодов ее было участие марсельцев во взятии Тюильри — королевского дворца в Париже. Рассказ учителя о марсельском батальоне волонтеров показывает ученикам новый классовый состав армии революционной Франции. Вместо дворян-офицеров и пехотинцев — наемных солдат — народ в своем революционном подвиге создал в 1792—1793 гг. народную армию из крестьян и ремесленников. В своей «Марсельезе» эта армия обращалась с пламенным призывом к народу образовать батальоны против кровавых тиранов, стремившихся задушить революцию. Французская революция создала и новую армию и новую военную тактику, которые привели в скором времени к победе революции над контрреволюционной Европой. «Мир хижинам, войну дворцам» несли эта армия на остриях своих штыков. Только революция дала возможность выдвинуться целому ряду блистательных военных талантов. При королевской власти ни один выдающийся военачальник не имел никаких шансов сделать военную карьеру, если он не был дворянином, так как при старом режиме во Франции командирами могли быть только дворяне.

Но как только французская буржуазия с помощью революции добилась своего господства, она тотчас изменила революции и предала ее. Могильщиком революции явился Наполеон I.

Изучение французской буржуазной революции 1789 г. должно дать учащимся конкретное представление о всей глубине различия между французской революцией (буржуазной революцией) и Октябрьской социалистической революцией в России. Чтобы уяснить учащимся это различие, учителя должны обратить внимание учеников на рабочую политику французской революции (запрет союзов и стачек) и буржуазный способ разрешения аграрного вопроса.

Далее, ученики усваивают то важное обобщение, что успех революции прямо зависел от непосредственного участия масс в революции. В частности учитель отме-

чает, что армия санкюотов, которая взяла в августе 1792 г. Тюильри и уничтожила монархию, состояла в своем подавляющем большинстве из плебейских элементов Парижа. Много материала изучение французской революции 1789 г. дает также для антирелигиозного воспитания учащихся как ее политикой в области религии, так и разоблачением роли католического духовенства в заговорах против революции.

Изучение французской буржуазной революции 1789 г. дает возможность вскрыть перед учениками диверсионную, подрывную работу Англии, которая всячески помогала роялистам, в частности шуалам, засылала шпионов и диверсантов, печатала и распространяла во Франции фальшивые ассигнации с тем, чтобы подорвать курс франка.

При изучении дальнейших тем «Новой истории» нужно показать возникновение промышленного пролетариата, начало его классовой борьбы против буржуазии. Выделяются такие всемирноисторические события, как里昂ское восстание ткачей 1831 г., чартизм, которые дают возможность учителям еще резче замечать в сознании учеников коренную противоположность между пролетарской социалистической революцией и буржуазной революцией. Для этого особенно важно изучение июньского восстания парижских рабочих в 1848 году. Особенно выделяется учителями вопрос о возникновении революционной теории пролетариата — научного коммунизма, созданного Марксом и Энгельсом. Изучение французской революции 1830 и 1848 гг. и английской парламентской реформы 1832 г. еще раз дает учителям возможность показать предательство буржуазии по отношению к народу.

4

Из курса истории СССР в VIII классе практика преподавания выделяла следующее.

При изучении монголо-татарского ига учителя с помощью учебника под редакцией профессора А. Шестакова добились ясного понимания учащимися того, что коренной причиной монголо-татарского завоевания Руси была ее феодальная раздробленность, в силу которой народ не в состоянии был отразить нашествие. Учителя также особо отмечают и подчеркивают, что именно в момент нашествия монголо-татар русский народ отразил две другие попытки поработить его: со стороны шведов, разбитых Александром Невским в 1240 г., и немецких крестоносцев, разбитых им же в 1242 г. на Чудском озере.

Уже тогда намечалось совместное нападение и немцев и монголов на Россию.

Вся история СССР дает материал для воспитания любви к нашей социалистической родине. Особо выделяется борьба русского народа против польской и шведской интервенции в XVII столетии, закончившейся изгнанием поляков из пределов России. Во главе этого могучего народного движения стояли Минин и Пожарский. При изучении неудачных войн Москвы в XVI — XVII столетиях надо указать, что основной причиной поражений была отсталость Московского государства (экономическая, техническая, политическая и культурная) и что перед Русским государством стояла задача преодоления этой отсталости, так как в противном случае ему угрожала гибель. В частности и в особенности нужно было преодолеть военную отсталость. Это было сделано Петром I.

Время Петра I входит уже в курс истории СССР в IX классе. Разгром шведов в результате 20-летней великой северной войны обеспечил независимость русскому народу. За изменником Мазепой пошла только небольшая кучка предателей, весь же украинский народ боролся совместно с русским народом против нашествия шведов. Этот момент дает возможность снова разоблачить диверсионно-изменнические методы врагов.

Учителя при этом напоминают о предательстве украинских буржуазных националистов во время войны 1914 — 1917 гг. и во время гражданской войны (петлюровщина и разоблаченные фашистские, украинские буржуазные националисты, входившие в антисоветский «право-троцкистский блок»).

Громадное воспитательное значение имеет изучение бирюзовщины, принесшей русскому народу неслыханное порабощение и угнетение.

Очень большое значение имеет также изучение войны 1812 года. Славная борьба всего русского народа против иностранных завоевателей и бесславный разгром «великой армии» Наполеона дают громадный материал для политического воспитания учащихся. Учителя отмечают, что если задавленный рабством русский народ смог в 1812 г. разгромить лучшую армию того времени, то можно себе легко представить, что ждет всякого, кто посмеет посягнуть на свободу народов СССР. Важно также отметить, что только силой русских солдат Германия, порабощенная Наполеоном, была освобождена в 1813 г. от этого позорного ига. Немецкие фашисты очень не любят вспоминать тот факт, что когда в Москву после войны 1812—1815 гг. приехал прусский король Фридрих-Вильгельм III, то он земно поклонился Москве и рус-

скому народу за освобождение Пруссии от ига французов.

Героизм русских солдат и матросов не смог спасти Севастополь, который пал вследствие страшной отсталости царской России. На примере севастопольской осады учителя показывают ученикам неразрывную связь военной отсталости с общей отсталостью страны. Под стенами Севастополя была окончательно бита истинно немецкая крепостническая военная система Фридриха II.

Эту устаревшую фридриховскую крепостническую военную систему усиленно насаждали цари Павел I, Александр I и в особенности Николай I.

Политическая отсталость сказалась и в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и в особенности в дипломатическом поражении царской России на берлинском конгрессе.

При изучении истории СССР в IX классе учителя ставят во главу угла борьбу крестьян за уничтожение крепостного права и рабочее движение в России. Уже первые рабочие организации России — «Южно-Российский Рабочий Союз», «Северо-Русский Союз Рабочих» — отводили рабочему движению самостоятельную роль. Особенно важно отметить то, что уже эти рабочие организации стали под идейное знамя международного рабочего движения — под знамя социал-демократии.

Исключительно большое значение в воспитательном отношении имеют темы о В. И. Ленине и И. В. Сталине. В этих темах учителя рядом фактов иллюстрируют слова товарища И. В. Сталина о Ленине — корифее современной науки. Педагоги приводят учащихся к осознанию того, как глубокий научный анализ истории России дал возможность Ленину и Сталину наметить стратегический план нашей революции и бороться за его осуществление.

Основной воспитательной задачей курса «Новой истории» в IX классе является изучение борьбы рабочего класса за социалистическую революцию и руководящей роли Маркса и Энгельса. Одновременно учителя разоблачают прислужников буржуазии, ее агентуру в рабочем движении, оппортунистов всех видов. Учителя рассказывают о непримиримой борьбе Маркса и Энгельса за социалистическую революцию, за диктатуру пролетариата, за пролетарскую партию. На конкретных фактах необходимо показать, как Маркс и Энгельс уточняли свое учение о диктатуре пролетариата на основании исторического опыта, в частности на основе опыта Парижской коммуны. Ученикам нужно объяснить причины того, что, как пишет товарищ И. В. Сталин, «между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и

между Лениным — с другой, лежит целая полоса безраздельного господства оппортунизма II Интернационала, беспощадная борьба с которым не могла не составить одной из важнейших задач ленинизма»¹.

В IX классе в курсе «Новой истории» учителя особенно выделяют героическую борьбу парижских рабочих против пруссаков во время осады Парижа, героическую борьбу всего французского народа против прусского нашествия. Следует остановиться на роли французских партизан, или вольных стрелков, как их называли, в этой борьбе против чужеземных захватчиков. И как полную противоположность героизму французских рабочих надо показать предательство и измену французской буржуазии, которая заключила позорный, бесчестный франкфуртский мир со своим врагом, чтобы обрушиться вместе с ним на геройских парижских коммунаров. Защита независимости республиканской Франции рабочими и крестьянами, с одной стороны, и измена и предательство буржуазии, с другой стороны, — таковы уроки войны 1870 — 1871 года.

Учителя подробно останавливаются на героической революционной борьбе итальянского народа за свое национальное воссоединение под руководством Джузеппе Гарибальди как на ярком примере революционного метода национально-освободительной борьбы. Затем, в виде контраста, они показывают на династическое разрешение воссоединения Италии, проведенное Кавуром. Следует также остановиться на воссоединении Германии, проведенном Бисмарком, кровью и железом².

Товарищ Сталин в ответе пропагандисту Иванову еще раз показал громадное значение мобилизационной готовности народов СССР перед лицом опасности военного нападения. Преподавание истории должно ставить своей задачей воспитание мобилизационной готовности подрастающего поколения граждан СССР. В основу своей работы по преподаванию марксистско-ленинской исторической науки учителя должны положить указание товарища Сталина на ее ре-

волюционный характер. Во время приема в Кремле работников высшей школы, 17 мая 1938 г., товарищ Сталин сказал: «Наука знает в своем развитии не мало мужественных людей, которые умели ломать старое и создавать новое, несмотря ни на какие препятствия, вопреки всему. Такие мужи науки, как Галилей, Дарвин и многие другие общеизвестны. Я хотел бы остановиться на одном из таких корифеев науки, который является вместе с тем величайшим человеком современности. Я имею в виду Ленина, нашего учителя, нашего воспитателя (аплодисменты). Вспомните 1917 год. На основании научного анализа общественного развития России, на основании научного анализа международного положения Ленин пришел тогда к выводу, что единственным выходом из положения является победа социализма в России. Это был более, чем неожиданный вывод для многих людей науки того времени. Плеханов, один из выдающихся людей науки, с презрением говорил тогда о Ленине, утверждая, что Ленин находится «в бреду». Другие, не менее известные люди науки, утверждали, что «Ленин сошел с ума», что его следовало бы упрятать куданибудь подальше. Против Ленина были тогда все и всякие люди науки как против человека, разрушающего науку. Но Ленин не убоился пойти против течения, против косности. И Ленин победил (аплодисменты). Вот вам образец мужа науки, смело ведущего борьбу против устаревшей науки и прокладывающего дорогу для новой науки».

Воодушевленные этими замечательными словами товарища Сталина преподаватели истории должны построить все преподавание мировой истории таким образом, чтобы подвести учеников к выводу Ленина: «единственным выходом из создавшегося положения является победа социализма в России». Одновременно педагоги должны показать, что революционер науки В. И. Ленин является образцом новатора науки, который смело ломает устаревшие положения и пролагает пути новой науки. В результате политико-воспитательной работы учителя на уроках гражданской истории ученикам должен стать еще более близким и дорогим величайший корифей передовой науки наших дней товарищ Сталин. Преподаватель истории должен научить своих воспитанников усвоить в своей работе ленинско-сталинский метод работы.

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 2.

² О воспитательной работе в курсе истории СССР в X классе см. нашу статью в «Историческом журнале» № 12 за 1937 год.

РАБОТА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КРУЖКА МОСКОВСКОГО ДОМА ПИОНЕРОВ

Археологический кружок, организованный при Доме пионера, работал в истекшем учебном 1937—1938 году в Государственном историческом музее на основе программы в опыта предшествующего года. В состав его входили 19 учащихся 5-х и 6-х классов. Занятия велись систематически, один раз в шестидневку, с октября до начала мая, т. е. около 7 месяцев. Целью кружка было дать возможность детям изучить наше отдаленное прошлое на основе первоисточников, доступных своей наглядностью пониманию учеников.

Работа кружковцев началась с изучения основных положений геологии в Геологическом музее при МГУ, без чего детям были бы неясны основы датировки археологических раскопок. Эта вводная часть работы была также необходима для правильного понимания длительности процесса, предшествовавшего появлению человека. Затем школьники перешли к первой теме — «Происхождение человека и развитие, которое он пережил за долгие годы своего существования». Четко поставленная тема о происхождении человека служила базой в дальнейшем для марксистско-ленинского освещения происхождения и развития религии.

При работе над второй темой — «Жизнь человека в жарком климате» — особое внимание уделялось первичным орудиям, созданным гейдельбергским человеком. Изучение их давало возможность наглядно показать, как из этих универсальных орудий развились затем сложные дифференцированные орудия — прототипы современных. Вместе с тем нагляднее становилось развитие техники обработки каменных орудий в целом. Животный мир, окружавший человека этого периода, приходилось изучать на основании репродукций за отсутствием костного материала.

В третьей теме — «Жизнь человека ледникового периода» — основными моментами, на которых заострялось внимание детей, были: развитие членораздельной речи у неандертальца в процессе труда и его борьба с холодом путем добывания огня. Наиболее интересным материалом для кружковцев являлись остатки крупных вымерших животных: мамонта, шерстистого носорога, первобытного быка и т. п., — богато пред-

ставленные в Государственном историческом музее.

Этот материал использовался для наглядного показа необходимости совместного, коллективного труда человека в борьбе за свое существование.

Изучение первичного археологического материала (эпохи палеолита), связанного с дорожной коммуной, завершилось разбором макета, созданного на основании научных археологических данных по раскопкам Тимоновской стоянки. Раскопки эти производились под руководством археолога проф. В. А. Городцова.

В заключение был произведен критический разбор картин художника Васнецова «Охота на мамонта» и «Жизнь первобытного человека». При этом было отмечено, что художник часто не следует археологическим данным. В этой, третьей теме немалое внимание уделялось также вопросу происхождения религии, подчеркивалось, что бессилие ликаря в борьбе с природой, по словам Ленина, «порождает веру в богов, чертей, в чудеса»¹.

Выявление характерных местных особенностей — расцветки кремневых орудий, их типичных форм и т. п. — на примере Тимоновской (район Брянска) и Костенковской (район Воронежа) стоянок помогло поставить работу кружка на марксистский путь — конкретизации изучаемого.

Изучение жизни людей в «конкретных условиях» становилось особенно наглядным при анализе условий существования человека в эпоху роловой коммуны (в эпоху неолита). Этому помогало самое распределение археологического материала по раскопкам в Волго-Окском, Северозападном и Уральском районах.

Так как материал, связанный с палеолитической эпохой, очень сложен и очень важен для археологии, то его излагал сам руководитель кружка. Только в тех случаях, когда вещевой материал говорил сам за себя (например остатки животного мира), допускалась самостоятельная работа детей путем вопросов и ответов. Благодаря этому избегались неправильные выводы, особенно вредные в работе с детьми.

¹ «Мысли В. И. Ленина о религии», стр. 121. Изд. «Атеист». 1930.

В четвертой теме—«Жизнь человека в умеренном климате (родовая коммуна)»—археологический материал освещался, по мере возможности, с точки зрения специфических, местных его особенностей.

Сохранившиеся кости собаки с Волосовской стоянки на реке Оке помогли узнать вопрос приручения человеком первых животных. Огромное количество наконечников стрел, часть которых исключительно тонко сделана, наглядно убеждало детей, с одной стороны, в развитии охоты при помощи лука и стрел, с другой—в появлении мастеров-специалистов, выделявших каменные орудия.

Подробный анализ просверленных, опилоченных и полированных топоров, молотков, долот и тому подобных инструментов доказывал высоту развития техники обработки каменных орудий и подготавливал детей к изучению перехода от выработки каменных орудий к выработке металлических.

На этом последнем вопросе особенно заострялось внимание кружковцев, так как, в сущности, этим переходом было положено начало «металлическому периоду», длящемуся в истории человечества до настоящего времени.

Большое внимание уделялось также и вопросу равноправия женщины с мужчиной на основе одинакового их значения в труде. Однако при этом отмечались особенности женского труда, связанного с началом земледелия, гончарного производства, и т. д.

Богатейший материал по дереву, добытый из уральских торфяников, дал возможность показать дальнейший этап в истории развития религии—поклонение духам предков—и связать его с этнографическим материалом¹.

Процесс разложения родового строя, т. е. переход от доклассового общества к классовому, изучался на ряде конкретных примеров: в районе Приднепровья, Волги, Дона и, наконец, Оки и Камы. Согласно работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», говоря о развитии частной собственности, особое внимание уделялось развитию скотоводства, приведшего к умалению значения женского труда и к делению на богатых и бедных. Выделение кузнеца, воина и жреца, этих предшественников классового деления общества, было также тщательно прослежено на материалах Музея.

Особенно подробно разбирался материал

¹ В будущем году предполагено работу археологического кружка дополнить посещением Музея народов СССР с целью показать, как изучение пережитков у некоторых народностей, например у алеутов, способствует пониманию археологического материала.

Волго-Окского района, т. е. района, где выросла Москва, так как наименования мест этих раскопок наиболее знакомо детям.

При проработке археологических материалов, связанных с родовой коммуной (неолитом) и процессом разложения родового строя, материалы частично определялись самими детьми на основании имеющегося опыта. Это способствовало приобретению участниками кружка навыков внимательного просмотра и анализа материалов.

Рассмотрение этих материалов, хронологически значительно более ранних (VII в. до нашей эры), дало возможность перейти к разбору вопросов, связанных со славянскими племенами, вошедшими в состав Киевского государства.

У этих племен в IX—XI веках происходил также процесс разложения родового строя, правда, зашедший значительно глубже.

Материалы «Черной могилы» (кургана в городе Чернигове), из мест погребения туземного князя Черного и «Гнездовского могильника» (близ Смоленска), погребений феодальной верхушки древнего Смоленска, дали возможность при работе заострить внимание детей на разоблачении полной несостоятельности фашистской теории о создании Киевского государства варягами, показав протекавший еще до их прихода местный процесс феодализации.

Исключительный по красочности комплекс вещей «Черной могилы», естественно, вызвал у детей желание зафиксировать его в рисунках, что, несомненно, еще более закрепило в их памяти правильную постановку вопроса о происхождении Киевского государства. Миниатюры убийства Игоря древлянами, возглавленными туземным князем Малом, еще раз подтвердили наличие местного процесса феодализации в этот период; кроме того они показывали картину эксплуатации населения путем сбора варяжскими князьями дани.

Значение крещения Руси при Владимире было раскрыто в двух направлениях: с точки зрения укрепления феодальной власти князя и с точки зрения развития культуры Киевской Руси. При этом было отмечено положительное значение христианизации на данном этапе.

Из вышесказанного ясно, что при проработке материалов зала Киевской Руси приходилось использовать не только чисто археологические предметы, но последние все же преобладали. Так, при изучении междоусобной борьбы князей богатство киевских кладов с тончайшими изделиями эмальерного² искусства и массой денежных гривен наглядно подтвердило развитие рос-

² Укрепление цветной стекловидной массы эмали на металле.

товничества, вызвавшего народное восстание 1113 года, после которого Владимир Мономах был призван княжить в Киеве. Хотя борьба с половцами и использование их в княжеских междоусобицах и отмечались, но за неимением в экспозиции материалов о походе Игоря «Слово о полку Игореве» не привлекалось. (В настоящее время открыт довольно значительный раздел, посвященный юбилейной дате «Слова», и в следующем году он будет использован в работе.)

Археологический материал из раскопок Райковенского городища (близ Бердичева) и фото дали возможность красочно описать появление нового и опаснейшего врага в южных стенах — татар. Этот же материал был использован и для того, чтобы раскрыть развитие эксплуатации земледельца феодалом-землевладельцем.

Разбором карты и выявлением причин падения значения Киева заканчивалось изучение Киевской Руси.

Русь Владимиро-Суздальская была последним разделом, проработанным кружком. Самый характер археологического материала, близкого по типу материалам Киевской Руси, давал возможность в этой заключительной части работы многое предоставить уже самостоятельной работе кружковцев, а именно: а) определение племен, вошедших в состав Владимиро-Суздальской Руси — по височным кольцам, б) выделение кузнеца и гончара, как одного из моментов перехода от докалассового общества к классовому — по остаткам кузнечного и гончарного ремесел, в) выяснение характерных особенностей города периода феодальной раздробленности — по раскопкам города Рязани, г) определение предметов, характеризующих князя-феодала и его дружинников и пр.

Евангелие, написанное в честь победы Андрея Боголюбского над болгарами, дало возможность объяснить детям развитие древней письменности — от устава к скорописи (в будущем году предполагается развить эту часть работы путем привлечения специалиста по палеографии).

Разбор причин гибели Андрея Боголюбского и рассмотрение макета «Боярский двор XIII века», в котором сделана попытка выявить характерные особенности феодальной эпохи, завершили работу кружка.

Чтобы лучше фиксировать пройденное по каждому из разделов, кружковцам поручались доклады на отдельные темы. Так, по разделу «Первобытное общество» были написаны следующие доклады: 1) «Жизнь человека в жарком и ледниковом клима-

те», 2) «Жизнь человека на севере Восточной Европы: в умеренном климате», 3) «За 3 тысячи лет до нашей эры», 4) «Хозяйство первобытного человека», 5) «Развитие орудий труда», 6) «Развитие жилищ», 7) «Развитие религии».

По разделу «Киевская Русь»: 1) «Племена IX—XI веков, населившие Приднепровье и район озера Ильменя»: а) характерные особенности и быт, б) выделение кузнеца и гончара, в) земледелие — основное занятие населения; 2) «Туземные князь и дружина»; 3) «Образование империи Тугаровичей» (первые князья из династии); 4) «Крещение Руси»; 5) «Город XI—XII веков» (Ярослав); 6) «Княжеские междоусобицы и их причины»; 7) «Город Киев (Владимир Мономах) и классовая борьба в Киевском государстве»; 8) «Половцы»: характеристика половцев и их взаимоотношения с Киевским государством; 9) «Нашествие татар» и «Причины падения Киевского государства».

При зачитывании докладов кружковцы показывали музейный материал, на котором они базировались. Это служило как бы повторением пройденного. Кроме того часть материала была зарисована и сделана 3 макета: «Землянка первобытного человека», «Горелище», «Детинец». Следует отметить интересную попытку воспроизвести типичные для славянских племен височные привески при помощи медной проволоки (спиральные кольца северян) и выплывания (ромбовидные привески ильменских славян и семиплостные — вятичей) по инициативе одного кружковца.

Подводя итоги работы кружка, можно указать на следующие результаты: 1) дети вполне усвоили значение археологического материала для изучения отдельных этапов истории человечества, 2) приобрели первичные навыки анализа и сравнения археологического материала, а также элементы критического подхода к изучаемому вопросу, т. е. основные элементы работы над первоисточниками, 3) усвоили важнейшие понятия археологии: «стоянка», «горелище», «курган», «могильник» и т. п., т. е. конкретизировали ряд слов, упоминаемых в курсе истории, 4) у них значительно развилось внимание, этот необходимый фактор любого знания, 5) и, наконец, археологические памятники дали возможность конкретизировать первые разделы истории народов СССР.

Опыт работы данного кружка может послужить частично примером для постановки работы археологических кружков в местных музеях.

РАБОТА ИСТОРИЧЕСКОГО КАБИНЕТА МОСКОВСКОГО ДОМА ПИОНЕРОВ

1

Внеклассная кружковая работа по истории в школах развернута еще слабо. Кружков юных историков организовано во дворцах и домах пионеров немного. По указанию Никиты Сергеевича Хрущева, под непосредственным руководством которого проходило строительство Московского городского дома пионеров, здесь организован кабинет «Москва».

Оборудование этого кабинета показывает маленьким посетителям прекрасное настоящее нашей столицы и ее далекое прошлое. В кабинете сделана большая электрифицированная карта сталинского плана реконструкции Москвы. Над потолком с левой вьется фриз — уже осуществленное строительство канала Москва — Волга. На стене висит в рамке большое освещенное фото — проект Дворца Советов. Тут же в макетах показана история нашего города: вот баррикадный бой на Красной Пресне — героическая страница революционной борьбы, дальше — Москва 200 лет тому назад и Москва XVI века. Эти макеты дополняют прекрасные альбомы Исторического музея и Третьяковской галереи, которые в планах и фотографиях рассказывают пионерам о прошлом. В оформлении кабинета принимал участие Исторический музей, который продолжает и теперь оказывать помощь в работе историческому кабинету.

Тематика всех исторических кружков в первый год работы (1936—1937) была построена вокруг изучения настоящего и прошлого Красной столицы: «Археологический кружок», «Кружок по истории Москвы», кружок «Революционная Москва», кружок по «Реконструкции Москвы» и историко-литературный кружок «Пушкинская Москва».

В начале 1937—1938 года исторический кабинет расширил тематику своей работы, удовлетворяя запросы юных историков. Изучение истории СССР во всех классах средней школы способствовало возникновению кружков по истории СССР. В историческом кабинете в 1937—1938 году работало 7 кружков по истории СССР:

1. Археологический кружок для среднего возраста (6-е классы).

2. Археологический кружок для старшего возраста по теме «Киевская Русь» (продолжение работы археологического кружка прошлого года) (7—8-е классы).

3. Кружок по теме «Прошлое Москвы и Подмосковья» (VI—VII—VIII века).

4. Кружок по истории Москвы (4-е классы).

5. Кружок по истории СССР первой четверти XIX века по темам «Война 1812 года», «Декабристы» (7—8-е классы).

6. Кружок по истории русской архитектуры (6—7—8-е классы).

7. Кружок по истории гражданской войны (6—7—8-е классы).

Программа кружков строилась таким образом, чтобы в целом эти кружки дали материал по истории СССР начиная от отдаленного прошлого нашей родины (археологический кружок) и кончая недавним прошлым (история гражданской войны). Были также организованы кружки по античной истории для среднего (6-е классы) и старшего возраста (7—8-е классы), кружок по изучению средних веков (7-е классы) и кружок по изучению французской буржуазной революции 1789 года (8—9-е классы).

Исторический кабинет ставил перед собой задачи: 1) углубить и расширить исторические знания учащихся, 2) стимулировать творческую самостоятельную работу учащихся в области истории, 3) поднять общий культурный уровень и расширить кругозор учащихся, 4) дать членам кружков коммунистическое воспитание.

В объединении актива юных историков вокруг кабинета большую роль сыграли археологические раскопки, которые были проведены осенью 1936 и 1937 годов. Выезд на археологические раскопки под Москву на несколько дней имел огромное воспитательное и образовательное значение: коллектив сплачивался в общей увлекательной работе и получал большой материал для последующей работы в кружках.

Исторические кружки работали один раз в шестидневку по 2 часа, таким образом, в месяц каждый кружок имел 10 часов занятий. Кроме занятий в кружке каждый член кружка участвовал в общей политико-массовой работе кабинета (экскурсии, лек-

ции, исторические утра, политбеседы и пр.).

Методы работы кружка разнообразны: беседа, лекция с применением иллюстративного материала, рассказ, экскурсия, доклады и их обсуждение, чтение соответствующей литературы, посещение театра. Самостоятельная работа членов кружка состояла: 1) в знакомстве с литературой, 2) в изучении исторического, археологического, архитектурного материала в музее или городском комплексе, 3) в подготовке докладов, 4) в участии в обсуждении докладов, 5) в подготовке иллюстративного материала, 6) в оформлении итогов работы кружка (выставка).

2

Перейдем к работе отдельных кружков. Археологический кружок под руководством старшего научного сотрудника С. Н. Басиной объединил учащихся 4-го и 5-го классов. В программе кружка было углубление части курса истории СССР — «Далекое прошлое нашей страны». Эта тема усваивалась ребятами на конкретном материале Исторического музея. Работа кружка непосредственно в Музее, методические приемы, приучающие ребят к самостоятельной работе, к умению разработать и обобщить материал и сделать выводы, делают этот кружок одним из наиболее любимых юными историками. Особенно увлекает заключительный момент работы кружка — участие в археологических раскопках. Летом этого года, после окончания испытаний, участники кружка отправятся на раскопки славянских курганов под Москвой. Сейчас группа ребят из старшего археологического кружка провела несколько археологических разведок с целью наметить места будущих раскопок.

Работу в кружке этого типа можно проводить очень интересно в любом городе, где есть исторические и краеведческие музеи.

Археологический кружок старшего возраста ведет научный сотрудник Академии наук Б. А. Рыбаков.

Тема занятий в этом году была «Киевская Русь». Работа кружка началась выездом на раскопки в деревню Кузиково, Подольского района, Московской области (совместно с членами других кружков).

Были произведены раскопки трех курганов и найден ряд интересных вещей: височные кольца, бусы, пряслице из розового шифера, найденные впервые в вятических курганах, глиняный горшок и т. д. Все эти вещи были тщательно обработаны и прикреплены к планшетам. Таким образом, в активе исторического кабинета уже 7 раскопанных вятических курганов, вещи

найденные в них составляют предмет большой гордости всех юных историков нашего кабинета. Тематика занятий кружка: 1) «История Киевской Руси»; 2) «Хозяйство»; 3) «Быт»; 4) «Стихийные восстания в Киевской Руси»; 5) «Борьба Руси с кочевниками»; 6) «Введение Руси».

По этой программе проводились лекции-беседы руководителя, доклады ребят, занятия в отделе рукописей Исторического музея для ознакомления с развитием письменности в Киевской Руси и ее культурой и занятия в Тютельковской галерее по древнерусскому искусству. Участники кружка сделали следующие доклады: «Первые Киевские князья», «Северные» (опыт исследования истории славянского племени), «Половцы и Русь», «Закрепление смердов и стихийные восстания», «Введение христианства», «Архитектура Киевской Руси» и несколько докладов по быту Киевской Руси.

Кружок устроил историческое утро, посвященное 750-летию «Слова о полку Игореве», и небольшую выставку. Библиотека Исторического музея дала нам «Слова о полку Игореве» в ранних изданиях для выставки. Доклады иллюстрировались чтением отдельных отрывков из «Слова», музыкальными отрывками из оперы «Князь Игорь» в исполнении самих ребят, а в заключении выступил артист Северский, который под аккомпанемент гуслей спел несколько отрывков из «Слова о полку Игореве».

В кружке была очень серьезно поставлена работа по подготовке докладов. После выбора темы учащимся давалась консультация по той литературе, которую надо было использовать в процессе изучения материала для доклада. План доклада заранее просматривался и утверждался руководителем, после чего член кружка приступал к его подготовке. Члены кружка (так же, как и все кружковцы начиная с 7-х классов) были занесены в историческую читальню. Доклады обсуждались на кружке, и по каждому докладу руководителем кружка давалось заключение с подробным анализом содержания и допущенных ошибок; при этом делались также необходимые дополнения.

Весной перед каникулами члены кружка провели археологическую разведку. После испытаний этот кружок также будет участвовать в археологических раскопках.

В кабинете работали 2 кружка по истории Москвы: кружок историков 6-х классов и кружок старшего возраста. Программа кружка для 6-х классов была построена таким образом, что давала учащимся на основе полученных ими знаний по истории СССР историю на-

шего города. История Москвы была дана с исторического периода и была увязана экскурсией в Исторический музей с темой «Наша родина в прошлом». Далее по изучению следующих тем: «Начало Москвы», «Москва Ивана Калиты», «Москва Ивана III», «Москва Ивана IV», «Польская интервенция XVII века» и т. д. Заключались занятия кружка изучением старинного плана реконструкции Москвы.

Изучение истории города строилось на возможно более конкретном, зримом материале, поэтому большую роль в работе кружка играли экскурсии. Были проведены 11 экскурсий в Исторический музей и его филиалы, 2 экскурсии — в Коммунальный музей и 2 — в Музей революции. Кроме того кружковцы посетили Музей Ленина, Музей Красной Армии и выставку «Штурм Перекопа». В кружке состоялся также ряд бесед о Ленине, о Красной Армии, о наших вождях, о Первом мая и др.

В план работы кружка были введены практические занятия по лепке и рисованию. Кружок подготовил 3 макета по истории Москвы: «Москва — городок XII века» с картины художника А. Васнецова; «Москва Ивана Калиты»; «Москва Ивана III» — и ряд отдельных рисунков и сленков.

Занятия каждого кружка обычно начинались с политинформации, которую делали ребята поочередно. Эти политинформации очень полезны, так как приучают ребят читать газеты («Известия», «Правду»), дают умение обобщить прочитанное и развивают речь ребенка. Интерес у ребят к кружку очень большой. О своих занятиях в кружке они с увлечением рассказывали своим товарищам в школе.

Программа кружка «Прошлое Москвы и Подмосковья» под руководством проф. Н. А. Гейнике ставила своей задачей — дать навыки исторических наблюдений над окружающим московского школьника историческим материалом, научить детей читать исторические статьи, книжки, историко-художественные произведения систематически, приобретая учащимся исторические знания.

Тема 1-я «Москва XII—XVII веков»

1. Вводные занятия: «Как Москва рассказывает о своем прошлом»:

а) план Москвы и его исторические основы: основные концы, радиальные улицы — торговые дороги, сеть улочек и переулков — пережиток структуры феодального города, его «сотей» и слобод; б) экскурсии по городу: вокруг стен Кремля и в форт Москвы — Невдевичий

монастырь; в) работы над оформлением выставки на данную тему.

2. Рост Москвы XII—XVII веков:

а) экскурсия в Коммунальный музей: картиной А. Васнецова по истории Москвы XII—XVII веков; б) фиксация полученного материала: доклады и записки.

3. Москва — поместье:

а) хозяйство в Москве и в Подмосковии: патриарха-помещика, патриарха-помещика, бояр (рассказ руководителя); б) экскурсия: Дом боярина XVII века.

4. Москва — торгово-промышленный центр Московского государства:

а) рассказы иностранцев о московской торговле (доклады членов кружка: «Блеарий», «Мейербер»); б) торговля Москвы с Востоком и Западом; в) промышленные и торговые слободы Москвы, их быт; г) экскурсии в Музей Василия Блаженного: «Техника и искусство московских платников и камешников XVI—XVII веков»; д) экскурсия в Исторический музей: «Торговля в Московском государстве XVI—XVII веков».

5. Классовая борьба в Москве в XVI веке и Иван Грозный:

а) «Москва «опричная» и «Москва «земская» (доклады членов кружка и беседа руководителя); б) чтение по ролям сцен из «Смерти Ивана Грозного» А. Толстого.

6. Народные движения в Москве XVI—XVII веков.

а) экскурсия в Музей Революции; б) эпоха «Смуты» и ополчение Минина и Пожарского; в) «Уложенный» и «игнежский» бунты; г) стрельбы в 80-х и 90-х годах XVII века.

7. Проземья в Москве XV—XVIII веков:

а) Аристотель Фиоравенти и строители Москвы рубежа XV—XVI веков; б) путешественники XVI—XVII веков: Герберштейн, Олеарий, Мейербер; в) Немецкая слобода и юность Петра.

8. Театр в Москве XVII века:

а) зарождение театра в Москве; б) чтение по ролям «Комика XVII столетия».

Тема 2-я «Подмосковье XVI—XVII веков»

1. Коломенское (экскурсия и проработка ее):

а) Архитектура XVI—XVII веков; б) в Коломенском при царе Алексее.

2. Загорск (экскурсия):

а) хозяйство Троице-Сергиевской лавры; б) слободы поляками в XVI веке; в) старинный грушевый промысел.

3. Владимир в Боголюбове:

а) Андрей Боголюбский и классовая борьба его времени; б) исторические памятники Боголюбова и Владимира.

Таким образом, участники кружка познакомились с историческими основами плана Москвы, они изучили принципиальные установки сталинской перепланировки города, углубили свои знания в крупных исторических событиях истории СССР и получили ряд сильных зрительных впечатлений в области быта и искусства Московского государства до эпохи Петра. Достаточно перечислить ряд тем докладов самих ребят, чтобы сказать об этой стороне работы кружка: «Сказание о начале Москвы»; «Красная площадь и ее быт XVI—XVII веков»; «По улицам Москвы XVI—XVII веков»; «Одежда москвичей в допетровское время»; «Военно в Московском государстве»; «Пинострания в Москве XVII века»; «Уложенный бунт 1648 года»; «Медный бунт»; «Война Разина с боярами и помещиками»; «Польская интервенция начала XVII века»; «Восстание Болотникова». К ленинским дням был сделан доклад «Ленин в Москве».

В заключительной беседе учащиеся отметили, что работа в кружке очень помогла им в их занятиях по истории СССР. Она углубила их знания по ряду исторических фактов и помогла связать их с тем историческим материалом, которым полон наш город.

В план занятий кружка были введены пятиминутные полиэбзоры, которые делались поочередно всем участниками кружка, а также пятиминутные «культэбзоры», посвященные знаменательным и юбилейным датам.

Кружок провел все намеченные в плане экскурсии. Особенно значение имела экскурсия во Владимир-Боголюбово (совместно с участниками других кружков).

В результате этой экскурсии участникам была коллективно написана для «Пионерской правды» статья «В опольщину» (помещена в номере от 8 апреля текущего года) и составлен альбом работы кружка. Опыт показывает, что такие экскурсии по изучению города очень интересуют кружковцев.

Кружок по истории русской архитектуры являлся дополнением к вышеуказанным кружкам. Этот кружок возник по инициативе пионеров, проявивших большой интерес к истории архитектуры.

В программу кружка было введено несколько занятий по истории архитектуры — лекция с диапозитами и экскурсии в Музей изобразительных искусств имени Пушкина. Ребята слыли ряд интересных докладов: «Архитектура городских укреплений (Кремль)», «Архитектура Владимиро-Суздальской Руси», «Московская архитектура до Петра», «Архитектура Ленинграда» и др.

Кружок следил в своих занятиях и за современностью: был подготовлен доклад об архитектуре Дворца Советов. Некоторое отступление от основной темы кружок сделал для ознакомления с пензенской архитектурой.

Кружок по истории первой четверти XIX века под руководством доцента Московского государственного педагогического института Б. Е. Сиренчиковского в первом полугодии проработал тему «Война 1812 года», во втором полугодии — тему «Декабристы». На занятиях кружка были прослушаны ряд выготных лекций руководителя кружка, а затем ребята выступали на самостоятельных докладах ребят и на их обсуждении. Подготовлены и обсуждены были следующие доклады: «Аустерлиц и Тильзит (войны Наполеона 1805—1807 годов)», «Нашествие Наполеона», «Французы в Москве», «Пожар Москвы», «Изгнание интервентов (отступление Наполеона)», «Война 1812 года в творчестве Пушкина». Одно занятие кружка было проведено в отделе бытовой иллюстрации Исторического музея, где были просмотрены гравюры и весь иконографический материал по данной теме.

В результате работы кружка были подготовлены выставка по теме «Война 1812 года» и альбом.

Во втором полугодии вполне естественным был переход к теме «Декабристы». По этой теме были проведены 3 вводных беседы руководителя и обсуждены доклады ребят: «14 декабря 1825 года», «Муравьев-Апостол», «Восстание Черниговского полка» и др.

Кружок по истории гражданской войны ставил своей целью — на материале героической борьбы советского народа против интервентов и белых армий, на материале жизни и деятельности вождя партии воспитать в ребятах чувство советского патриотизма.

Кружок проработал две темы: 1) «С. М. Киров — руководитель Великой пролетарской революции на Северном Кавказе» и 2) «Жизнь и борьба пролетарского революционера Серго Орджоникидзе».

По первой теме были подготовлены и обсуждены доклады участников кружка:

1) «Детство С. М. Кирова», 2) «С. М. Киров во главе тамских большевиков», 3) «С. М. Киров — организатор полковой типографии», 4) «С. М. Киров на Северном Кавказе в годы реакции», 5—6) «С. М. Киров — организатор и руководитель Великой пролетарской революции на Северном Кавказе» (два доклада), 7) «Асланбек Шеринов, ученик С. М. Кирова, — руководитель Чеченской бедноты».

Словами кружка было подготовлено и проведено историческое утро памяти С. М. Кирова (в день годовщины злодейского убийства пламенного трибуна революции).

По второй теме были подготовлены и обсуждены доклады: 1) «Тов. Орджоникидзе в подполье», 2) «Серго — соратник Ленина и Сталина в дни Великой Октябрьской социалистической революции», 3) «Чрезвычайный комиссар юга России», 4) «Тов. Орджоникидзе — руководитель борьбы с силами контрреволюции на Тереке и Северном Кавказе», 5) «В горах Ингушетии (разложение денкинского тыла)», 6) «С. М. Киров и Г. К. Орджоникидзе — освободители Северного Кавказа от власти белых».

В день годовщины смерти Г. К. Орджоникидзе кружок организовал траурное утро, посвященное его памяти. На утро присутствовали З. Г. Орджоникидзе и ее дочь Этери. Кроме докладов и воспоминаний о Серго были зачитаны отрывки из книги «Чрезвычайный комиссар».

Так же как и в других кружках, на занятиях всегда проводилась политинформация. Кружок провел ряд экскурсий: в Серпухов — штаб южного фронта. Музей революции, на выставку, посвященную памяти Серго Орджоникидзе, в Музей народов СССР, на выставку грузинских художников и на выставку «Штурм Перекопа».

В историческом кабинете работали 2 кружка по античной истории: один кружок — среднего возраста (6-е классы) — под руководством Д. И. Никифорова, доцента Московского государственного педагогического института (см. особую статью) и второй — для старшего возраста (7—8-е классы) — под руководством покойного проф. Ю. В. Сергеевского.

Программа кружка старшего возраста была построена по двум направлениям: а) изучение материалов античных авторов по узловым вопросам истории Греции и Рима и б) изучение памятников греческого искусства (главным образом по собраниям Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина). Пройдены следующие темы: «Греческая мифология», «Греко-персидские войны» (Геродот), «Целоппонесская война» (Фукидид), «Гражданская война и восстание рабов в Риме», «Гракхи», «Цезарь» (Клутарх, Аппиан). По этой программе руководитель провел ряд вступительных лекций-бесед и были заслушаны и обсуждены доклады ребят. Все без исключения работы кружковцев выполнены в высшей степени добросовестно и свидетельствуют о наличии серьезного интереса к научным занятиям.

Кружок по истории средних веков (под руководством доцента А. Д. Энштейна) работал из темой «Средневековая деревня и город».

Для того, чтобы перед учащимися развернулась живая, конкретная картина быта деревни и города, чтобы в них получились не расплывчатые, общие представления, а ясное понимание изучаемой эпохи и важнейших исторических событий, занятия кружка были построены следующим образом: на первом этапе учащиеся знакомились с богатым иллюстративным материалом по книгам и альбомам. Для этого были организованы занятия кружка в библиотеке Музея изобразительных искусств, а также получена необходимая литература непосредственно в кабинет (альбомы из кабинета по истории средних веков I МГУ и т. д.). Второй этап — чтение литературы, вводные лекции-беседы руководителя, экскурсии в Музей изобразительных искусств. И третий — доклады ребят.

Доклады были сделаны на следующие темы:

I. «Деревня»:

1) рыцарский замок, 2) рыцарский быт, 3) жилище крестьянина, его домашний быт, 4) крестьянский труд, 5) крестьянские повинности, 6) крестьянские восстания.

II. «Город»:

1) внешний вид города (городские стены, укрепления), улицы и площади, 2) ремесло (труд ремесленников: мастерская мастера и подмастерья; печи и пеховые старшины и т. д.), 3) торговля: рынок, лавки и т. д.

Кружок подготовил для Центрального детского театра к выставке о Гутенберге выставку по средневековому городу и ремеслу. Один из членов кружка написал для вкладки в программу биографию Гутенберга.

3

В итоге проведенной работы исторический кабинет собрал ценный иконографический материал, тематически обобщенный и аннотированный самими ребятами, который может быть полезен для работы исторических школьных кружков.

Для ознакомления с материалом русского средневековья кружок провел также ряд экскурсий в Исторический музей, в Музей боярского быта, в Музей б. Троице-Сергиевской лавры.

Кружок по новой истории (руководитель — проф. А. М. Засютинский) занимался изучением истории французской буржуазной революции 1890 года на основе анализа ее, данного нами великими уча-

словами Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным.

Ввиду того что кружок состоял из учащихся 9-х классов, уже прошедших в классе курсы новой истории, можно было строить занятия кружка на изучении отдельных моментов истории французской буржуазной революции 1789 года. Это дало возможность кружковцам уяснить принципиальное отличие нашей proletарской революции от буржуазной, а также познакомиться с культурой и наукой этой эпохи.

В план занятий были включены экскурсии в Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и занятия в грабюрном кабинете этого же музея для изучения искусства XIX века и эпохи французской революции. Для тех членов кружка (с привлечением учащихся 9—10-х классов школ Москвы), которые хотят поступить в исторические вузы, исторический кабинет совместно с истфаком МГУ предлагает организовать с осени кружок по изучению работ К. Маркса.

Кроме этих 11 кружков, охватывающих 175 человек учащихся, при историческом кабинете был организован клуб юных историков — как массовая форма работы — для объединения вокруг кабинета ребят, интересующихся историей. Клуб юных историков организовал лекции по истории СССР, которые иллюстрировались и дополнялись экскурсиями и встречами с учеными-историками, археологами.

Клуб юных историков провел 13 лекций по истории СССР и 9 экскурсий (6 экскурсий — в Исторический музей, одну — в Геологический музей и одну — в Антропологический). После лекции «Древнейшие государства в нашей стране» состоялась экскурсия в Исторический музей на тему «Скифы и греческие колонии на юге России»). Члены клуба юных историков встретились с научным сотрудником Исторического музея тов. Смирновым, который рассказал им о раскопках в Фанагории, иллюстрируя свой рассказ соответствующими диапозитивами.

Со второго полугодия в клубе юных историков были организованы 3 секции: по изучению эпохи Ивана IV, эпохи Петра I и истории Москвы. В секциях ребята под руководством руководителя работали самостоятельно над выбранной темой.

Исторический кабинет организовал обмен опытом работы исторических кружков школ Москвы. Члены исторических кружков московских школ приглашались на все лекции клуба юных историков.

В будущем клуб юных историков должен объединить вокруг себя все исторические кружки Москвы.

Программа всех исторических кружков давала широкую возможность проведения политико-воспитательной работы на материале политико-исторического преподавания на страницах нашей страны ее бесправному пролетариату. В кружках изучались Сталинская Конституция и наши достижения как результат победы пролетариата в Октябре. Это воспитывало в кружковцах чувства советского патриотизма и любви к родине, к режиму нашей партии. В своей работе кружок ориентировался также на даты нашего революционного календаря: 20-я годовщина Октября, выборы в Верховный Совет СССР, 20-я годовщина любимой Красной Армии, ленинские дни, Международный день работницы, 1 Мая, день международной солидарности и др. Отмечались траурные дни: память С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе. Кружок отделился также на текущие политические события. Не было забыто и антирелигиозное воспитание ребят.

Воспитательной задачей кабинета была организация из всех членов кружков единого, дружного коллектива. Для объединения коллектива был организован старостат исторического кабинета, в который входят старосты всех кружков. Один раз в месяц происходят собрания старостата по вопросам работы кружков, соревнования среди кружков, проведения каникул, общих массовых мероприятий и т. д. Объединяет отдельные кружки и стенгазета кабинета — «Юный историк». В состав редакции входят представители всех кружков. Кроме того проводятся массовые мероприятия для всех членов исторического кабинета.

В этом году были проведены следующие массовые мероприятия: 1) встреча с проф. Шестаковым и другими авторами, работавшими над учебником по истории СССР, 2) историческое утро, посвященное Великой Октябрьской социалистической революции, 3) историческое утро, посвященное выборам в Верховный Совет и Сталинской Конституции, 4) историческое утро, посвященное памяти С. М. Кирова, 5) историческое утро, посвященное памяти Г. К. Орджоникидзе, 6) историческое утро, посвященное 20-й годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота, 7) первомайский утренник, 8) историческое утро, посвященное 750-летию «Слова о полку Игореве».

Лекции: 1) «Война 1812 года. Бородинская битва», 2) «События в Китае», 3) «Ледовое побоище 1242 года», 4) «Жизнь и деятельность К. Маркса», 5) «Великий русский полководец М. И. Кутузов», 6) «Обзор исторической литературы».

Члены исторических кружков провели экскурсии в Музей Ленина, Музей револю-

вий, Музей Красной Армии, на выставку революционной Испании, на выставку грузинского искусства, на выставку «Штурм Перевала», в Музей Горького и в Музей Пушкина.

В зимние и весенние каникулы организовуются обычно экскурсии за город.

Таким образом, за два года работы исторический кабинет смог развернуть с помощью исторической общественности свою работу и перейти от изучения истории Москвы к изучению истории СССР, истории античного мира, древней и новой истории. Вокруг кабинета сложился крепкий, дружный коллектив историков — профессоров и доцентов — московских вузов и научных сотрудников Исторического музея и Музея изобразительных искусств. В кружках и в клубе объединено около 300 человек юных историков.

Ребята много получают от работы в кружках и, самое главное, научаются самостоятельно работать. То, что они полу-

чают в кружках, они несут к себе в школы, в отряд. «Кружок мне много дал для работы в школе. И роковая пионерка, и занятия в кружке помогли мне проводить беседы и политинформации. Например, я провела беседы о тов. Кирпосе, о тов. Поджоникитзе, о Ленине. Опыт политинформаций перенесла в свой класс и в 7-й класс «роковая».— пишет одна из участниц кружка.

В порядке соревнования исторический кабинет организовал два выезда на избирательные участки в связи с выборами Верховный Совет СССР (с докладами и выставкой работ кружков) и один выезд в воинскую часть к 20-й годовщине Красной Армии. Но этого, конечно, недостаточно. Основной своей задачей на будущее год исторический кабинет ставит расширение общественной работы членами своих кружков в школе и в отряде, а также организацию тесной связи со школьными историческими кружками.

Д. Никифоров

АНТИЧНЫЙ КРУЖОК МОСКОВСКОГО ДОМА ПИОНЕРОВ

1

Античный кружок при Московском городском доме пионеров был основан весной 1937 года. На организационном собрании учащихся 5 и 6-х классов выяснилось, какие темы их интересуют. Наибольший интерес вызывают мифология, искусство, культура, греко-персидские войны и походы Александра Македонского. Очень привлекают также ребят темы об архитектуре, скульптуре, театре и литературе.

Был намечен следующий план работы кружка: совместное чтение, доклады-пересказы, экскурсии, рисование, макетирование, лепка. В качестве завершающего момента предполагалась постановка отрывков из античных трагедий.

Занятия кружка проходили один раз в шестилетку. На каждом собрании один из участников делал доклад: чаще всего это был пересказ различных книг по древней истории. С подбором литературы мы испытывали очень большие затруднения. Хотелось иметь увлекательные рассказы, написанные в полубеллетристической форме, доступной возрасту учащихся 5—7-х клас-

сов, примерно как в «книжке для чтения по древней истории» под редакцией А. Васютянского, М. Ковалевского, В. Перцев и др. В ряде случаев эта книга была использована; однако кружковцы, чаще по своей инициативе, без указания руководителя, читали историю Гречии Белоха и другие книги, не соответствующие их возрасту. С выходом из печати книги Н. А. Куна «Что рассказывали греки в римляне о своих богах и героях» кружковцы получили нужный им материал и основательно использовали его для чтения и пересказов.

В процессе работы намечались доклады об исторических деятелях. Пособиями для этого служили рассказы Плутарха в старое издание «Жизни замечательных греков и римлян—по Плутарху». В течение года в кружке были разработаны биографии Фемистокла, Перикла, Александра Македонского и Сократа. Материал о греко-персидских войнах давал Геродот. При этом сразу обнаружилось, по крайней мере ребята, использовать источники. Докладчик обращал внимание на мелкие, несущественные детали и упускал из виду значительные моменты, не умел критически подойти к

источнику, не умел сопоставлять факты и делать выводы. Поэтому решено было, чтобы руководитель предварительно ознакомился с докладом, давал советы докладчику, а потом уже заслушивался бы доклад.

Доклады по искусству и культуре были тесно связаны с экскурсиями в Государственный исторический музей и в Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Особое место в работе кружка заняло изучение положения греческих колоний на территории СССР. После экскурсии в ГИМ участники кружка разработали тему о греческой колонизации и о жизни колоний Причерноморья. Здесь снова мы встретились с отсутствием подходящей литературы. Доклад был составлен на основании музейного материала и книги Ростовцева «Из прошлого Греции и Рима», а также «Истории Греции» Белоха.

Самым ценным в работе всех исторических кружков Московского дома пионеров надо считать то, что кружковцы получали целый ряд вспомогательных знаний. Кроме периодических собраний кружка для чтения и обсуждения докладов 2—3 раза в месяц устраивались занятия рисованием, лепкой и моделированием под руководством В. С. Мурзаева; кружок вел систематические занятия по искусству Греции в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина; там же для него были организованы занятия по мумизматике под руководством научного сотрудника Музея А. И. Ларко. В лектории Дома пионеров кружковцы слушали лекции на различные темы, в том числе лекции об античном театре и о походах Александра Македонского. Для них были устроены экскурсии на выставку грузинских художников, они смотрели панораму «Штурм Перекопа», несколько раз ходили в театр (смотрели, например, «Белеет парус одинокий» в Детском театре) и т. д. Все эти мероприятия имеют целью дать всестороннее развитие кружковцам-пионерам. При этом не забывается политическое воспитание детей, которому также уделяется много внимания.

Своей работой в кружке дети остались очень довольны: «В школе мы проходили программу очень узко, в кружке мои знания значительно расширились», «Кружок научил меня самостоятельно работать над книгой», «Особенно много я получил от занятий в музеях. Раньше я не раз бывала в Музее изобразительных искусств, но я проходила мимо памятников, не обращая на них внимания. Теперь я научилась рассматривать в музеях исторические памятники» — все эти заявления ребят свидетельствуют о положительной роли кружка в деле их воспитания.

Прабой сил кружковцев был выезд в красноармейскую часть. В связи с двадцатой годовщиной Красной Армии было решено омертвенное занятие кружка провести среди красноармейцев. Программа занятия была намечена следующая: 1) «Причины греко-персидских войн»; «Греция и Персия в их взаимоотношениях», 2) «Марфонская битва», 3) «Защита Фермопильского ущелья», 4) «Салламийская бой», 5) «Культура Греции после греко-персидских войн»; «Миф об Антее».

Выезд был полезен во всех отношениях: во-первых, дети установили связь с нашей родной Красной Армией, во-вторых, чувствуя ответственность за каждое свое слово в этой обстановке, они усиленно готовились к докладам. Ребята впервые выступали перед большой аудиторией и должны были владеть материалом, а также собой, чтобы не потеряться и дать связный, скрупулезный и в то же время интересный рассказ.

Для выезда была подготовлена небольшая выставка, иллюстрирующая доклады. Докладчик должен был использовать карту и выставку, показывая нужные объекты в соответствующий момент.

Красноармейцы необычайно тепло встретили докладчиков.

«Мы не столько восторгались героическими подвигами греков, защищавших свою родину, о которых мы слышали в докладах, сколько докладчиками-пионерами, которые сумели овладеть огромным фактическим материалом древней истории и так просто и картинно его изложить. Мы восторгались работой Дома пионеров, сумевшего привить детям глубокие знания и умение подкрепить свои знания цитатами из Маркса и Сталина», — сказал, позволяя итоги вечера, политрук воинской части.

Связь с П-ской частью Красной Армии продолжалась и в дальнейшем: бойцы приезжали в Дом пионеров, показали свою самостоятельность и осмотрели исторический кабинет. Весной была проведена проверка сопереживания: в стенной газете Московского дома пионеров появлялись статьи школьников-пионеров о их подготовке к испытаниям. Результаты испытаний в школе дали хорошие и отличные показатели у кружковцев.

Последнее занятие кружок провел в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Кружковцы выслушали доклад об архитектуре и скульптуре греков на материале Музея. Докладчики-кружковцы показали хорошее знание вопроса и экспонатов Музея, а также умение обобщать полученные за год знания.

Рост ребят сказался и в их умении использовать высказывания Маркса, Энгель-

са, Ленина, Сталина по вопросам античной истории и античного искусства. Один из докладчиков очень уместно привел в своем докладе слова товарища Сталина: «Я думаю, что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они, так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми»¹.

3

О работе пионеров в античном кружке можно судить по их отчетам в конце года. Одна из участниц кружка пишет: «Во время зимних каникул было занятие, посвященное мудрецу древности Сократу. Этот доклад, пожалуй, — лучший из докладов этого года. Надо учесть то обстоятельство, что рассказать о Сократе и его современниках значительно трудней, чем о мифах, войнах и т. п. В обсуждении доклада ребята приняли горячее участие и указывали, что из доклада они узнали много нового. Как видно, жизнь великих греческих ученых и мыслителей остается малоизвестной, и ею нужно будет заняться в будущем году. Хотелось бы в будущем году услышать о Перикле и его отношениях к Фидию и к представителям науки и искусства, ведь век Перикла получал название «золотого века». В будущем году надо будет обязательно осуществить постановку «Антигоны» и устраивать совместные чтения классической литературы».

Таковы пожелания кружковцев о работе в будущем учебном году, они тесно связаны с итогами работы этого года.

Большой интерес у ребят вызывают археологические раскопки. «В этом году после испытаний я хотела бы поехать на раскопки в греческие колонии, о которых рассказывал тов. Смирнов, или в Ленинград посмотреть в Эрмитаже подлинники греческих скульптур», — пишет одна ученица.

О поездке в Крым на раскопки черноморских колоний мечтают почти все кружковцы: «Я хотел бы закончить работу нашего кружка поездкой на археологические раскопки, так как нам, будущим историкам (а что большинство из нас ими будет, я не сомневаюсь), необходимо уметь

производить раскопки». — пишет юный историк.

В планах работы кружка будущего года намечается массовая игра — день в Олимпии. Доклады кружковцев будут иллюстрироваться олимпийскими играми и постановкой отрывков «Антигоны», о которой кружковцы мечтали целый год. Участники гости должны явиться в греческих костюмах, а зрелище должно проходить в амфитеатре, построенном в парке Дома пионеров. В нынешнем году не удалось этого осуществить только потому, что не хотелось отвлекать внимание детей от нужного и серьезного изучения истории СССР.

В качестве основного материала для изучения намечается римская история, как этого хотят все кружковцы.

На предстоящий год кружок ставит себе новые задачи. Удачный опыт выезда в красноармейскую часть показал, что работа в кружке принимает особый интересный характер, когда она приобретает элементы общественной работы. Поскольку курс древней истории в текущем году будет охватывать 5 и 6-е классы, в школе и в отрядах будет много желающих поработать в историческом кружке. Учителю истории нужна будет помощь. Кружковцы, разъезжаясь на лето, дали друг другу слово, что они будут ближайшими помощниками его в организации таких кружков.

Ребята чувствуют себя достаточно подготовленными, чтобы в своем звене провести несколько собраний, посвященных древней истории. Кое-кто из них собирается показать своему звену греческое искусство в Музее изобразительных искусств. Двум кружковцам руководительница занятий кружка в Музее изобразительных искусств предложила во время зимних каникул участвовать в массовках, которые устраивает каждый год Музей для школьников. Под руководством и при ближайшем участии сотрудников Музея они будут показывать товарищам отдельные памятники Музея. Эта мера должна стимулировать углубленную работу над материалом у юных посетителей Музея. Они могут убедиться, каких результатов может добиться каждый из них, если захочет серьезно поработать над собой.

Так совместная работа сотрудников Дома пионеров, руководителей кружка и музейных работников помогает расти нашей смене. Эта работа возможна в любых условиях, в любую она даст хорошие результаты.

Наиболее серьезное затруднение — отсутствие подходящей для юношества исторической литературы — должно быть преодолено совместными усилиями Наркомпроса, педагогов-историков и писателей.

¹ И Сталин. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Стр. 13—44. Партиздат, 1937.

Г. Цветков

ИСПАНСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

I. Революция 1808—1814 годов

К началу XIX века в Испании насчитывалось 11 миллионов населения, состоявшего из кастильцев, басков, каталонцев и галисийцев. В то время Испания оставалась еще преимущественно сельскохозяйственной страной, в которой промышленность только зарождалась в форме мануфактуры, а торговля была еще слабо развита.

Феодальные отношения были господствующими в стране. Особенно сильны были феодалы из духовенства. По переписи 1789 года, в Испании насчитывались 91 тысяча епископов, 61 тысяча монахов и 31 тысяча монахинь. В распоряжении церквей и монастырей находилась $\frac{1}{3}$ всей земельной площади, т. е. 9 миллионов акров лучшей земли. 17 миллионов акров земли находилось в ведении короля. 480 тысяч гвельфов и 280 тысяч дворцовой прислуги также жили за счет эксплуатации крестьянства.

Крестьянство Испании платило огромные суммы помещикам за пользование землей, после ряд феодальных повинностей, платило до $\frac{1}{8}$ части своего дохода церкви и большие налоги государству. На все эти платежи у испанского крестьянина уходило $\frac{2}{3}$ урожая, а в отдельных случаях — даже $\frac{3}{4}$.

Испанские феодалы, помимо эксплуатации крестьян, извлекали еще большие богатства из своих колоний в Америке — нынешних территорий Мексики, Колумбии, Эквадора, Аргентины, Парагвая, Боливии, Уругвая, Венесуэлы, Чили, Перу, с островов Кубы, Филиппин, Порто-Рико и т. д.

Наряду с феодальными классами в Испании в XIX веке выступают капиталисты и рабочие. Но испанская буржуазия была еще слаба: феодальные отношения стесняли ее деятельность.

Слабым был еще и класс рабочих, только зарождавшийся и не осознавший еще своих собственных интересов, своей роли и своей силы. К нему можно было отнести слова Энгельса, сказанные им о французских рабочих того времени: «Пролетариат, еще не выделившийся из общей массы немущих людей, составлял в то время лишь зародыш будущего класса и не был способен к самостоятельному политическому действию»¹.

С конца XVIII века в Испанию проникают идеи буржуазной французской революции, уничтожившей феодализм во Франции. «Пиреней не преградили доступа к философии XVIII века» (Маркс). Эти идеи получают свое распространение среди буржуазии, крестьянства, интеллигенции, рабочих, заинтересованных в крушении феодального строя в Испании.

Государственный строй Испании отражал расстановку классовых сил в стране, господство феодалов и римско-католической церкви. Верховная власть (законодательная и исполнительная) принадлежала «его католическому величеству» — королю. В начале XIX века королем был Карл IV из династии Бурбонов. Это была бездарнейшая и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 260—261.

ниютоннейшая личность. Всеми делами фактически управляли его жена Мария-Луиза (сиреневца Пармская), ее духовник и фаворит Мануэль Годой, возведенный в звание «принца мира».

Хозяйничанье этой камариллы привело к тому, что государственная задолженность Испании увеличилась на 1269 миллионов реалов (реал — 9 копеек). Французский император Наполеон I Бонапарт, борющийся за рынки против соперника на них англичан, приватизировал Карла IV заключить соглашение с Францией, по которому Испания обязывалась помогать Наполеону и начать войну с Португалией, союзницей Англии. Трусливый Карл охотно пошел на это соглашение, считая, что этим он заслужит доверие Наполеона I и сохранит свой престол и старые порядки в Испании. Всячески стараясь заслужить расположение Наполеона, Карл посылал ему в подарок лошадей, бриллианты и т. д.

20 мая 1801 года испанская армия во главе с Годоем начала военные действия против Португалии. Наполеон I воспользовался внутренними раздорами, царившими при испанском дворе, для того чтобы подчинить своим интересам внешнюю политику Испании и подготовить почву для ее захвата. Он принудил Испанию объявить войну Англии (1 октября 1804 года) и выплачивать Франции ежемесячную субсидию в 4 миллиона реалов.

Все это ложилось тяжелым бременем на плечи трудящихся масс испанского народа. Начались волнения и выступления народных масс в Мадриде и в других городах. Карл IV, его жена и Годой вынуждены были в марте 1808 года бежать из столицы, но в Аранжуэнсе были задержаны восставшим народом. Карла IV заставили отречься от испанского престола в пользу сына Фердинанда (17 марта 1808 года). Годой был заключен в тюрьму.

Но всей стране развернулось народное движение, в котором участвовали либеральное дворянство, буржуазия, студенчество, ремесленники, крестьяне, рабочие. Крестьянство стремилось к освобождению от феодальных повинностей и к разрешению вопроса о земле. Благодаря участию в движении либерального дворянства, духовенства и крупной буржуазии, сумевших захватить в свои руки руководство движением, борьба против Наполеона I и Карла IV проходила под лозунгом провозглашения королем Испании сына Карла — Фердинанда. Фердинанда считали человеком либеральным, политическим противником отца, противником Годоя и всей придворной знати. На Фердинанда возлагали большие надежды, полагая, что он освободит Испанию от французского гнета и

от режима, который был в Испании при Карле.

Наполеон I воспользовался династической борьбой между Карлом IV и Фердинандом для осуществления своих захватнических планов. Он отказался признать нового короля Испании — Фердинанда VII. Под предлогом улаживания семейных споров испанского короля Наполеон в апреле 1808 года вызвал во Францию Карла IV, его жену, Годоя и Фердинанда и держал их под почетным арестом.

Наполеон сосредоточил в Испании 100 тысяч солдат под командованием маршала Мюрата, который постепенно захватывал страну. 10 мая 1808 года Наполеон посадил на испанский престол своего брата Жозефа (Иосифа), короля неаполитанского. Бонапарт не произвел коренного изменения феодальных порядков Испании, а старался выкачать в пользу Франции как можно больше богатств. Высшее придворное духовенство и дворянство Испании скоро подчинились Бонапарту. Но «если испанское государство было мертво, то испанское общество было полно жизни»¹, — отмечал Маркс. Мелкая буржуазия, ремесленники, рабочие, интеллигенция, а главным образом крестьяне, вступили в непримиримую партизанскую войну с французскими завоевателями. Началась национально-освободительная война против французов.

Борьба была ожесточенная. Маршал Мюрат в самом Мадриде расстреливал отряды повстанцев, но они не рассеивались. Из окон домов Мадрида на французов сыпался град пуль, а когда французы забегали в дома, чтобы поймать стрелявших, то испанцы пускали в ход ножи и кулаки.

Деревня особенно остро и резко реагировала на приход французов в Испанию. Наполеоновские отряды натолкнулись здесь на невиданное, ожесточеннейшее сопротивление. Партизанские отряды, воевавшие с французами, так называемые гверильясы, составлялись, главным образом, из крестьянства. У них не было единого командования, но это не помешало им выдвинуть таких славных командиров отрядов, как Портилья, Еспози Мина, Ласи и др. С французами боролось все население Испании, включая женщин и детей. Борьба испанского народа за свою независимость богата подлинно героическими эпизодами. Так, известен следующий случай. Французский отряд вступил в деревню, из которой все жители уже ушли. В одной избе солдаты застали молодую женщину с ребенком и попросили ее дать им покурить. Когда пища была готова, солдаты решили удостовериться, не отравлена ли она. Тогда молодая женщина поела сначала сама,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс Собр. соч. Т. X, стр. 722.

и потом накормила и ребенка. Успокоившись после этого французские солдаты приступили к еде. Через некоторое время солдаты, женщина и ребенок умерли. Для того чтобы отравить нескольких французских солдат, женщина решила умереть сама и умертвить своего ребенка. Подобных случаев в Испании было немало.

Дело дошло до того, что «20 июля 1808 г. в тот самый день, когда Жозеф Бонапарт вступил в Мадрид, Кастаньес арестовал 11 000 французов, под командой генералов Дюрана и Виллея, сложить оружие при Байлене (Андалузия.— Г. Ц.), а еще через несколько дней Жозефу пришлось удалиться из Мадрида в Бургос»¹.

Наполеону I пришлось лично отправиться в Испанию вместе с войском в 150 тысяч солдат. 4 декабря 1808 года Наполеон взял Мадрид. Усилилось сопротивление французов и в провинции Испании. Но каждый город, каждая деревня, каждый дом оказались крепостями, которые французам приходилось брать с боя. Особенно тяжело проходило взятие города Сарагосы с его 55-тысячным населением. После долгой осады города французы ворвались в него 27 января 1809 года. Но и после этого им пришлось осажать отдельные дома, сараи, конюшни. Победители жестоко распоряжались с мужчинами, женщинами и детьми. Много тысяч людей погибло при этом в Сарагосе. Три недели продолжалась резня на улицах города.

Проезжая по залитым кровью улицам мертвого города, французский маршал Ланн сказал, обращаясь к своей свите: «Эта победа доставляет только грусть!»

Испанский народ выступал не только против французских захватчиков, он пытался соединить национально-освободительную борьбу с борьбой за землю, за освобождение от феодальных пут, против привилегий дворянства.

Говоря о событиях периода 1808—1814 годов в Испании, Марке писал, что «...в два первые его года в нем существовали самые решительные тенденции к социально-политическим реформам»². Марке отмечал, что национальная партия «...содержала также деятельное и влиятельное меньшинство, видевшее в борьбе народа против французского владычества сигнал к политическому и социальному возрождению Испании. Это меньшинство состояло из жителей портовых и торговых городов и отчасти тех провинциальных центров, где при Карле V отчасти развились материальные условия современного общества. Они подкреплялись культурными элементами высшего и среднего классов, писателями,

Фердинанд VII

врачами, адвокатами и даже священниками, которым Пиренеи не преградили доступа к философии XVIII века. ...Наконец, в Испании была еще буржуазная молодежь, как, например, университетское студенчество, с увлечением примкнувшая к стремлениям и принципам французской революции»³.

В ряде районов трудящиеся Испании изгоняли феодалов из поместий, изгоняли иезуитов, деятелей «священной инквизиции» и т. д.

Однако движение за социально-политические реформы в Испании не получило широкого размаха. Причиной этого была трусость либерального дворянства и большинство испанской буржуазии, не желавших возглавить борьбу за коренные реформы, не желавших стать во главе намечавшейся буржуазно-демократической революции. Рабочий же класс, как было указано, только еще нарождался. Причиной неудачи движения являлись также и забитость, невежество, суеверие крестьянства, которое в большинстве своем не могло окончательно порвать с религией, со старыми взглядами на монархию. Оно следовало за буржуазией и либеральным дворянством, не желавшим развернуть революцию. Здесь, как и в ряде других буржуазных революций на Западе, «...крестьянство представляло резерв буржуазии»⁴.

«...в испанском восстании преобладали национальные и религиозные элемен-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. X, стр. 729.

² Там же, стр. 736.

³ Там же, стр. 727.

⁴ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 36.

ты»¹, — как указывал Маркс. Движение в основном развертывалось только как национально-освободительное против французов. Либеральное дворянство и буржуазия всячески старались отодвинуть на задний план все остальные задачи буржуазно-демократической революции и в первую очередь такой каренной вопрос, как земельный. Движение проходило под флагом борьбы за «украденного» короля — «либерала» Фердинанда VII, которого либеральное дворянство и буржуазия рекламировали как освободителя Испании от французов, как либерального реформатора.

Эта характерная особенность движения особенно заметна на деятельности новых органов власти, местных самоуправлений — хунт, которые возникали в ходе борьбы испанского народа, восставшего против французского гнета. Хунты создавались на основе всеобщего избирательного права и «...были наполнены людьми... всего менее похожими на революционных вождей... — писал о них Маркс — эти детища народного порыва, произведенные на свет в начале революции, просуществовали до самого ее конца, играя роль плотин против революционного потока»².

То же получилось и со всеиспанской Центральной хунтой, избранной местными хунтами 26 сентября 1808 года в составе 35 депутатов. Центральная хунта была составлена из «...испанских грандов, преатов, сановников Кастилии, бывших министров, высших гражданских и военных чиновников»³.

Эта хунта сначала работала в Аранжуэпе, затем в Севилье, а потом в Кадиксе. В Центральной хунте боролись два течения: консервативное и либеральное. Консервативное течение было сильнее. Это видно из того, что во главе Центральной хунты стал граф Флоридо Бланка, бывший придворный Карла III Бурбона. Центральная хунта стала разрешать иезуитам (изгнанным населением и наполеоновскими чиновниками) возвращение в Испанию и, ссылаясь на нашествие французов и необходимость вести с ними борьбу, отказалась от проведения социальных реформ. Либеральное крыло было представлено Лоренсо Кальво-ла-Росас. Он и его сподвижники шеголяли яacobинскими лозунгами, но к массам не шли и не боролись за практическое осуществление этих лозунгов. В местных хунтах тоже укреплялись консервативные элементы. Когда в Астурии и Галисии местные хунты сделали попытку приступить к проведению некоторых реформ, то

Центральная хунта выступила против них и распустила эти хунты.

«Центральная хунта, мало того что мертвым грузом повисла на испанской революции, она в буквальном смысле действовала в пользу контр-революции»⁴, — писал Маркс.

Фактически вся борьба ложилась на плечи гверильясов, но ведь они руководились Центральной хунтой. И это было их трагедией! Центральная хунта подготовила созыв испанского парламента — кортесов, в котором сразу же развернулась борьба умеренных и либералов.

Ввиду того что большая часть Испании была захвачена французами, кортесы собрались и открыли свою работу в 1810 году на острове Де-Леон, а затем (в 1811 году) стали работать в Кадиксе. Состав кортесов был следующий: 97 священников, 15 крупных землевладельцев, 45 высших военных и морских чинов, 63 высших чиновника, 16 профессоров, 60 юристов, 5 торговцев, 4 писателя, 2 врача.

В 1812 году кортесы выработали и приняли конституцию Испании. По этой конституции, вся верховная законодательная власть принадлежала кортесам и королю. Король являлся главой государства и правительства, он имел право вето (запрета) по отношению к декретам кортесов. Система избрания кортесов была трехстепенной. Первичными избирателями являлись все испанцы-мужчины с 25-летнего возраста. Для депутата кортесов требовался имущественный ценз. Официальной религией провозглашалась римско-католическая. По этой конституции и декретам, изданным в развитие ее, в Испании уничтожалась инквизиция, отменялись пытки, сеньяральная юстиция, работоторговля, церковная десятина, внутренние пошлины и т. д. На местах создавались органы самоуправления.

Конституция 1812 года представляла собой смесь реакционных положений с либерализмом. Основной вопрос — вопрос о феодальном землевладении — не разрешался конституцией. Земля оставалась у феодалов, крестьяне должны были по-прежнему нести тяжелые повинности в пользу феодалов. Могущество церкви не было уничтожено. К тому же наиболее либеральные положения конституции не выполнялись или выполнялись плохо.

В 1813 году учредительные кортесы разошлись, и с сентября 1813 года начали работать обычные кортесы.

Между тем борьба с французами продолжалась и шла все успешнее. Наполеон, начав войну с Россией, отозвал из Испании часть своих войск. Да и англичане, в то

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. X, стр. 736.

² Там же, стр. 729.

³ Там же, стр. 731.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. X, стр. 739.

Расстрел.

С картины Гойя.

время непримиримые враги Франции, активно помогали испанцам в их борьбе против Наполеона. После поражения под Лейпцигом в 1813 году, когда Наполеон I начал готовить новую войну против коалиции, он, желая обезопасить свой тыл, отпустил Фердинанда VII в Испанию и возвратил ему титул короля при условии, что тот не присоединится к Англии и заключит с Францией торговый договор. Фердинанд возвратился в Испанию уже тогда, когда приблизился момент падения Наполеона (1814 год), когда в Европе наступала реакция. Еще не доезжая до Мадрида, в Валенсии, 4 мая 1814 года король Фердинанд VII приказом отменил конституцию 1812 года, распустил кортесы, а затем отменил и законы, изданные кортесами. В мае же 1814 года было арестовано большое количество либеральных деятелей. Многие из них были казнены, отправлены в ссылку и т. п. Среди арестованных был либерал Кальво-да-Росас, в свое время героически защищавший Сарагосу.

В 1814 году была восстановлена инквизиция, а в 1815 году в Испанию были возвращены иезуиты. В день своих именин, 30 мая 1814 года, Фердинанд изгнал из пределов королевства всех испанцев, признававших власть короля Жозефа Бонапарта. Отныне вся власть сосредоточивалась вновь в руках короля и его приближенных. О Фердинанде VIII даже буржуазный историк пишет, что это был «человек, отличавшийся отсутствием всяких принципов. Трусливый до раболепства, ко-

гда его игнорировали, он был в то же время крайне жесток, как только власть переходила на его сторону... В нем соединялись все худшие качества Бурбонов» (Торсое). Другой буржуазный историк писал: «Казалось, власть находится в руках умалишенных» (Дезер).

Так закончилась в Испании революция 1808—1814 годов.

«Испанская революция с самого начала потерпела неудачу вследствие ее старания держаться в границах законности и хорошего тона»¹, — писал Маркс об этой революции.

Она не разрешила основных задач буржуазно-демократической революции, не разрешила вопрос о власти, о ломке феодальных отношений, не разрешила первоочередной вопрос — о земле.

Эти вопросы остались в порядке дня следующих революций.

II. Революция 1820—1823 годов

Рестаурация Бурбонов в Испании, приход к власти Фердинанда VIII означали наступление в стране черной абсолютистско-клерикальной реакции. Вновь в Испании стали хозяйничать попы, иезуиты, «священная инквизиция». Всеми делами управляла камарилья, влиятельным членом которой был посол русского царя Татищев. Вся система феодализма мешала свободному развитию промышленности, торговли, сель-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. X, стр. 731.

Генерал Мин.

ского хозяйства, задерживала развитие капитализма. Безумные траты двора привели к тому, что чрезвычайно возрос государственный долг, достигнув к 1820 году 11 миллиардов реалов.

Свободная мысль беспощадно душилась. В 1816 году в тюрьмах Испании сидели 50 тысяч политических преступников: либералов, оппозиционеров и просто неугодных Бурбонам лиц.

Вся политика Фердинанда VII и его правительства привела к разочарованию в короле-«либерале» и вызвала всеобщее недовольство. В лагере недовольных были крестьяне, рабочие, ремесленники, интеллигенция, буржуазия, либеральное дворянство. Непрерывные войны, которые правительство вело против южноамериканских колоний, привели к тому, что в армии сконцентрировались большие революционные силы трудящихся, одетых в шинели.

На роли и значении армии в политической жизни Испании сказались те революционные преобразования, которым она подверглась во время войны за независимость. «...особое положение Испании и война на полуострове создали условия, при которых все жизнеспособное в испанской национальности смогло сконцентрироваться только в армии. Таким образом, единственные национальные движения (в 1812 и в 1822 гг.) исходили от нее»¹, — отмечал Маркс.

В другом месте Маркс писал: «...из всех корпораций испанской монархии одна лишь армия была коренным образом преобразо-

вана и революционизирована во время войны за независимость»².

В армии выделялась группа либеральных офицеров, которые увлекали за собой солдатскую массу, рядовой состав армии. В Испании создается буржуазная либеральная партия.

Волнения и восстания начинаются в Испании непосредственно с 1814 года. Так, в 1814 году в Наварре вспыхнуло восстание под руководством Мина; в 1815 году в Корунье поднял восстание Диас Порлье, провозгласивший конституцию 1812 года; в 1816 году произошло восстание в самом Мадриде; в 1817 году вспыхнуло восстание Наваро в Валенсии. В том же, 1817 году началось восстание в Каталонии (восстание Лоси и Милана). В 1818 году в Валенсии опять было поднято восстание полковником Видалем, закончившееся провозглашением конституции 1812 года.

Для Фердинанда VII дело осложнялось тем, что в этот период против Испании воевали Мексика и южноамериканские колонии, стремившиеся освободиться от гнета мадридского двора. Это движение началось еще с конца XVIII века и поддерживалось США и Англией; последние были заинтересованы в отпадении от Испании ее американских колоний, которые они сами намеревались эксплуатировать.

В начале XIX века колонисты добились больших успехов в своей борьбе за независимость. Широко развернулось национальное движение в Мексике (под руководством Гидальго), продолжались выступления Боливара в Южной Америке. В 1818—1819 годах Хосе де Сан Мартин и Боливар нанесли на территории Чили, Аргентины и Перу решительное поражение королевским войскам Испании. Постепенно от гнета Испании высвобождаются Аргентине, Парагвай, Чили, Боливия, Уругвай, Венесуэла, Эквадор, Колумбия (в современном названии).

Правительство Фердинанда жестоко расправлялось с восстаниями и в самой Испании. Казнен был Порлье, погиб на эшафоте Наваро. Зверски жестоко подавлен был заговор полковника Видаля; он и его сообщники (в том числе одна беременная женщина) были казнены. Эшелоны войск были отправлены для подавления национально-освободительного движения в колониях.

В 1819 году правительством было намечено отправить из Испании в колонии экспедиционную армию и в том числе один астурийский батальон, стоявший недалеко от Кадикса. Этим батальоном коман-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. X, стр. 684.

² Там же, стр. 766.

довал либеральный офицер, выходец из бедной дворянской семьи, полковник Рафаэль Риго. 1 января 1820 года батальон Рафаэля Риго в полном составе отказался от поездки в колонии и поднял восстание против короля, за конституцию 1812 года. К Риго примкнули другие военные части экспедиционной армии, и скоро повстанцев уже насчитывалось 5 тысяч человек. Однако остальные военные части, расположенные на юге Испании, не оказали Риго должной поддержки. Риго считал уже дело проигранным. Но в феврале 1820 года движение перебросилось в Астурию, Каталонию и Арагону; 9 марта 1820 года восстал Мадрид. Население столицы организовало ряд митингов и демонстраций. В этот день толпа ворвалась во дворец Фердинанда и потребовала от него введения конституции 1812 года.

Сила восстания 1820 года «заключается не в заговоре 5000 солдат, а в том, что этот заговор был санкционирован тридцатипяти тысячной армией и самой лояльной нацией в двенадцать миллионов населения»¹, — говорит Маркс.

Это начинал понимать и Фердинанд, который был вынужден присягнуть конституции 1812 года, созвать кортесы, создать новое правительство из сторонников конституции, упразднить «священную инквизицию». Церковь он не тронул, а, наоборот, приказал попам в храмах обнародовать свое решение и разъяснить конституцию. Подкрашивая церковь под конституционный цвет, Фердинанд VII надеялся ее сохранить.

В дальнейшем стали обнаруживаться слабые стороны революции. Не было принято решительных мер для того, чтобы поднять крестьянство. Созванные 9 июля 1820 года кортесы, в которых председательствовал Риго, были заполнены либеральным дворянством и буржуазией, они не решились на проведение коренных реформ и не пошли дальше конституции 1812 года. Феодализм не был уничтожен, земля сохранялась за помещиками, кортесы уничтожили только некоторые, наиболее тяжелые и устаревшие повинности крестьянства. Они не решились даже посягнуть на огромные богатства церкви. С большим почтением и раболепием кортесы относились к Фердинанду VII, не покушаясь на его права. Этим воспользовались гвардейские части, которые с согласия короля, подняли 7 июля 1822 года контрреволюционное восстание под руководством священника Мерино. Мятежники пытались восстановить абсолютизм. Однако это выступление крайних монархистов окончилось неудачей, встретив отпор со стороны

трудящихся. Население Мадрида кричало: «Смерть тирану, смерть королю!» Фердинанд VII ответил на это роспуском революционных военных частей, верных кортесам, причем кортесы этому не воспротивились.

Все же король и его сторонники не могли своими силами восстановить абсолютизм в Испании. На помощь Фердинанду VII пришли монархи Европы, которые увидели в испанской революции новую опасность, грозившую переброситься в другие страны.

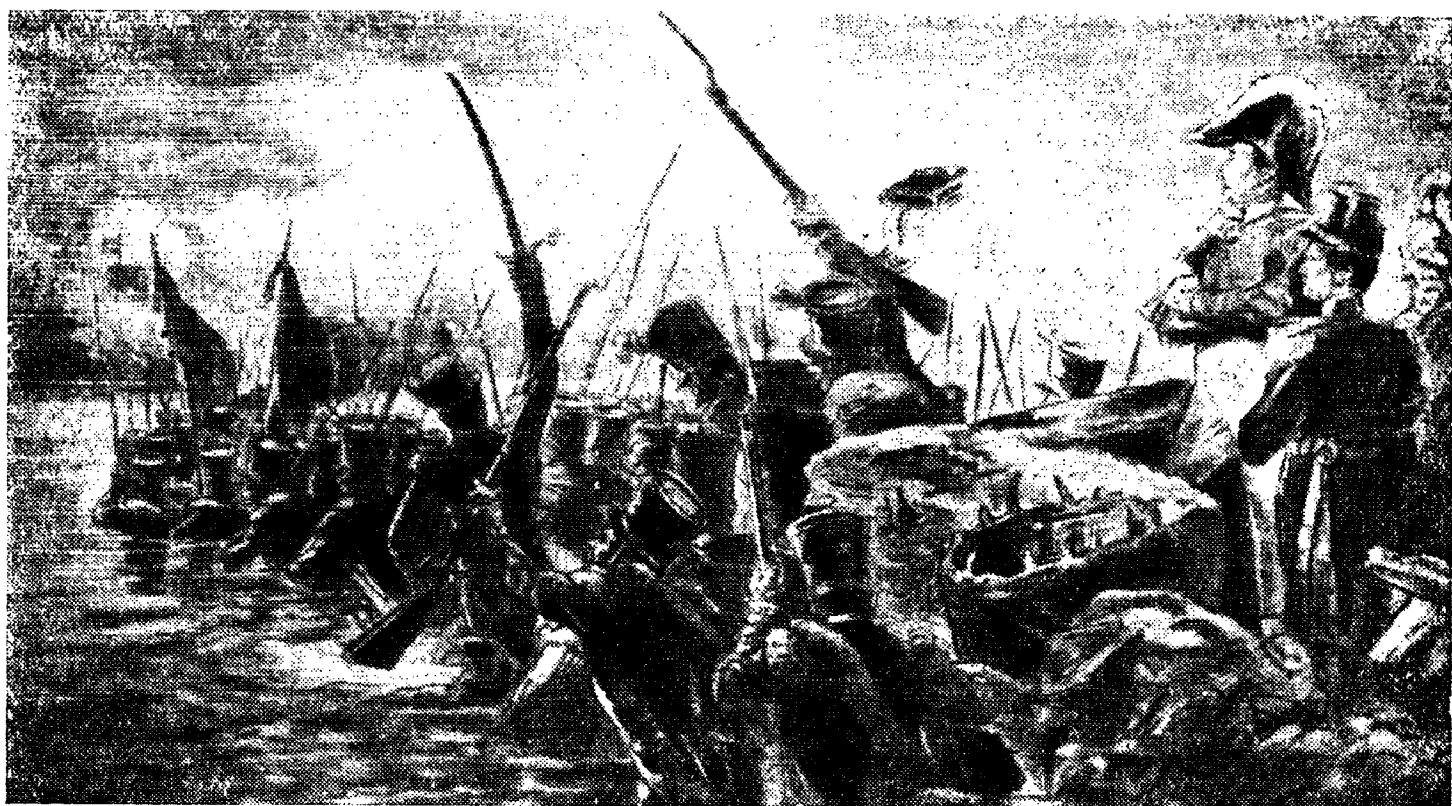
Непосредственно инициативу в подавлении испанской революции 1820 года проявил «Священный союз». Этот «Союз», который справедливо называли всеевропейским жандармским управлением, был создан в 1815 году по инициативе русского царя Александра и австрийского министра-реакционера Меттерниха для борьбы с революционным движением в Европе. «Союз» уже показал свое лицо, когда выступил для разгрома либерального движения в Германии, когда оказывал помощь Испании и Португалии в их борьбе против колоний, когда громил итальянскую революцию, стараясь восстановить в Италии абсолютистский порядок. Царь Александр I, задававший тон в «Священном союзе», настаивал на немедленном вмешательстве в испанские дела. Русский министр граф Нессельроде от имени царя писал другим членам «Священного союза»:

«Союзные государи, устранив последние остатки французской революции, не сочли своим долгом не допускать, чтобы подобная буря в третий раз посетила Европу?.. Не следует ли теперь напомнить испанскому правительству о принципах союзников? Пусть оно узнает, что, по нашему общему мнению, спасение и благо Европы требуют, чтобы это зло (мартовские события) было поправлено, чтобы это пятно было смыто».

Активно агитировали за вмешательство в испанские дела и французская клерикальная партия и представители Франции в «Священном союзе» Шатобриан и Монморанси, а также прусский и австрийский дворы.

С другой стороны, Фердинанд VII, формально принявший конституцию 1812 года, новое правительство и кортесы, тайно обращался к «Священному союзу» за помощью для разгрома революции. 22 июля 1822 года он отправил деятелям «Священного союза» обращение с просьбой помочь ему. На своем конгрессе в Вероне «Союз» решает помочь «законному государю Испании восстановить абсолютистский порядок и разгромить революцию». Для этого «Союз» поручает французскому королю Людовику XVIII (тоже Бурбону) послать в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. X, стр. 766.

Передвижение войск герцога Ангулемского.

Испанию войска. 5 января 1823 года в Мадриде были получены угрожающие ноты Пруссии, Австрии, России и Франции, предлагавшие Испании отказаться от конституции и кортесов. Но испанское правительство не могло на это открыто согласиться. В январе 1823 года послы этих держав оставили Мадрид; произошел разрыв дипломатических отношений.

В апреле 1823 года французские войска в количестве 95 тысяч человек, под командованием герцога Ангулемского, направились в Испанию. Кортесы, в которых господствующую роль играла буржуазия, плохо организовали оборону, предоставив это дело партизанским отрядам — герильясам. Но даже в этих условиях герцогу Ангулемскому понадобилось 6 месяцев для того, чтобы разгромить силы испанского народа. Последней сдалась Барселона. В октябре 1823 года испанский король был «освобожден от плена кортесов». «Честным» словом король Фердинанд VII обещал амнистию сторонникам кортесов. Но через несколько дней он объявил свои обещания недействительными и стал «наводить порядок» в Испании. Были упразднены конституция, кортесы, отменены реформы. Фердинанд резко обрушился на сторонников конституции. Рафаэль Риго одним из первых попал в тюрьму, откуда его полуживого 7 ноября 1823 года вывели на эшафот и казнили. Вслед за ним было казнено еще 122 человека. Многие были сосланы на каторгу, посажены в тюрьмы. Преследованию подвергался всякий, у кого находили книгу, напечатанную между 1820 и 1823 годами. В Гренаде повесили одну женщину за то, что она вышла слова: «Закон, свобода, равенство».

Фердинанд VII опять стал абсолютным монархом, он попрежнему окружил себя попами, иезуитами и восстановил инквизицию. Главным министром он назначил махрового реакционера Каломарде. Рассказывают, что даже герцог Ангулемский выразил недовольство столь реакционными действиями Фердинанда VII.

Если испанский король с помощью «Священного союза» разгромил революционное движение в самой Испании, то революционное движение в колониях ему подавить не удалось: оно разрасталось и, поддерживаемое США и Англией, одерживало победу за победой. К 1825 году южноамериканские колонии Испании (Колумбия, Аргентина, Парагвай, Венесуэла, Чили, Перу и т. д.) и Мексика отделились от Испании и стали формально независимыми, самостоятельными государствами.

Так закончилась в Испании буржуазная революция 1820—1823 годов. Неудача ее объясняется предательством и непоследовательностью испанской буржуазии и недостаточной организованностью трудящихся масс Испании. Но решающую роль в разгроме второй испанской революции XIX века сыграла интервенция «Священного союза».

III. Революция 1834—1843 годов

Восстановление абсолютизма в Испании было временным и непрочным. Успехи растущего капитализма все острее ставили проблемы развертывания и завершения буржуазно-демократической революции. Национальные меньшинства (каталонцы, баски) мечтали об освобождении от тнета мадридской камарильи. Росли силы рабо-

чего класса. В Барселоне и Малаге были построены крупные металлургические заводы, машиностроительный завод, на которых работали тысячи пролетариев. Особенно быстро росла текстильная промышленность, в которой концентрировалось большое количество фабричного пролетариата.

Выступления против Фердинанда VII начались с 1826 года. Особенно много их было в 1830 и 1831 годах, чему дала толчок польская революция 1830 года во Франции. Однако борьба в Испании опять приняла своеобразный династический характер. Фердинанд VII не имел наследников. Испанский престол готовился занять брат короля Дон Карлос. Это сильно пугало либеральные буржуазные элементы Испании, не говоря уже о трудящихся, ибо Карлос был известен как махровый реакционер, друг иезуитов, деятелей «священной инквизиции», и пр. По сравнению с ним даже Фердинанд VII казался либералом.

К величайшему удовольствию либералов Фердинанд женился в четвертый раз на молодой принцессе Марии Христине, дочери неаполитанского короля. Мария Христина родила в 1830 году дочь Изабеллу, а в 1832 году — дочь Луизу. По старым законам Испании, наследником все же должен был остаться Карлос, так как женщине передавался престол в случае полного вымирания мужской линии в королевской семье. Фердинанд VII приказом изменил этот закон, назначив Изабеллу своей наследницей, а Карлоса отослал в Португалию.

29 сентября 1833 года Фердинанд умер, оставив Марию Хрестину регентшей до совершеннолетия Изабеллы. Вся Испания разделилась на два лагеря. К Карлосу примкнули иезуиты, «священная инквизиция», старое офицерство. Карлоса поддерживал и римский папа и отдельные монархи Европы (Россия, Австрия, Пруссия). Создалась партия карлоситов (или карлистов), основное ядро которых составляли апостолики (крайне реакционные поповские элементы). Карлоситы через попов развернули свою агитацию, стараясь втянуть в борьбу за «престолонаследие» темные, суеверные слои крестьянства.

В октябре 1833 года апостолики провозгласили Карлоса королем Испании под именем Карла V. Папа римский спешно признал нового короля. Карлос возвратился из Португалии, организовал своих сторонников в громадную, хорошо вооруженную армию и начал войну за испанский престол.

Мадрид был в руках Марии Христины, которая не собиралась уступать власть. Для успешной борьбы с карлосита-

ми Мария Христина нуждалась в помощи либералов, интеллигенции, трудящихся масс страны. Поэтому королева-регентша вынуждена была пойти на уступки либеральным элементам: в 1834 году она вводит в Испании куцую конституцию. По этой конституции, создавались кортесы, состоящие из двух палат. Верхняя палата назначалась королем из феодалов, а нижняя выбиралась лицами, получавшими не менее 3 тысяч франков годового дохода. Кортесы могли быть распущены королем. Министры не были ответственны перед кортесами. Умеренные либералы (Истурис, Парваэс и др.) решили поддержать Марию Хрестину и ее конституцию и создали партию конституционалистов (христиносов) в противовес карлистам.

Эта партия пыталась повести за собой широкие массы народа для борьбы против Карла. Однако с самого начала Мария Христина не имела поддержки со стороны народа. Левые либералы — прогрессисты (Эспартеро и др.) — просили Хрестину о новых реформах, идущих далее обещаний королевы-регентши. Трудящиеся массы требовали коренной реформы государственного строя. В ходе борьбы с карлистами широкие массы крестьян и рабочих, мелкая буржуазия, солдаты, ремесленники выступали и против режима Марии Христины. От регентши потребовали смены старого министерства и создания нового. В 1835 году Мария Христина должна была создать министерство во главе с прогрессистом Мендисабалом. Создаваемые народом на местах революционные хунты требовали от регентши и Мендисабала созыва учредительного собрания и введения в стране конституции 1812 года.

Мендисабал пошел на ряд реформ. Для покрытия государственного дефицита он закрыл часть монастырей и употребил их имущество на погашение государственного долга. Мендисабал узаконил революционные хунты, дал амнистию политическим заключенным, ввел новый избирательный закон. Все эти реформы были половинчатыми: землю крестьянину они не дали и его положения не улучшили, но они приостановили разметие революционного движения в стране.

Но и эти реформы вызвали возмущение у Марии Христины и ее приближенных. В 1836 году она заменила Мендисабала умеренным либералом — Истурисом. Это вызвало новую волну недовольства в народе, которое вылилось в восстания против регентши. Поднялись крестьянство и городская беднота в районах Малаги, Кадикса, Гренады, Валенсии, Каталонии и пр. 12 августа 1836 года против королевы восстала королевская гвардия. Солдаты и унтер-офицеры гвардии ворвались в замок

Генерал Эспартеро.

регентши и потребовали введения в стране конституции 1812 года. Мария Христина вынуждена была уступить. Она пообещала ввести новую конституцию и создала новое министерство из прогрессистов во главе с Хозе-Мария Калатрава и с участием Мендисабала. В 1836 году были созваны учредительные кортесы, которые выработали новую конституцию, представлявшую собой компромисс между конституцией 1812 и 1834 годов. По этой конституции, за королем сохранялось право вето и право роспуска кортесов. Правительство и кортесы отменили церковную десятину и некоторые сеньеральные права, решительнее наступали на карлистов. Но все это сильно раздражало Марию Христину, и она повела тайные переговоры с карлистами, соглашаясь уступить испанский трон сыну Карла V при условии его брака с Изабеллой. Планы Марии Христины были сорваны единодушным сопротивлением трудящихся масс города и деревни, разгромивших карлистов.

Война, которую Карл вел с «христиносами» с 1833 года, была очень ожесточенной. Генералы Карла — Кабрера, Гомец и другие — отличались своими жестокостями. Карлисты практиковали сожжение целых деревень вместе с жителями, убивали детей на глазах у матерей. В 1836 году Кабрера казнил 31 женщину — жен либеральных офицеров. В 1837 году Карл был под стенами Мадрида и грозил взять его, но силы его были слабее сил испанского народа. Да и организованности в его войсках было мало. Генералы Карла часто ссорились между собой, вели интриги, не помогали друг другу.

Во главе армии Марии Христины стояли прогрессисты: генерал Эспартеро и умеренный генерал Нарваес. Карл Маркс писал об Эспартеро: «Военные заслуги Эспартеро в такой же мере спорны, в какой его политические промахи неоспоримы... Во всяком случае Эспартеро представляет весьма оригинального героя, историческое крещение которого ведет не от победы, но от поражения. В семилетней войне против карлистов он ни разу не отличился каким-либо смелым ходом вроде тех, которые его сопернику Нарваесу быстро доставляли репутацию воина стального закала»¹.

Но армию Эспартеро поддерживали широчайшие круги народа (мелкая буржуазия, интеллигенция, крестьяне, рабочие, ремесленники). Благодаря этой поддержке карлисты были разбиты. В августе 1839 года Карл вынужден был заключить мир и бежать во Францию. Кабрера, вопреки договору, продолжал борьбу с конституционалистами до своего окончательного разгрома в июле 1840 года.

После разгрома карлистов Мария Христина пыталась отменить либеральные реформы периода революции. Это вызвало волну народных выступлений против королевы-регентши. Толчком к восстаниям явился закон об ограничении прав местных органов управления. В январе 1840 года поднялся Мадрид, затем Барселона, за ними и другие города. Движение перекинулось и в деревню. Мария Христина вынуждена была отречься от регентства. 17 октября 1840 года она покинула Испанию и отправилась во Францию. Главой правительства и регентом был провозглашен Эспартеро, сын ремесленника, бывший солдат, получивший чин «герцога победы». Но, придя к власти, прогрессисты показали, что они недалеко ушли от Марии Христины. Своими купыми реформами (закрытие монастырей в баскских провинциях, предоставление местным органам прав самоуправления и т. д.) прогрессисты несколько не разрешили коренных задач буржуазно-демократической революции в Испании.

Маркс так оценивал создавшуюся обстановку:

«Когда в 1840 г. Христина была вынуждена отречься от регентства и бежать из Испании, Эспартеро, вопреки желанию весьма значительной части прогрессистов, принял высшую власть, ограниченную, однако, парламентом. Он окружил себя чем-то вроде камарильи, но внешне действуя, как военный диктатор, в сущности же не пытаясь возвыситься над

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. X, стр. 689—690.

уровнем обычного конституционного короля. Его милостями пользовались скорее умеренные, чем прогрессисты, которые, за редкими исключениями, не допускались на должности. Не примирив с собою врагов, он постепенно отдалил от себя друзей... За три года его диктатуры революционный дух, в длинной цепи компромиссов, мало-помалу исчезал, а раздоры в прогрессистской партии, никем не сдерживаемые, достигли высшей степени»¹.

Недовольство политикой Эспартеро росло в среде крестьянства, мелкой буржуазии и даже среди самих прогрессистов. Против Эспартеро выступали и национальные меньшинства Испании и растущий испанский пролетариат. В 1839 году рабочие вырвали у правительства ограниченное право ассоциаций, которые и начинают возникать с этого года в Испании (общество ткачей Барселоны, организованное рабочим Мунтсом в 1840 году, и др.).

В 1842 году против Эспартеро восстала Барселона, требовавшая учредительного собрания, автономии и новых реформ. В выступлении исключительную роль играли рабочие. 2 декабря 1842 года Эспартеро разгромил восстание, подверг город артиллерийской бомбардировке. Но даже и этими мероприятиями Эспартеро не угодил силам наступающей реакции, победу которой по сути дела подготавливал он сам. В 1843 году буржуазные либералы и феодалы свергли Эспартеро и создали новое министерство во главе с умеренным либералом генералом Нарваесом.

Новое правительство отменило все либеральные реформы и изменило конституцию в сторону еще большего усиления власти короля. В 1843 году 13-летняя Изабелла была объявлена совершеннолетней и провозглашена королевой. Затем возвратилась в Испанию Мария Христина, которая

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. X, стр. 690—691.

устроила в 1846 году брак Изабеллы с Франсиском Де-Асисе.

Так окончилась в Испании буржуазная революция 1834—1843 годов — третья по счету в первой половине XIX века.

Причины ее поражения те же, что и предыдущих революций: она погибла из-за трусости и предательства крупной буржуазии, наложившей свою роковую печать на все революции первой половины XIX века в Испании, и вследствие слабой организованности демократических масс.

* * *

Господство феодально-помещичьего режима не было свергнуто в Испании и во второй половине XIX века.

Наступившая фаза монополистического капитализма застала промышленность Испании опутанной густой сетью полуфеодальных отношений. Испанская буржуазия, напуганная ростом международного рабочего движения и ростом сил пролетариата в самой Испании, все теснее блокировалась с аграриями.

Когда наступил период всеобщего послевоенного кризиса капитализма, положение широких трудящихся масс города и деревни еще более ухудшилось. Но пролетариат Испании, окрыленный победами Великой Октябрьской социалистической революции в России, ответил на это ростом революционного движения, приведшим к созданию коммунистической партии. Только с этого времени под руководством коммунистической партии испанский пролетариат стал гегемоном буржуазно-демократической революции.

Вокруг коммунистической партии Испании для окончательного разгрома испанского фашизма и германо-итальянских интервентов объединяются трудящиеся массы и все лучшие прогрессивные элементы испанского народа.

Ф. Ротштейн

«История XIX века» под ред. Лависса и Рамбо. Тт. I-VIII. Соцэкгиз. 1937.

Указания ЦК партии и лично товарища Сталина повернули наших историков от бесплодных квазимарксистских схем к изучению конкретного содержания исторического процесса. Этот поворот уже дал заметные результаты. Одним из показателей возросшего в нашей стране интереса к глубокому изучению конкретной истории всех стран и народов является радужная встреча, оказанная советскими читателями вышедшей недавно в русском переводе «Истории XIX века» под редакцией Лависса и Рамбо. Труд этот неновый. Он был написан как заключительная часть «Всеобщей истории с IV в. до наших дней» еще в 1897—1903 годах. С того времени историческая наука пополнилась новыми материалами и исследованиями, выявились новые документы, архивные, мемуарные и пр., о которых, конечно, не знали авторы рецензируемого труда. Кроме того советскому читателю необходимо иметь в виду, что авторы и редакторы этого труда были буржуазными учеными, очень далекими от марксистского понимания истории, далекими и от сочувствия рабочему классу, а в отношении колониальных народов даже враждебными. Тем не менее выбор Соцэкгизом именно этой содержательной и местами даже увлекательно написанной работы из ряда других коллективных работ по истории XIX века следует считать очень удачным.

Буржуазная историческая литература богата подобными коллективными работами. Особенно их много в Германии, где когда-то пользовались большой известностью всемирные истории Шлоссера и Вебера, а затем Онкена и Гельмольта. Начиная, однако, примерно с середины прошлого века большинство исторических работ в Германии написано буржуазными историками, которые безнадежно погрязли в прусско-гогенцоллернской, бисмарковски-цезарист-

ской, а в наше время фашистской идеологии.

Тем не менее благодаря раболепному преклонению перед немецкой ученостью со стороны официальной исторической науки царской России, а также благодаря искусной германской пропаганде, подкрепляемой, несомненно, и материальными субсидиями по изданию тех или иных сочинений в русском переводе, наша дореволюционная переводная историческая литература очень долго питалась немецкими источниками, распространяя среди читающей и изучающей публики прусские «идеалы» и прусскую оценку людей и событий. Курьезно, что даже имена не немецких деятелей мы воспринимали в немецкой оболочке: мы английских королей Вильямов, Чарльзов, Джорджей и по сей день называем Вильгельмами, Карлами, Георгами, а французских Шарлей, Луи и Анри величаем Карлами, Людовиками и Генрихами.

Французская и английская историография гораздо дольше и заметнее сохранила либеральную, часто радикальную и демократическую трактовку исторических событий и лиц. Это делает ее для нас более приемлемой. Французские историки к тому же, как французские писатели вообще, благодаря своим вековым литературным традициям умеют облекать свои мысли и самые факты в легкую и увлекательную форму. Поэтому мы и говорим, что выбор истории Лависса и Рамбо был удачным: это история содержательная, отлично написанная и, если исключить «наполеониста» Вандаля и одного или двух авторов с сильным колонизаторским духом, составлена историками, принадлежавшими к республиканскому, отчасти либеральному, отчасти радикально-демократическому лагерям. Сам Лависс, умерший в 1922 году, был крупнейшим историком Франции либерального направления; его партнер, Рамбо (умер в 1905 году), автор трудов по истории французской цивилизации, знаток истории Восточной Европы и, в частности, России; затем Олар — известный нашим читателям историк французской революции; Сеньобос — не менее известный историк Европы (оба радикал-демократы). Затем идет ряд таких имен, как Дебидур, автор широко известной дипломатической истории Европы, Дрию, выдающийся знаток восточного вопроса, Пенго, директор архивов министерства иностранных дел, отлично знающий Центральную Европу, и множество других выдающихся ученых, —

словом, целая плеяда очень известных и популярных историков, превосходно знающих свой предмет и умеющих столь же превосходно излагать его.

Нельзя сказать, чтобы при таком множестве сотрудников качество статей оставалось неизменно на одном и том же высоком уровне. Лучше всего написаны статьи, касающиеся Франции. Эти статьи занимают вообще центральное место в рецензируемом труде. Это естественно как в силу того, что авторы — французы, так и того, что Франция вплоть до 1870 года действительно занимала в истории Европы выдающееся место (период Наполеона I, революции 1830 и 1848 годов, Вторая империя). Удовлетворительны и статьи о Германии проф. Э. Дени; хуже написаны разделы, касающиеся Англии, принадлежащие перу Метена, и всего менее удовлетворителен весь комплекс статей по Дальнему Востоку, который тогда, в конце прошлого столетия, еще не привлекал к себе внимания исследователей в такой мере, как сейчас. Разделы, трактующие международную политику и написанные такими авторитетами, как Сорель и Дебидур, отличаются значительными достоинствами: недостатки их приходится отнести за счет того, что в момент их написания дипломатические архивы были еще закрыты для ученых специалистов.

Главы же, посвященные колониям, написаны поверхностно и насквозь проникнуты духом колонизаторства. Эта часть книги закономерно вызовет резко отрицательную оценку советского читателя.

Редакция этого обширного коллективного труда провела свою работу весьма тщательно, сводя воедино статьи не только в смысле устранения повторений и разногласий, но и в политическом отношении, стараясь выдержать повсюду либеральный, республиканский тон. Исключения составляют главы, посвященные церкви и религии, вопросу, который во Франции, Германии и ряде других государств занимал большое место в их внутренней и внешней политике. Эти главы написаны профессором Шероном, который не только не скрывает своих симпатий к католической церкви, но под маской защиты веротерпимости жестоко критикует правительство, стремившееся обуздать аппетиты, властолюбие и влияние церкви на молодое поколение. Богатый и прекрасно подобранный фактический материал делает и эти статьи весьма ценными и интересными, но тенденция их, конечно, реакционная и требует особенно критического подхода со стороны лиц, ими пользующихся.

Переходя теперь к самому содержанию настоящих томов, нелишне будет отметить, что выпустившее их издательство объяви-

ло о предстоящем новом, исправленном и дополненном издании, где будет восстановлен ряд глав о России и об экономике Франции, которые в данном издании были выпущены.

Первые два тома охватывают период Наполеона I. Тут читатель найдет внутреннюю и внешнюю (включая военную) историю Консульства и Империи, описание политико-административного и судебного устройства, гражданского законодательства (Кодекс Наполеона), организации народного образования и церковного устройства Франции. Без надлежащего знакомства с этими главами невозможно понимание и современной Франции, носящей неизгладимый отпечаток наполеоновской системы управления. Эта часть содержит также описание героической борьбы испанского народа за свою независимость, против французских завоевателей и историю великой русской Отечественной войны, наконец, разгрома Наполеона и крушения его империи. Параллельно изложена история Пруссии, Австрии, Польши, скандинавских стран, Англии, Турции, Юговосточной Европы, государств Передней Азии, Соединенных штатов Америки и т. д.

Изложение повсюду отчетливое, расположенное в строго хронологическом порядке, насыщенное фактами. Никакого возвеличения Наполеона, вопреки всем французским буржуазным традициям, читатель на этих многочисленных страницах не найдет. Напротив, он найдет там полное и совершенно ясное формулирование того тезиса, что Наполеон явился душителем революции. Процесс этого удушения изображен с замечательной последовательностью, шаг за шагом, и с полной убедительностью. Авторы считают, что Наполеон явился угрозой для Европы и что Европа находилась и действовала в состоянии обороны. Правда, если бы авторы оперировали марксистским методом и сумели вскрыть экономические причины англо-французской борьбы того времени, то вопрос о том, кто напал и кто оборонялся, не был бы так просто решен ими. Однако ценно уже то, что они не присоединились к шаблонному тезису французской патристической историографии о том, что во всем виновата была Англия.

Отрицательное отношение к Наполеону выражается и в том, что авторы критически подходят даже к его военным успехам. Конечно, гениальности Наполеона, его умения готовить и организовать походы, подбирать людей и командовать ими — всего этого авторы не отрицают, но они сводят организационные и технические преобразования, произведенные им в армии, к сравнительно скромным размерам, показывая, что основное и прогрессивное

в создании новой армии было сделано революцией. Прежняя народная армия Франции при Наполеоне превратилась в армию профессиональную, оторванную от народа и проникнутую духом преторианства. Эти объяснения весьма поучительны и помогают понять причины, которые, в конце концов, привели к крушению этой армии и всей наполеоновской империи.

Авторы в сочувственных тонах изображают борьбу испанского, русского и немецкого народов и не колеблются констатировать неудачу Наполеона всякий раз, как он наталкивался на подлинно народное сопротивление. Фактически Наполеон, разбивая одну за другой феодальные державы, выставившие против него принудительно набираемые, до бесчувствия мушкетеры, лишены всякой инициативы армии крепостных, никогда не был в состоянии понять духа и силы народной борьбы. Поэтому-то, когда он увидел пламя подожженной со всех концов Москвы, он мог только воскликнуть: «Да это скифы!» Так, во время войн с революционной Францией один из прусских генералов Гогенлоэ-Ингельфинген, будучи несколько раз разбит французскими санкюлотами, дравшимися совсем не по правилам искусства Фридриха Великого, посоветовал своему королю поскорее заключить мир. «Что поделаешь с этими дураками!» — мотивировал он. Наполеон рассуждал не лучше чем этот феодал, когда сталкивался с яростью народных масс, защищавших свое отечество.

Второй и третий томы охватывают период реакции до революции 1848 года. Здесь описывается Венский конгресс с его бесцеремонным переделом земель и народов в интересах монархической реакции, тут и Священный союз, охранявший эти переделы, тут и произвол реставрированных Бурбонов во Франции, Испании и Неаполе. Красочно и живо описываются революционные события 1830 года во Франции, Бельгии, Польше, Греции, Италии и усилия реакции, направленные на подавление революции. Показаны также отголоски революции в Англии, где виги, набравшись храбрости и подталкиваемые рабочими и мелкобуржуазными массами, провели «реформу» парламента — реформу жалкую, но все же достаточную для того, чтобы помочь промышленной буржуазии прийти к власти. В этих же томах имеются разделы о Соединенных штатах Америки, о борьбе стран Латинской Америки за свою независимость, наконец, о французских и английских колониях и о Дальнем Востоке, в частности об «открытии» Китая английскими пушками (опиумная война) и столь же «цивилизаторском» проникновении французов в Индо-Китай.

Наш советский читатель, несомненно, найдет интересный материал в главах, посвященных революции в Испании и подавлению ее, по приказу Священного союза, французскими интервентами. «Будь Испания предоставлена самой себе, несомненно она пережила бы страшный кризис, а затем свобода и прогресс восторжествовали бы в ней. Вмешательство Франции еще на десять лет ввергло ее в абсолютизм», — пишет автор, и слова его, содержащие обвинение против реакционных сил, звучат почти современно.

Весьма содержательна глава об июльской революции, которой буржуазные «революционеры» вовсе и не хотели, но которую Лафитты и Тьеры ловко использовали, чтобы посадить на престол Луи-Филиппа Орлеанского. В рассуждениях автора этой главы много наивного. По его мнению, революция 1830 года была «политической нечаянностью», так как «с материальной точки зрения период Реставрации был для Франции счастливым временем» и «даже в среде буржуазии многих пугала возможность революции». Однако, если бы автор учел происшедшую во Франции за период Реставрации промышленную революцию, выдвинувшую на сцену новую буржуазия с классовыми требованиями, несовместимыми с интересами господствовавшего дворянства, если бы он заметил зарождение подлинного пролетариата, заявлявшего о своем существовании многочисленными стачками, если бы он вспомнил о крестьянской массе, разоряемой налогами в пользу той же, реставрированной аристократии, то революция 1830 года, как она ни была незначительна по сравнению с предыдущей и последующей, все же не показалась бы ему «случайностью».

Раздел, касающийся Англии, как мы уже говорили, слабее других, хотя период 1830—1847 годов принадлежит к самым значительным в новой истории Англии, так как он характеризуется завоеванием власти промышленной буржуазией и преобразованием политического и экономического режима в буржуазных интересах. Среди этих преобразований муниципальная реформа, передавшая городскую полицию в руки буржуазии, новый закон о бедных, загнавший сельский пролетариат на фабрики, и отмена хлебных пошлин занимают первое место. Излагая в достаточной мере фактическую сторону этих преобразований, автор не сумел дать им надлежащее освещение. Еще менее он понял чартистское движение, которому он уделяет всего полтора десятка строк, и классовую подоплеку фабричного законодательства, которое тории выдвигали и проводили в целях «обуздания» промышленного капитала.

Гораздо лучше освещена история Герма-

нии за этот период. Зарождение романтизма в литературе и ряда наук, связанных с изучением прошлого, как археология, филология, сравнительное право и собственно история, в связи с развитием национального сознания, а затем перерождение их в апологию реакции изложены интересно и содержательно. В этой связи оценка роли Гегеля, который, «провозглашая все действительное разумным, протестовал во имя жизни и настоящего против безумных затей апостолов средневековья» и учение которого «еще до выступления на сцену его радикальных истолкователей... было полно революционных зародышей», — эта оценка в устах буржуазного французского писателя звучит весьма неплохо. Вообще весь раздел о Германии: описание реакции в Пруссии, состояние Габсбургской монархии, значение Таможенного союза, пробуждение чешской национальности — читается с большим интересом, и, что очень ценно, этот раздел свободен от антигерманских предубеждений, которых можно было бы ожидать от буржуазного французского автора. Для историка франко-германских отношений эта черта, проходящая довольно заметно через все главы, посвященные Германии, представляет известный интерес как показатель тех сравнительно миролюбивых настроений, которые в конце прошлого и начале настоящего столетия господствовали во французском общественном мнении несмотря на воспоминания об Эльзасе и Лотарингии. Эти настроения стали сменяться лишь под влиянием германской колониальной агрессии.

Следующие два тома; пятый и шестой, посвящены эпохе революций и национальных войн. Перед читателем проходят европейские революции — во Франции, Германии, Австрии и Италии — затем — период реакции; Вторая империя во Франции, Крымская война, итальянский поход франко-прусская война и крушение империи Наполеона III, события в Америке, в частности гражданская война, экспансия России на Дальнем Востоке и т. д. Оценка февральской революции во Франции не щадит буржуазии и ее вождей, предателей французского народа, Тьера, Ламартина и других, разоблачает мошенничества пресловутой люксембургской комиссии, призванной осуществить «право на труд», и оправдывает июньские выступления парижских рабочих. Точно так же старания сардинского короля «перехватить» национально-революционное движение в Италии и использовать его в своих династических интересах также подвергаются критике. Хотя автор прямо этого не говорит, но из его изложения довольно ясно видно, что в Италии, как и в Германии, выдвигание на первый план национальной идеи в

ущерб идее демократической революции как предпосылки национального освобождения сыграло роковую роль, передав дело этого освобождения в руки монархии и ее лавких служителей. События 1848 и следующих годов в Германии и Австрии изложены подробно и интересно, причем трусливое поведение немецких либералов подвергается справедливой критике. Автор (Э. Дени), указав на враждебную позицию, занятую несколькими реакционными правительствами по отношению к решениям франкфуртского собрания, говорит: «Сломить их сопротивление можно было, лишь обратившись к народу», но «центр отказался от революционного образа действий, а самые влиятельные его члены покинули собрание, в котором скоро осталась какая-нибудь сотня депутатов, принадлежащих к крайней левой». За нею стояли серьезные силы: «Наряду с коммунистами, главным органом которых была «Новая рейнская газета» Карла Маркса и которые являлись главным образом в Саксонии, Силезии, Вестфалии и Рейнской Пруссии, демократы насчитывали множество сторонников» в различных частях Германии, но «парламентские республиканцы колебались и теряли драгоценное время». В результате они были разогнаны.

С большой подробностью изложена и история Франции при Второй империи. Автор сильно преувеличивает экономическое процветание Франции под эгидой Луи Наполеона и совершенно искажает истинную природу деятельности различных спекулянтских предприятий, возникавших при его прямом покровительстве как грибы после дождя, но политическая оценка этой шарлатанской империи дана в общем правильно. Относящиеся к этому периоду крымская и итальянская войны изложены обстоятельно, и, между прочим, героическому сопротивлению русской армии под Севастополем воздается должная похвала: автор видит в ней «противника, одаренного редкими военными качествами, бесстрашного, упорного, не впадающего в уныние, а, напротив, после каждого поражения бросавшегося в бой с возросшей энергией». Увы, эти высокие качества не спасли русской армии от конечного поражения: самодержавие доделало то, чего не могли добиться объединенные силы ее четырех противников.

Специальный раздел посвящен Турции и балканским государствам. Это период безуспешных, срываемых царской Россией и прочими европейскими державами попыток Турции вступить на путь реформ. Это также период установления сербского и румынского королевств в ущерб русскому влиянию и окончательного воссоединения и освобождения Италии после поражения Ав-

стрии в 1866 году в войне с Пруссией. Эта война, создавшая гегемонию Пруссии в Германии, как и предыдущая война за Шлезвиг-Гольштейнию, нашли соответствующее место в главе о воссоединении Германии, завершеном, как известно, в результате войны с Францией (1870 — 1871 годы). Последней, естественно, отведено много места.

Особенно рельефно выступают у автора в изложении военных операций успехи вновь созданных после поражения императорских войск народных армий: не будь предательства генералов и разных Тьеров и Фавров и представляемых ими кругов финансовой и крупной буржуазии, конечный исход войны мог быть иной. Но этим кругам хотелось поскорей покончить с войной, для того чтобы разделаться с революционными массами. Не удивительно, что парижане ответили на это предательство восстанием Коммуны. Странно, что такой обширной и важной теме, как Парижская коммуна, автор соответствующей главы посвятил только несколько холодных страниц, поражающих полным непониманием всемирноисторического значения этого «эпизода». Впрочем, надо отдать ему справедливость: он беспощадно разоблачает резню, устроенную версальцами после взятия Парижа.

Последние два тома обзриваемой «Истории» представляют, с точки зрения составителей, скорее современность чем историю в узком смысле слова: о «современности» автора еще судили с «гневом и пристрастием» участников и близких наблюдателей. Читатель найдет в них историю Третьей (французской) республики в наиболее трудный период ее существования, когда она должна была еще бороться за свое существование против монархических и клерикальных элементов, против авантюристической политики реваншистов и военщины. Здесь же дана история Англии в эпоху расцвета глэдстонского либерализма, безуспешно старавшегося разрешить ирландскую проблему, и история новой Германии, характеризующаяся укреплением полубабсолютизма, появлением на политической арене социал-демократии, развитием колониальной политики. Показаны история внутренней консолидации и неудач первых попыток колониальной экспансии Италии, истории международных отношений: русско-турецкой войны, Берлинского конгресса, возникновения Тройственного, а затем франко-русского союза, — история захватов на Дальнем Востоке, обзоры колониальных владений и завоеваний и т. д.

Этот период лишь под самый конец соприкасается с эпохой империализма, когда

колониальное соперничество стало одним из основных противоречий между крупнейшими державами; поэтому как внутренняя, так и внешняя история последних все еще носит, так сказать, континентальный отпечаток, не выходя за рамки традиционных проблем. События в Китае, раздел Африки или столкновение в Фашоде все еще фигурируют как эпизоды старой, а отнюдь не новой, империалистической эпохи.

В конечном итоге надо признать, что изданием этой в общем хорошей работы была оказана нашим молодым историкам большая услуга, и надо всемерно приветствовать обещание издательства выпустить ее в новой, авторитетной редакции, с дополнениями и примечаниями, рассчитанными на исправление наиболее крупных ошибок, допущенных ее авторами.

Нельзя не высказать при этом особого пожелания насчет исправления перевода, который в целом ряде мест не только неточен, но прямо извращает текст и делает его совершенно непонятным. Что может, например, читатель разобрать в следующей путанице: чтобы успокоить ториев, «к выборам привлечена была наиболее независимая категория фермеров, а так как баллотировка производилась гласно, то эти голоса, конечно, обеспечивались крупным землевладельцам»? (Т. IV, стр. 23). Почему наиболее независимые фермеры при открытом голосовании должны были выбирать крупных землевладельцев, останется для читателя глубокой тайной, пока он не справится в оригинале: он узнает тогда, что речь, во-первых, идет не о выборах, а об избирательном праве (*suffrage*), и, во-вторых, это право приобрели не «наиболее независимые», а, наоборот, «наиболее зависимые» фермеры! Или такой пример. В главе о Тройственном союзе (т. VIII, стр. 35) читатель встретит следующую фразу: «Политические осложнения, в которые наследственно вовлечена была Австрия, справедливое сознание России, что принесенные жертвы требуют воздаяния, не допускали этого». Сомнительно, чтобы неискушенный читатель мог разобраться в этой галиматее. А нужно читать вместо «наследственно» — «попевале» или «против воли» (*forcément*), вместо «справедливое» — «вполне обоснованное» (*juste*) и вместо «воздаяния» — «компенсации» (*compensations*) — и все станет ясным. Термин «*dépendances*» в смысле полуколоний нужно переводить «зависимые страны», а не «подданства» Англии (т. VI, стр. 123), «*ambassadeur*» — посол, а не посланник, как многократно гласит перевод, вопреки венскому регламенту, и т. п. Будем надеяться, что при следующем издании перевод будет тщательно проверен.

**Проф. Н. П. Грацианский
и проф. С. Д. Сказкин.**

Хрестоматия по истории средних веков.
Т. II. Ч. 1-я. М. Учпедгиз. 1938. 294 стр.
4 руб.

Выпускаемую Учпедгизом «Хрестоматию по истории средних веков», составленную профессорами Н. П. Грацианским и С. Д. Сказкиным, нужно приветствовать как хорошее начинание. Издание исторических документов является выполнением важнейших директив правительства и партии о дальнейшем улучшении преподавания истории в наших школах. В своем решении СНК СССР от 16 мая особенно подчеркнул важность использования в преподавании конкретно-исторических данных и наглядных пособий.

Рецензируемая хрестоматия в основном рассчитана на преподавателей истории средней школы. Она включает программный материал 7-го класса. Удачно расположенные документы дают возможность преподавателю использовать памятники эпохи и изложить материал более ярко, образно и содержательно.

В основном в хрестоматию вошли документы, заимствованные из других хрестоматий, изданных ранее на русском языке, или из переводных работ крупных историков (например Гизо и др.), но есть также и новые документы по истории Франции XI—XV веков, по истории славянских государств, по истории немецкой колонизации и гуситских войн.

Наиболее обстоятельным во всех отношениях является раздел «Франция XI—XV веков», составленный проф. Н. П. Грацианским. Раздел этот открывается очень содержательным введением составителя, в котором дается характеристика основных моментов истории Франции. Главное внимание во введении и в самом разделе уделено политической истории Франции того периода. На основе указаний Энгельса составитель вскрывает классовую сущность королевской власти и ее стремлений к усилению.

Подбор документального материала также является очень удачным. Документы расположены с соблюдением хронологиче-

ской последовательности. Существенное место занимает материал, освещающий классовые столкновения во французском обществе в XIV веке. Показана также деятельность наиболее видных государей. Приведен яркий документ, характеризующий настроения Жанны д'Арк, этой вдохновительницы патриотического движения против чужеземного засилья.

Теперь, когда над Европой (и в частности над Францией) нависли грозные тучи кровавой войны, разжигаемой фашистскими каннибалами, правильная оценка фактов, связанных с деятельностью этой народной героини, приобретает особое значение. В определении роли Жанны д'Арк историк должен исходить из указаний Маркса, сделанных в его «Хронологических выписках»¹. Патриотизм французского народа в прошлом, его борьба против чужеземцев в XV веке являются залогом того, что он и в будущем сумеет защитить свои права от фашистских агрессоров.

К числу недостатков этого раздела следует отнести слабое освещение второй половины XV века, в частности правления Людовика XI. Об этом ничего не сказано во введении проф. Грацианского и приведен только один документ. Между тем этот период очень слабо отражен в существующей учебной литературе. Составителям следовало привести 1—2 документа о борьбе Людовика XI с Карлом Смелым и выдержки из законодательства Людовика XI.

Второй раздел посвящен истории Англии XI—XV веков. Умело составленное введение к этому разделу в сжатой форме, четко и ясно знакомит с историей Англии XI—XV веков. Следует отметить меньшую оригинальность этого раздела: все документы, за исключением 2—3, являются перепечаткой материала из ранее вышедших хрестоматий.

Недостатком этого раздела является то обстоятельство, что история Англии доводится только до второй половины XIV века. Наиболее трудные проблемы политической истории Англии XV века остались неосвещенными. Например преподаватель нуждается в материале и указаниях о восстании Кэда (1450 год) и о тридцатилетней войне Роз. Желательно было бы использовать указания Энгельса по затронутым вопросам. Известно, например, как Энгельс характеризовал деятельность англичан на континенте во время столетней войны. «Англия, — говорил Энгельс, — прекратила, наконец, свои донкихотские завоевательные войны во Франции, в которых она, если бы они продолжались дольше, истекла

¹ См. «Исторический журнал» № 1 за 1937 год, стр. 58.

бы кровью; феодальное дворянство попыталось вознаградить себя войнами Роз и получило больше, чем искало; оно истребило себя во взаимной междоусобице и возвело на королевский трон Тюдоров, которые могуществом своей власти превзошли и всех своих предшественников и всех своих наследников»¹. Такую же оценку войны Роз Энгельс дает и в своей «Крестьянской войне в Германии», где он указывает, что в результате усобиц второй половины XV столетия (т. е. войн Роз) старое феодальное дворянство было уничтожено, за исключением 30—32 семейств.

Будем надеяться, что весь необходимый материал по истории Англии второй половины XV века войдет во 2-ю часть II тома. Хотя, судя по хронологическим рамкам раздела «Англия XI—XV веков», этот материал должен был бы войти в 1-ю часть II тома.

В разделе «Германия XIII—XV веков» наибольший интерес представляют памятники по истории колонизации Прибалтики и гуситских войн. Расположение материала по истории гуситских войн показывает, что составитель (тов. Бердонос) не освободился от вредной и глубоко неправильной традиции, внесенной немецкими историками-националистами, традиции, которая рассматривает Чехию как составную часть Германской империи.

Чехия имеет свою историю; гуситские войны являлись выражением героической борьбы чешского народа против немецких узурпаторов и католических прелатов, господствовавших в стране. Ошибка тов. Бердоносова и редактора тов. Удальцова должна быть исправлена в следующем издании, так как она может породить совершенно неправильные политические представления у читателей и является своего рода примиренчеством с фашистской «историографией». По истории Чехии нужен особый отдел хрестоматии.

Автор введения к этому разделу Н. П. Грацианский совершенно правильно поступил, выделив и подчеркнув грабительский, захватнический характер колонизации немцами Прибалтики, основываясь на исключительно ярких страницах из «Хронологических выписок» К. Маркса. Эти высказывания гениального творца революционной теории пролетариата наголову разбивают псевдонаучную, проникнутую диким, каннибальским зоологизмом «теорией» немецких фашистов о превосходстве «германской расы» и ее культурном значении.

Документы по истории колонизации Прибалтики разоблачают грабительскую сущ-

ность немецких узурпаторов, «рыцарей»-прохвостов.

«Славянская хроника» Гельмольда (несмотря на свою классовую тенденциозность) показывает яркие моменты героической борьбы славян против немецкой узурпации. «Однако, — говорит Гельмольд, — потом славяне, одолевшие саксов, истребили их, и вся земля оставалась во владении славян» (стр. 97). В другом месте указанной хроники говорится о том, что за разговорами о распространении христианства среди язычников-славян скрывались грабительско-захватнические цели. К сожалению, эта часть хроники не вошла в рецензируемую часть хрестоматии.

О героическом сопротивлении ливов против немецких узурпаторов говорит летописец Генрих Латышский. Он указывает, что ливы избili кулаками его людей (т. е. проповедника христианства Мейнарда. — И. И.) и решили его самого удалить из их земли» (стр. 99).

Жители Прибалтики знали прекрасно, что означает распространение немецко-христианской скотской культуры, по образному замечанию Маркса. «...они видели, что это означает покорение императору и папе — и христианский экономический базис — десятина попам»², — писал Маркс. Ливы благо-разумно говорили одному из «проповедников»: «отошли войско и возвращайся в мире со своими на твое епископство» (стр. 99). Генрих Латышский указывает на те причины, которые лежали в основе деятельности немецких рыцарей: они стремились жителей Ливонии «подчинить христианской вере, дабы они, рыцари... могли пользоваться и большими доходами» (стр. 102).

Документы о гуситских войнах приобретают исключительное значение в настоящее время, когда Австрия оккупирована германским фашизмом, когда германские агрессоры готовятся посягнуть на независимость и свободу чешского народа. Они показывают, как в прошлом чешский народ вел героическую борьбу за свободу и независимость против немецких узурпаторов, как он бил немецких «крестоносцев»-прохвостов, которые хотели окончательно подавить и поработить Чехию. В одном из источников говорится: «Толпа осадила ратушу Нового города, выломав двери, поднялась наверх в ратушу и выбросила из окон сверху на землю бургомистра Николая Подвинского с тремя советниками, судьей тоже по имени Николай и несколькими горожанами (т. е. немецко-католическими

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 449.

² К. Маркс «Хронологические выписки». «Исторический журнал» № 1 за 1937 год, стр. 58.

припешниками. — И. И.)...» (стр. 121). На стр. 127 описывается военная организация габоритов, показаны роль и участие женщин в борьбе чешского народа за самостоятельность.

Очень жаль, что в этот раздел не вошли источники, освещающие непосредственный ход борьбы чешского народа против «крестоносного» сброда.

Большой интерес представляет глава «Польша XI—XV веков». Учитывая то обстоятельство, что средневековая Польша относительно слабо освещена в русской литературе, включение в хрестоматию специального раздела по этому вопросу является большим достижением. Здесь дается материал и социально-экономический и политический. Показываются некоторые моменты борьбы польского крестьянства против своих угнетателей (стр. 202). Очень яркую картину о знаменитой грюнвальденской битве (1410 год) рисует отрывок из сочинения Длугоша. Известно, что поляки и литовцы при помощи русского народа жестоко отдули «рыцарей»-прохвостов Тевтонского ордена (стр. 213, 214). Недостатками этого раздела нужно считать отсутствие развернутой вводной статьи и документов о предпосылках образования шляхетской республики, как например «Нешавского статута» 1456 года и «Петрковской привилегии» 1496 года.

Очень интересный и нужный материал дает специальная глава по истории Сербии. До сих пор советский учитель не имел почти никакого материала по этому вопросу. Хрестоматия дает возможность заполнить этот

пробел и значительно обогатить урок по истории Сербии. Особенное значение имеют документы, освещающие борьбу сербов против чужеземных притязаний, и «Закононик» Стефана Душана, который показывает социальную структуру сербского королевства в XIV веке. Недостатком раздела по этому вопросу, так же как и раздела по истории Польши, является отсутствие обстоятельной вводной статьи. Статья тов. Пякитина не освещает даже важнейших проблем указанного периода.

Разделы «Италия XI—XV веков», «Церковь и культура» во всех отношениях составлены прекрасно. Проф. Сказкин и Лесников сумели отобрать наиболее существенные моменты из имеющихся источников. Содержательны также и вводные статьи.

Включение отрывков из «Города-солнца» Кампанеллы, на наш взгляд, представляется излишним, так как эти отрывки относятся к позднему периоду истории Италии, который в этой части хрестоматии никак не освещен.

В общем «Хрестоматия по истории средних веков» является ценным пособием для преподавателя-историка и студента исторического факультета. Будем надеяться, что Учпедгиз доведет издание хрестоматии до конца, так как надобность в этом исключительно велика. Об этом совершенно четко говорилось на I Всесоюзном совещании работников высшей школы. Задача составления учебников и учебных пособий выдвинута тов. Молотовым как одна из первых задач работников высшей школы.

СОДЕРЖАНИЕ

Б. ВОЛИН — Великая победа советского народа	1
Н. ГУДЗИЙ — „Слово о полку Игореве“ и его историческая почва . .	5
Г. ХАЧАПУРИДЗЕ — Присоединение Грузии к царской России . . .	14
И. ЛОЧМЕЛЬ — Борьба белорусского народа против литовского и польского ига	24
Н. ТИМОФЕЕВ и С. БРАЙНИН — Товарищи Сталин, Фрунзе и Куйбышев в борьбе за Советский Казахстан (1918 — 1920 годы) . .	36
Ф. НОТОВИЧ — Германский империализм — зачинщик войны 1914—1918 годов	43
Е. БЕЛЯЕВ — Ислам и арабский халифат VII — IX веков	56
О. БЕРШАДСКАЯ — Раскол на II съезде РСДРП и левые в германской социал-демократии	71
Л. БЫЧКОВ — Пламенный большевик В. Р. Менжинский	80
В. МЕНЖИНСКАЯ — Дореволюционные годы Вячеслава Рудольфовича Менжинского	86

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

А. ФОХТ — Политическое воспитание на уроках истории	91
С. БАСНИНА — Работа археологического кружка Московского дома пионеров	97
Н. РУНИНА — Работа исторического кабинета Московского дома пионеров	100
Д. НИКИФОРОВ — Античный кружок Московского дома пионеров . .	106

КОНСУЛЬТАЦИЯ

Г. ЦВЕТКОВ — Испанские революции в первой половине XIX века	109
--	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

Ф. РОТШТЕЙН — Рецензия на книгу „История XIX века“ под ред. Лависса и Рамбо. Тт. I—VII. Соцэкгиз. 1937	120
И. ИВАШИН — Рецензия на книгу проф. Н. П. Грацианского и проф. С. Д. Сказкина. „Хрестоматия по истории средних веков“. Т. II. Ч. 1-я. М. Учпедгиз. 1938.	125

Адрес редакции: ул. „Правды“, 24, комната 809, тел. Д 3-30-48, Д 3-36-50

Ответственный редактор — **Б. М. Волин**
Ответственный секретарь — **О. С. Вейланд**

Уполномоченный Главлита № Б — 48810. Изд. № 697. Заказ № 1972. Тираж 48 300
Материал сдан в набор 25/VI 1938 г. Подписан к печати 20/VII 1938 г. 8 печ. л. 70 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.